АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:

АРХЕОЛОГИЯ СТОРИЯ

ТОРИЯ

ТО

Выпуск 3

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Federal budget state establishment of science Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

Asian-Pacific Region: Archaeology, Ethnography, History

Collection of articles
Issue 3

Ed. by Doctor of Historical Sciences, Professor O.V. Diakova

Vladivostok Dalnauka 2014

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история

Сборник научных статей Выпуск 3

Ответственный редактор доктор исторических наук, профессор О.В. Дьякова

Владивосток Дальнаука 2014 **Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история.** Сборник научных статей. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — Вып. 3. — 272 с.

ISBN 978-5-8044-1498-7

В предлагаемом сборнике собраны статьи, освещающие самые разные стороны жизни населения Дальнего Востока России и зарубежных стран за большой хронологический период времени, начиная с эпохи палеолита и заканчивая XX веком.

Ключевые слова: археология, этнография, история, Дальний Восток, культура, некрополь, средневековье, мохэ, тюрки, этнос.

Ответственный редактор — д.и.н., проф. О.В. Дьякова

Рецензенты — Кафедра всеобщей истории, археологии и антропологии ДВФУ, канд. ист. наук В.И. Болдин

Редколлегия:

Уч. секретарь — канд. ист. наук Е.В. Сидоренко,

Чл. редколлегии — канд. ист. наук В.Н. Чернавская

Рекомендовано к изданию Учёным советом ФБГУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Издано при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-31-09008 «Государство Бохай: археология, история, политика», Проекта Президиума ДВО РАН № 12-I-П33-02 «Средневековые культуры Приморья: корреляция, традиции, инновации»

Asian-Pacific region: Archaeology, Ethnography, History. Collection of articles. — Vladivostok: Dalnauka, 2014. — Issue 3. — 272 p.

ISBN 978-5-8044-1498-7

The collection of articles contains articles elucidating various sides of the life of the population of the Russian Far East and foreign countries for a great chronological period of time since the epoch of paleometal till the 20th c.

Key words: archaeology, ethnography, history, the Far East, culture, mound, ethnic community.

Ed. by: Doctor of Historical Sciences, Professor O.V. Diakova.

Reviewed by: Chair of World History, Archaeology and Anthropology of Far East Federal University; Candidate of Historical Sciences *V.I. Boldin*.

Editorial Board:

Academic secretary: Candidate of Historical Sciences E.V. Sidorenko.

Members of Editorial Board: Candidate of Historical Sciences V. N. Chernavskaia.

Recommended for the edition by Academic Council of the Federal Budget State Establishment of Science Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS.

Published under finance support of the Grant of the Russian State Scientific Fund (RGNF) № RGNF № 12-31-09008 "Ancient mounds of Primorye", the Project of the Presidium FEB RAS № 12-1-P33-02 "Mediaeval cultures of Primorye: correlations, traditions, innovations".

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	1
АРХЕОЛОГИЯ	
Дьяков В.И., Дьякова О.В. Этапы заселения человеком побере-	
жья полуострова Муравьёва-Амурского в древности и средневе-	
ковье (Приморье)	9
Кривуля Ю.В. Жилища раннесредневекового поселения Михай-	
ловка-2	59
Кривуля Ю.В. Керамика раннесредневекового поселения Михай-	
ловка-2	74
Кривуля Ю.В. Мохэские памятники юго-западного Приморья	89
Дьякова О.В. Буддийские памятники государства Бохай (698–926)	117
Шавкунов В.Э. Вопросы происхождения и датировки смольнин-	
ской культуры	138
Шавкунов В.Э., Никитин Ю.Г. Коллекция наконечников стрел	
с берегов Малой Уссурки	153
Дьякова О.В. Инновации в погребальных традициях средневеко-	
вых тунгусо-маньчжуров Приморья (по материалам курган № 41	
некрополя Монастырка-3)	163
ЛИНГВИСТИКА, ТОПОНИМИКА, ЭТНОГРАФИЯ	
Гирфанова А.Х., Сухачёв Н.Л. О лингвистической составляющей	
алтаистики (над страницами «Этимологического словаря алтай-	
ских языков» — EDAL)	183
Тарасов О.Ю. История формирования топонимии Верхнего При-	
амурья	197
Самигулов Г.Х. Формирование тюркских этнических групп в ус-	
ловиях сословного Российского государства (на примере ичкин-	
ских татар)	225
Янчев Д.В. Жилые, промысловые, хозяйственные и ритуальные	
постройки народов Амура (середина XIX — начало XXI в.)	228
ИСТОРИЯ	
В.Н. Чернавская. Россия и Китай в XVII в.: сопоставительный	
анализ	241
В.Г. Макаренко. Научно-образовательный комплекс Дальнего	
Востока России на современном этапе: проблемы и перспективы	256

CONTENTS

Pleiace	/
ARCHAEOLOGY	
Diakov V.I., Diakova O.V. Stages of Peopling of the Coast of Muravyov-Amursky Peninsula in Antiquity and Middle Ages (Primorye) Krivulia Yu.V. Dwellings in the Early Mediaeval Settlement Mikhai-	9
lovka-2 Krivula Yu.V. The Ceramics of the Early Mediaeval Settlement Mikhailovka-2	59 74
Krivula Yu.V. Mohe monuments of the southwestern Primorye Diakova O.V. The Budhist Monuments of Pohai State (698—926) Shavkunov V.E. The Problems of the Origin and Dating of Smolninskaya Culture	89 117 138
Shavkunov V.E., Nikitin Yu.G. The Collection of Arrow Heads from the Banks of Malaya Ussurka	153
Tungus-Manchu of Primorye (on the materials of Burial-Mound No 41 of the Necropolis Monastyrka 3)	163
LINGUISTICS, TOPONOMY, ETHNOGRAPHY	
Girfanova A.H., Sukhachov N.L. Linguistic Constituent of the Altaic Problematics (perceiving of the Etymological Dictionary of the Altaic Languages — EDAL)	183 197
Tatars)	225
,	
HISTORY	
Chernavskaya V.N. Russia and China in the 17th c.: A Comparative Analysis	241
of Russia Nowadays: Problems and Perspectives	256

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей «Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история» — третий выпуск продолжающейся серии. В него включены статьи по актуальным проблемам археологии, этнографии, истории Дальнего Востока России и зарубежных стран. В серии статей впервые вводится в научный оборот блок археологического материала, посвящённого разработке периодизации, корреляции, классификации артефактов.

Наиболее древний период представлен статьёй *В.И. Дьякова, О.В. Дьяковой* «Этапы заселения человеком побережья полуострова Муравьёва-Амурского в древности и средневековье (Приморье)», в которой вводятся в научный оборот археологические материалы 38 археологических памятников от мезолита до позднего средневековья, обнаруженные авторами на территории п-ова Муравьёва-Амурского, включая территорию г. Владивостока.

В двух статьях *Ю.В. Кривули* публикуются итоги археологических раскопок мохэского поселения Михайловка-2: «Жилища раннесредневекового поселения Михайловка-2», «Керамика раннесредневекового поселения Михайловка-2», позволяющие определить место и время данного объекта в археологии Приморья.

В статье *О.В. Дьяковой* «Буддийские памятники государства Бохай (698—926)» анализируются буддийские объекты, обнаруженные на территории северо-восточного Китая, Северной Кореи и российского Приморья.

Вопросам происхождения и датировки смольнинской культуры посвящена статья *В.Э. Шавкунова*. Анализ проводится по материалам авторских раскопок 12 памятников, прослеживается сложная и неоднозначная ситуация в выявлении истоков и трансформации культурных традиций смольнинской культуры.

Публикация коллекции наконечников стрел с берегов Малой Уссурки приводится в статье B. Э. Шавкунова и Ю.Г. Никитина, предлагаются их классификация, культурная индентификация и датировка. 8 Предисловие

Завершает археологический раздел сборника статья *О.В. Дьяковой* «Инновации в погребальных традициях средневековых тунгусо-маньчжуров Приморья (по материалам кургана № 41 некрополя Монастырка-3)», в которой подробно освещается устройство кургана, его место в некрополе Монастырка-3, датировка и выявляются инновационные процессы в погребальном обряде мохэсцев Приморья.

Раздел «Лингвистика, топонимика, этнография» открывается статьёй A.X. Гирфановой и H.Л. Сухачёва, выявляющей лингвистическую составляющую алтаистики и освещающую современные проблемы и достижения в данном научном направлении.

Истории формирования топонимии Верхнего Приамурья посвящена статья О.Ю. Тарасова, в которой прослеживаются несколько этапов, связанных с освоением территории различными этносами (тунгусами, тюрками, монголами).

Формирование тюркских этнических групп в условиях сословного Российского государства на примере ичкинских татар анализирует Γ . *Х. Самигулов*, подробно выявляя особенности и детали регионального и хронологического процесса.

Статья \mathcal{L} . В. Янчева посвящена жилым, промысловым, хозяйственным и ритуальным постройкам народов Амура середины XIX — начала XXI вв.

Исторический раздел представлен статьёй В.Н. Чернавской, рассматривающей в сопоставительном аспекте Россию и Китай XVII в.

Завершает сборник статья *В.Г. Макаренко*, в которой даётся полный анализ проблем научно-образовательного комплекса Дальнего Востока России на современном этапе и прогнозируются его перспективы.

Все археологические статьи сопровождаются иллюстративным материалом, что позволяет читателям объективно оценивать предложенные разработки.

О.В. Дьякова

УДК: 930.26(571.63)

В.И. Дьяков, О.В. Дьякова

ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ПОБЕРЕЖЬЯ ПОЛУОСТРОВА МУРАВЬЁВ-АМУРСКИЙ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПРИМОРЬЕ)*

Исследование археологических памятников п-ова Муравьёв-Амурский показало, что человек впервые появился на данной территории в эпоху мезолита (устиновская культура), жил здесь в эпоху неолита, палеометалла (янковская культура), раннего средневековья (мохэ, чжурчжэни).

Ключевые слова: палеометалл, средневековье, янковская, мохэ, чжурчжэни, культуры, периодизация, Приморье.

V.I. Diakov, O.V. Diakova

Stages of peopling the coast of the Muravyov-Amursky Peninsula in antiquity and the middle ages

The study of archaeological monuments of the Muravyov-Amursky Peninsula showed that man first appeared on this site in the Mesolithic (Ustinovskaya culture), lived here in the Neolithic, Paleometal (Yankovskaya culture), the early middle ages (Mokhe, Jurchens). **Key words:** Paleometal, Mediaeval, Yankovskaya, Mokhe, Jurchen, cultures, periodization, Primorye.

Заселение и освоение человеком Дальнего Востока России относится к числу ключевых фундаментальных научных проблем полиаспектного значения. Над её решением работали несколько поколений исследователей, начиная с конца XIX в. и заканчивая современностью. В результате выявлены

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 12-I-II-П33-02).

многочисленные археологические объекты от палеолита до позднего средневековья, на основе которых выделены археологические культуры, создана их периодизация и установлена этническая картина населения Дальнего Востока России для разных времён [1—5, 7, 8]. Однако далеко не все дальневосточные территории в археологическом плане изучены равномерно — по многим регионам до сих пор отсутствуют исторические источники. Возникает естественный вопрос: либо территория по каким-то причинам не была заселена и освоена, либо до сих пор остаётся неисследованной. Ярким примером тому служит побережье п-ова Муравьёв-Амурский, и в частности район зал. Петра Великого — Амурский и Уссурийский заливы. И это несмотря на то, что данная часть Приморья в настоящее время является наиболее обжитой и плотно заселённой. В публикуемой статье мы попытаемся ликвидировать данный пробел в истории Приморья, привлекая в качестве источников археологические материалы разведочных и стационарных работ, целенаправленно проведённых авторами на этой территории [5, 6].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ п-ова МУРАВЬЁВ-АМУРСКИЙ

Полуостров Муравьёв-Амурский расположен в северной части зал. Петра Великого Японского моря. С запада побережье полуострова омывается Амурским, с востока — Уссурийским внутренними заливами. Археологическими обследованиями, охватившими практически всю береговую линию, было выявлено несколько древних памятников, относящихся к различным культурно-историческим периодам. Это послужило основой для составления археологической карты полуострова, окрестностей г. Владивостока (рис. 1). Следует заметить, что большинство найденных археологических памятников являются остаточными, а иные — чудом сохранившимися. Безусловно, невосполнимый урон древним памятникам был нанесён при строительстве Уссурийской железной дороги в конце XIX в. Полотно трассы прокладывали вдоль берега, в результате

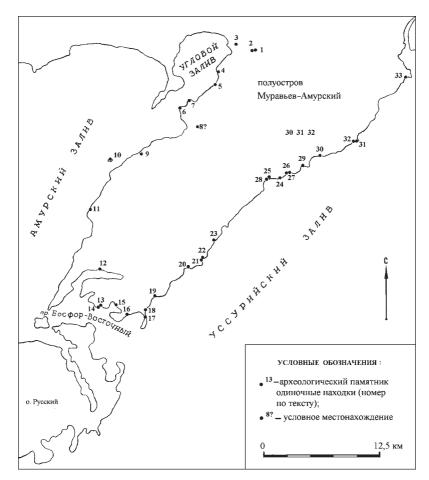

Рис. 1. Археологические памятники п-ова Муравьёв-Амурский:

1 — Трудовое-I; 2 — Трудовое-II; 3 — Угловое-1; 4 — Угольная-1; 5 — Весенняя-1; 6 — Океанская-1; 7 — Океанская-2; 8 — Океанская-3; 9 — Седанка-1; 10 — Коврижка-1; 11 — Вторая Речка-1; 12 — находка в бухте Золотой рог; 13 — Малый Улисс-1; 14 — Малый Улисс-2; 15 — находка в бухте Улисс; 16 — находка в бухте Патрокл; 17 — Басаргин-1; 18 — Басаргин-2; 19 — находка в бухте Сухопутная; 20 — Горностай-1; 21 — Кетовая-1; 22 — Кетовая-2; 23 — одиночная находка у п/л «Политехник»; 24 — Лазурная-1; 25 — Лазурная-2; 26 — Лазурная-3; 27 — Лазурная-4; 28 — Лазурная-5; 29 — одиночная находка в бухте Емар; 30 — Энгельма-1; 31 — Маньчжур-база-1; 32 — Маньчжур-база-2; 33 — Черепашье озеро

чего основные рельефные особенности мысов нивелировались, а устья ручьёв отсыпались. И только в местах ответвления дороги вглубь полуострова (участок между железнодорожными станциями Весенняя и Океанская) был сохранён рельеф местности прибрежной зоны, где и обнаружены памятники вдоль Амурского залива. Однако современная рекреационная деятельность в данной курортной зоне поставила под угрозу их сохранность.

Несколько полнее выглядит археологическая карта территории вдоль Уссурийского залива. Но и здесь нет сомнений в том, что открытые и обследованные памятники являются только частью ранее существовавших.

1. **Трудовое-І** (рис. 1, *1*).

Памятник расположен правом берегу р. Песчанка в предустьевой части, в 2,5 км от её впадения в Амурский залив, в 0,5 км к востоку — северо-востоку от северной окраины пос. Трудовое, в 1 км справа от 34-го километра автотрассы Владивосток — Уссурийск. Располагается на одном из переломов ступенчатого склона сопки. Поверхность в рельефе выраже-

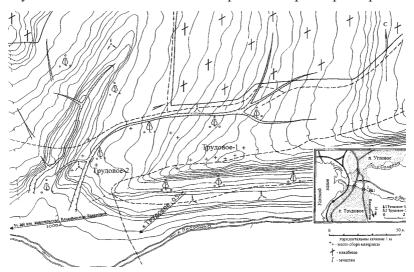

Рис. 2. Топографический план и схема расположения памятников Трудовое-1, 2

на небольшой субгоризонтальной площадкой, вытянутой в западном — юго-западном направлении. Ширина не превышает 15 м, длина около 30 м. Южный склон возвышенности, где дислоцирован памятник, обрывистый к долине р. Песчанка, превышение над уровнем воды в реке около 20 м. По бровке южного склона проложена полевая дорога. Северный склон пологий (около 10°) изрезан оврагами и отделён от соседней вершины небольшим распадком. Поверхность памятника сложена светлыми супесчаными грунтами с грубообломочным материалом, залегающими на глинистых слоях. Почвенно-растительный слой слаборазвит (истощён), местами практически отсутствует.

Высота поверхности памятника над современным уровнем воды в заливе около 30 метров.

При визуальном осмотре склона собрана коллекция из 15 каменных артефактов: острообушковая с трапециевидным сечением мотыга (рис. 3, I), пластинчатые отщепы (рис. 3, 2-4), боковой скребок из халцедона (рис. 3, 5).

Малое количество диагностирующего материала не позволяет сделать однозначного заключения о культурной принадлежности объекта, но характер собранного материала не исключает его двухслойности. Типологически к неолиту можно отнести пластинчатые отщепы, а к палеометаллу — мотыгу.

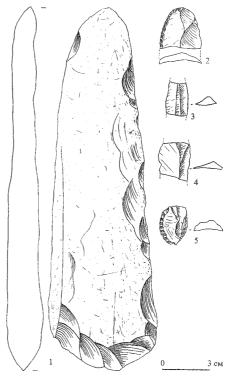

Рис. 3. Памятник Трудовое-1, подъёмный материал: 1 — каменная мотыга; 2—4 — обломки пластин; 5 — скребок

2. **Трудовое-II** (рис. 1, 2).

Памятник расположен на правом берегу р. Песчанка, в 2,5 км выше впадения в Амурский залив, в 0,5 км к северо-востоку от пос. Трудовое, в 80 м ниже по склону (к западу) от памятника Трудовое-I.

Находится на террасовидной поверхности оконечности склона, изрезанного оврагами. Площадка слабонаклонная в западном — юго-западном направлении. С севера и северо-востока её ограничивает крутой уступ к распадку, с южной и юго-западной сторон — крутой уступ к долине р. Песчанка. Превышение над уровнем воды в реке 7—8 м. В обрывистой стенке одной из многочисленных промоин сделана зачистка и зафиксирована следующая стратиграфия (рис. 4):

слой 1: почвенно-растительный, чёрный, гумусированный, мощностью до 0,2 м;

слой 2: тёмно-серая супесь, слабо гумусированная, мощностью $0.02-0.04~\mathrm{m}$;

слой 3: светло-коричневый суглинок, лёгкий с незначительной примесью грубообломочного материала, мощностью $0.15-0.22 \,\mathrm{m}$;

слой 4: щебнисто-дресвяные отложения с суглинистым заполнителем (кора выветривания), мощностью более 0,4 м.

На контакте слоёв 1 и 2 найдены фрагмент круговой керамики серого цвета, фрагмент железного лемеха.

Собран подъёмный материал, представленный фрагментами круговых керамических сосудов: 7 боковых стенок с горизонтально прочерченным орнаментом, один фрагмент плавно

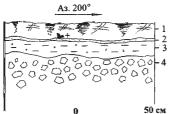

Рис. 4. Зачистка обнажения памятника Трудовое 2

отогнутого наружу венчика.

Подобная керамика характерна для поселений эпохи средневековья периода чжурчжэньской империи Цзинь (1115—1234 гг.).

Площадь памятника, согласно распространению подъёмного материала, составляет 50×30 м. Сохранность памятника аварийная.

3. **Угловое-I** (рис. 1, 4, 5).

С этим памятником связаны находки каменных изделий в деревне Угловое в 20-х годах прошлого века, обнаруженные А.И. Разиным и позволившие предположить существование в данной местности древней стоянки.

В апреле 1935 г. Иваньевым, Пинчук и Арзамасовым в окрестностях ст. Угольная собрана коллекция древних изделий, среди которых прямоугольный топор, 2 фрагмента венчика лепных сосудов. Один фрагмент декорирован по шейке тремя горизонтально прочерченными бороздами, другой оформлен по шейке налепным валиком с защипом*. Единственной привязкой находок к местности является мост на шоссейной дороге в Шкотово в окрестностях ст. Угольная. В настоящее время это, видимо, мост через р. Песчанка по старой автотрассе на пос. Угловое (и далее на Шкотово).

Наши исследования показали, что местность имеет значительные разрушения, и оставшаяся площадь памятника не превышает 70×20 м. Сам же памятник по материалу соответствует янковской культуре эпохи палеометалла.

4. **Угольная-1** (рис. 1, 4)

О существовании памятника в 0,5 км от ст. Угольная в сторону г. Владивосток известно от Л.И. Иваньева. В 1935 г. он собрал на огороде коллекцию древних предметов, из которой сохранилось только 2 фрагмента лепной керамики железного века. В настоящее время памятник уничтожен.

5. **Весенняя-1** (рис. 1, 7, 8)

Памятник находится в 400 м к западу-юго-западу от станции Весенняя ДВЖД. Расположен на отдельной возвышенности низкого аккумулятивного берега Амурского залива. В плане возвышенность овальная, вытянута вдоль берега, слабо задернована, превышение над уровнем воды 8—9 м.

^{*} Коллекция МПК-414 (археологический фонд) Краевого краеведческого музея им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток.

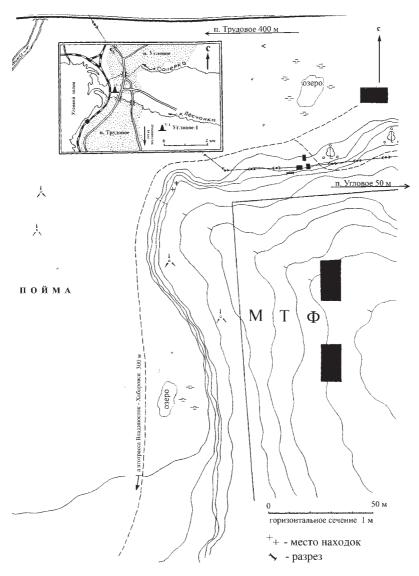

Рис. 5. Топографический план и схема расположения памятника Угловое-1

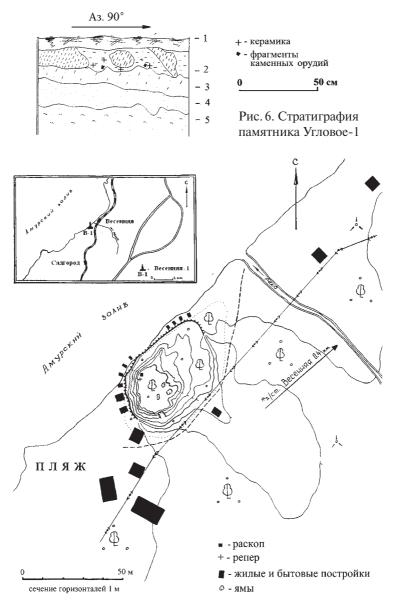

Рис. 7. Топографический план и схема расположения памятника Весенняя-1

Площадь основания возвышенности 65×40 м, верхней поверхности 10×20 м. Южный склон крутой, местами обрывистый, северный и северо-восточный — ступенчатые. Линия берега обрывистая, в настоящее время застроена гаражами.

На памятнике проведены разведывательные и стационарные изыскания. Зафиксирована следующая стратиграфия (рис. 8, *3*, *15*):

слой 1: тёмно-серая супесь с углистыми остатками (истощённый почвенно-растительный слой) мощностью 0,03—0,08 м;

слой 2: жёлто-коричневая супесь, светлая, лёгкая, рыхлая. Контакт со слоем 1 нечёткий, нижний горизонт волнистый, мощность 0.08-0.18 м;

слой 3: желтовато-серая супесь, светлая, плотная с включением редкого щебня и гальки (5%), мощностью 0,14-0,2 м;

слой 4: светло-коричневый суглинок, лёгкий, плотный, сухой с включением редкой гальки и выветренного песчаника, мощностью 0.12-0.14 м;

слой 5: выветренный песчаник с супесчаным заполнителем, вскрытая мощность около 0,2 м.

Находки встречены в слоях 2—4:

слой 2 — отбойник из песчанистой гальки (глубина 0,18 м), заготовка бифаса из кремния (гл. 0,2 м), три мелких отщепа (гл. 0,2—0,24 м), микроотщеп (гл. 0,26 м), фрагмент ретушированного и слабошлифованного наконечника с вогнутым основанием (гл. 0,21 м) (рис. 8,4), фрагмент ретушированного наконечника (гл. 0,2 м) (рис. 8,5), фрагмент лепного сосуда с ямочным орнаментом (гл. 0,2 м) (рис. 8,3);

слой 3 — два мелких отщепа из обсидиана и алевролита (гл. 0,3 м) (рис. 8,6), микроотщеп из обсидиана (гл. 0,31 м), микроотщеп из алевролита (гл. 0,34 м);

слой 4 — микропризматический нуклеус из обсидиана (гл. 0,46 м) (рис. 8, 9), микропластина 0,85×0,3 см (гл. 0,48 м) из окремненного алевролита (рис. 8, 10), фрагмент пластины из окремненного алевролита (гл. 0,46 м) (рис. 8, 7), отщеп средний из обсидиана (гл. 0,44 м) (рис. 8, 8), мелкий кремнистый отщеп.

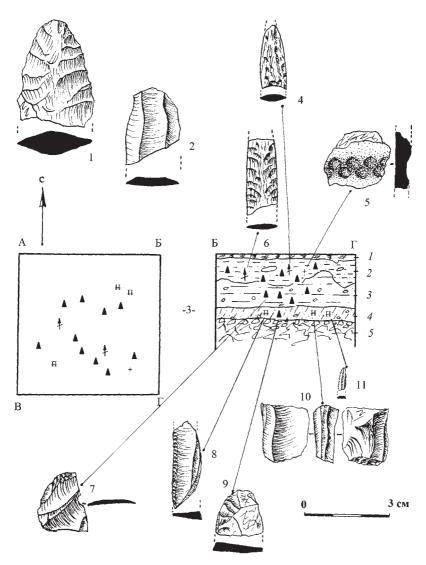

Рис. 8. Стратиграфия и материал памятника Весенняя-1

По материалу слой 2 (керамика, каменный инвентарь) соответствует неолитическому периоду. Слой 4 содержит находки палеолитического облика и может быть отнесён к эпохе верхнего палеолита—мезолита.

6. **Океанская-1** (рис. 1, 9, 10).

Памятник находится в 1,7 км к северо-западу от станции Океанская ДВЖД. Расположен на оконечности мыса Клыкова, являющегося южной частью полуострова, разделяющего Амурский и Угловой заливы (рис. 9). Глубина выступа в залив около 1 км. С южной стороны мыс выражен клифом — абразионным уступом. На поверхности заметны выходы коренных пород. С северной стороны берег обрывистый, перекрыт мощным чехлом рыхлых пород. Линия берега с юга проходит по подошве клифа, с северной стороны она отделена ровной террасовидной поверхностью, сложенной рыхлыми осадками. Поверхность мыса в западном направлении наклонная, покрыта лесной растительностью. Превышение

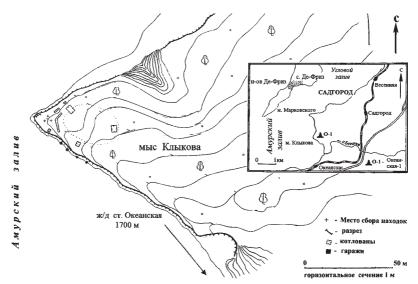

Рис. 9. Топографический план и схема расположения памятника Океанская-1

над уровнем воды в заливе около 15 м. Поверхность повреждена несколькими современными котлованами.

В носовой части мыса собран подъёмный материал из 26 предметов. Среди них фрагменты лепных сосудов без декора, один мелкий отщеп и обломок черешкового наконечника, изготовленного шлифовкой из окремненного аргиллита.

Для выявления культурного слоя на обнажённой оконечности мыса сделана метровая зачистка, выявившая следующую стратиграфию:

слой 1 — почвенно-растительный, тёмно-коричневый, мощностью до 0.17 м;

слой 2 — тёмно-коричневая супесь, лёгкая, сухая, плотная, с включением одиночной гальки, мощностью до 0,09 м;

слой 3 — тёмно-серая супесь, с шоколадным оттенком, лёгкая, плотная, сухая, с включением мелкообломочного ма-

териала и древесных угольков, мощностью до 0,03 м;

слой 4 — рыхлый песчаник мощностью 0,15 м.

Находки связаны со слоями 1 и 2 и представлены тремя фрагментами лепной керамики, характерной для янковской культуры эпохи палеометалла.

Сохранность памятни-ка аварийная.

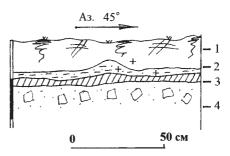

Рис. 10. Стратиграфия памятника Океанская-1

7. **Океанская-2** (рис. 1, 11, 12).

Находится в 3,2 км к западу от станции Садгород ДВЖД. Расположен на мысе Марковского, на территории ведомственной военной базы отдыха, между д/о «Сокол» и п/л «Сокол».

Оконечность мыса разрушена во время взятия грунта на отсыпку вертолётной площадки и причала. Склоны мыса обрывистые, с западной и южной сторон наблюдаются выходы коренных пород, перекрытые в северной части

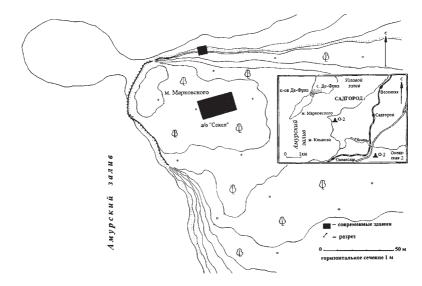

Рис. 11. Топографический план и схема расположения памятника Океанская-2

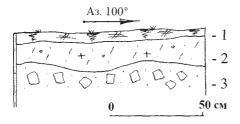

Рис. 12. Стратиграфия памятника Океанская-2

рыхлыми отложениями. Высота мыса над уровнем воды в заливе около 8 м. Местность застроена.

На оконечности мыса обнаружен фрагмент лепной неорнаментированной керамики, толщина стенки 0,7 см, тесто грубое, с примесью крупнозернистого

песка. В этом месте была произведена метровая зачистка берега (рис. 12). Зафиксирована следующая стратиграфия:

слой 1 — почвенно-растительный слой, мощностью 0,05 м; слой 2 — серовато-коричневая супесь, светлая, лёгкая, сухая, с включением редкой гальки и дресвы, мощностью 0,1—0,17 м;

слой 3 — выветренный песчаник, мощностью 0,1 м.

В слое 2 залегали два фрагмента лепной керамики, соотносимые с янковской культурой эпохи палеометалла. Памятник практически разрушен.

8. **Океанская-3** (рис. 1, 8).

В 1938 г. Л. Иваньевым упоминались остатки древней дороги, идущей в сторону с. Шкотово. Более точных определений месторасположения не указывалось. Исследованиями 1992 г. обнаружить каких-либо следов дороги не удалось.

9. **Седанка-1** (рис. 1, *9*).

На реке Седанка в 1891 г. найдено 5 железных ножей. В настоящее время сохранился только один экземпляр. Длина ножа 19,5 см, ширина лезвия около 2 см. Других сведений относительно данных находок не имеется.

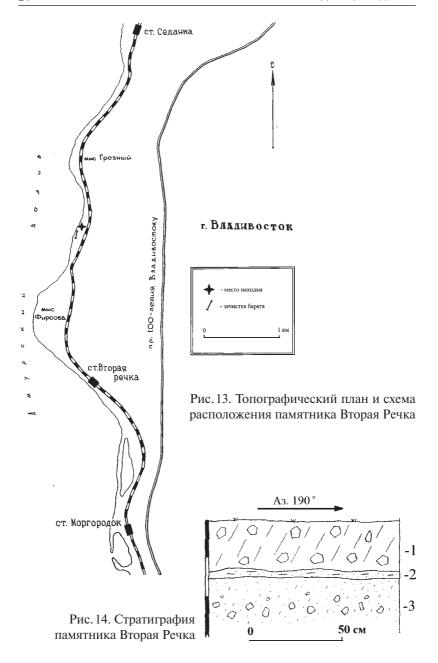
10. **Коврижка-1** (рис. 1, *10*).

В 1961 г. геологом Е.В. Денисовым на о-ве Скребцова (Коврижка) обнаружены изделия эпохи палеометалла и остатки раковинных куч. На острове отсутствует пресная вода и почти нет растительности. Памятник относится к янковской культуре и датируется концом І тыс. до н.э. — нач. І тыс. н.э.

11. Вторая Речка-1 (рис. 1, 13, 14).

Памятник расположен в небольшой бухте между мысом Фирсова и мысом Грозный в районе Второй Речки (Советский район г. Владивосток). Здесь найдено два фрагмента круговой керамики серого цвета. При тщательном осмотре местности других фрагментов не обнаружено. По берегу проходит полотно железной дороги, рельеф местности сильно видоизменён в ходе хозяйственной деятельности. На обрывистом берегу произведена зачистка уступа склона длиной 1 м. Зафиксирована следующая стратиграфия:

- слой 1 наброс суглинистого грунта с грубообломочным материалом, мощностью до $0,29~\mathrm{M}$;
 - слой 2 погребённый дёрн мощностью 0,05 м;
- слой 3— супесь серовато-коричневая, лёгкая, с включением щебня, дресвы.

Артефактов в разрезе не обнаружено. Собранные на поверхности фрагменты относятся к эпохе средневековья периода империи Цзинь (1115—1234 гг.).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПО БЕРЕГАМ ПРОЛИВА БОСФОР ВОСТОЧНЫЙ

Пролив Босфор Восточный, расположенный к югу от п-ова Муравьёв-Амурский, соединяет воды Амурского и Уссурийского заливов. Южное побережье полуострова изрезано, здесь большое количество бухт и заливов.

12. **Находка в бухте Золотой Рог** (рис. 1, 12).

В 1869 г. на северном берегу бухты Золотой Рог найден фрагмент шлифованного каменного топора. В 2012 г. В.И. Дьяковым в море вблизи берега обнаружен второй шлифованный каменный топор.

13. **Малый Улисс-1** (рис. 1, 15—21).

Памятник расположен в южной части п-ова Муравьёв-Амурский на берегу бухты Малый Улисс, в черте г. Владивосток.

Обнаружен в 1953 г. А.П. Окладниковым во время обследования данной местности Дальневосточной археологической экспедицией (ДВАЭ). На морской террасе, сильно изрезанной оврагами и ручьями, были проведены сборы подъёмного материала, произведена зачистка обрыва. В 1953 г. исследователь пришёл к выводу, что от памятника Улисс-1 осталось не более 20 м². Летом 1992 г. памятник обследован вторично авторами статьи. Принимая во внимание разрушения, произошедшие за 40 лет, естественно было думать, что сохранившийся участок окажется ещё меньше. Однако проведённые в 1993 г. стационарные исследования показали, что первоначальная оценка, к счастью, не совсем точна и на памятнике сохранились объекты, доступные для стационарного изучения. В результате проведённых в 1993 г. охранных раскопок площадью 79 м² выявлена многослойность памятника, представленная комплексом

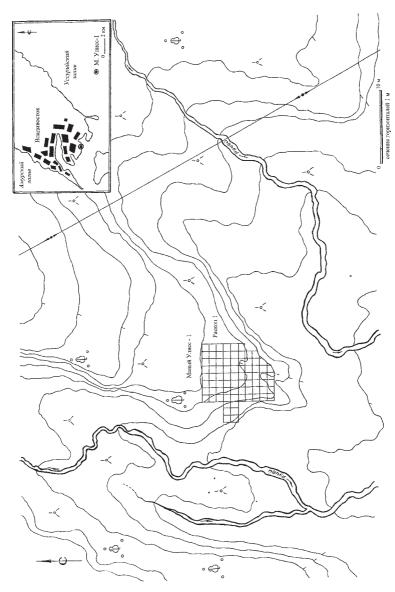
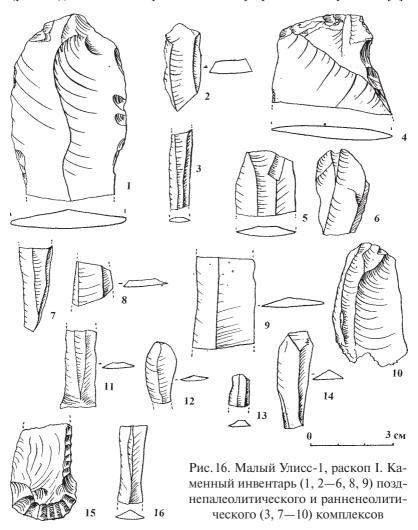

Рис. 15. Топографический план и схема расположения памятника Малый Уписс-1

эпохи позднего палеолита в виде переотложенных артефактов (рис. 16), раннего неолита в виде инситных залеганий каменных артефактов и лепной керамикой с «амурской плетёнкой» (рис. 17, 20), палеометалла (янковская культура) в виде лепной керамики (рис. 18), пряслиц (рис. 18, 9-11), каменных орудий (рис. 19), а так же захоронение этнографического времени [5].

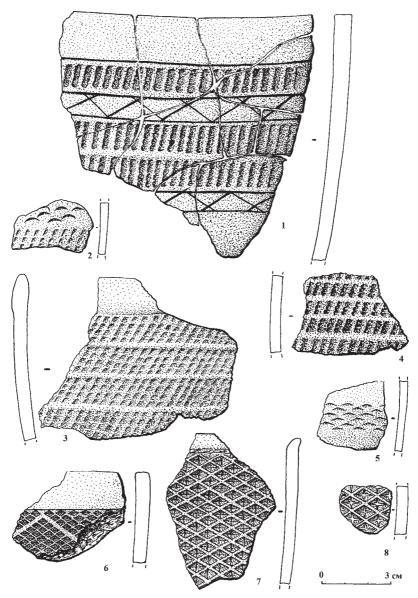

Рис. 17. Малый Улисс-1, раскоп І. Фрагменты керамических сосудов из ранненеолитического комплекса

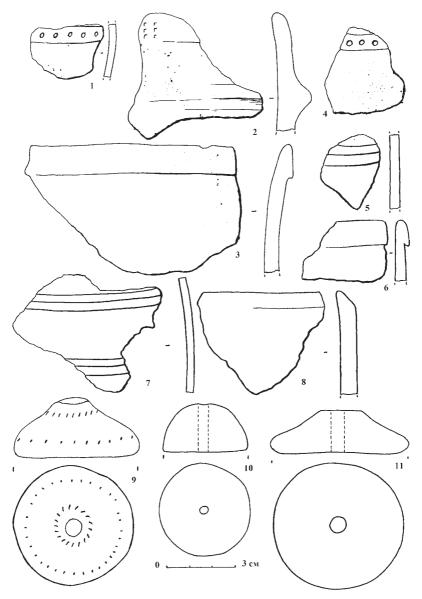

Рис. 18. Малый Улисс-1, раскоп І. Фрагменты керамических сосудов из мест с разрушенным культурным слоем

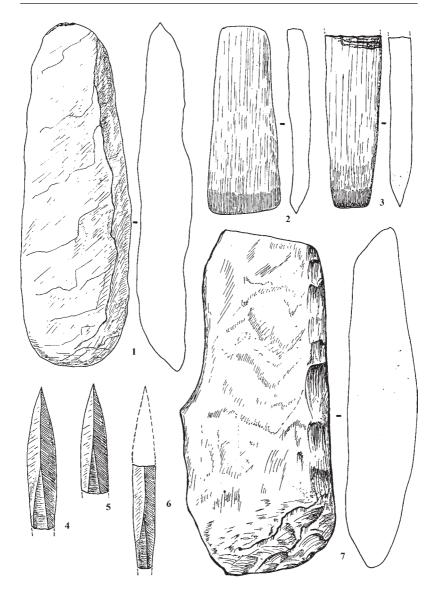

Рис. 19. Малый Улисс-1, раскоп I. Керамический инвентарь из комплекса раннежелезного века: 1-8 фрагменты сосудов, пряслица

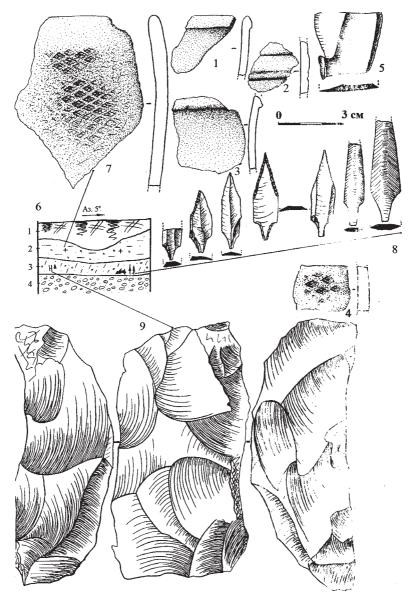

Рис. 20. Малый Улисс-1, раскоп І. Каменный инвентарь из комплекса раннежелезного века

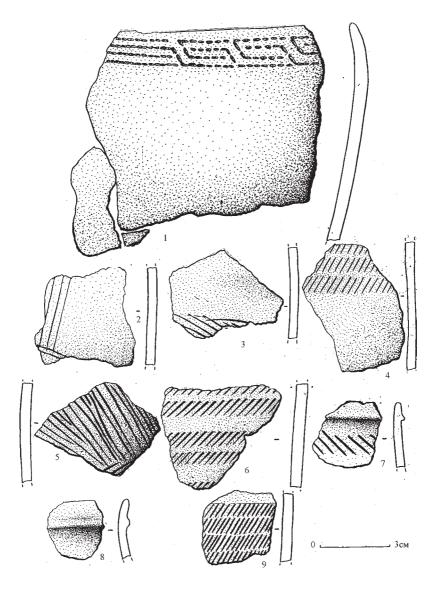

Рис. 21. Памятник Малый Улисс-1: находки из разрушенного слоя

14. **Малый Улисс-2** (рис. 1, *22*).

Памятник расположен в южной части п-ова Муравьёв-Амурский, в центральной части бухты Малый Улисс, в 20—30 м к западу от памятника Малый Улисс-1, в черте г. Владивосток. Памятники разделены ручьём. Поселение Малый Улисс обнаружено и обследовано в 1953 г. А.П. Окладниковым. В 1992 г. переобследовано авторами статьи, снят план.

Памятник находится на оконечности морской террасы. Его поверхность слабонаклонная, задернована, покрыта редким кустарником и отдельными деревьями. С восточной стороны памятник ограничен ручьём, размывающим уступ террасы. В обрыве уступа, разрушенного водотоками, поднято два неорнаментированных фрагмента лепной керамики. Здесь произведена зачистка и зафиксирована следующая стратиграфия:

слой 1 — почвенно-растительный слой, чёрный, гумусированный, мощностью 0,3 м;

слой 2 — коричневый суглинок, тяжёлый, с редким включением гравия и дресвы, мощностью 0,2-0,25 м;

слой 3 — щебнисто-глыбовые отложения с супесчаным заполнителем, мощностью около 0,2 м.

В разрезе находки не обнаружены, но слой 2 является культурным. В 30-40 м к северу от зачистки наблюдается рез-

кое сокращение его мощности, что, видимо, показывает северную границу памятника.

Культурная диагностика памятника затруднена из-за невыразительности материала, но, вероятнее всего, он оставлен носителями янковской культуры эпохи палеометалла. Сохранность памятника аварийная.

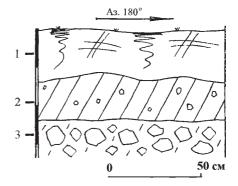

Рис. 22. Стратиграфия памятника Малый Улисс-2

15. **Находка в бухте Улисс** (рис. 1, *23*)

В центральной части бухты Улисс, расположенной на южной оконечности п-ова Муравьёв-Амурский, обнаружен фрагмент глиняной обмазки. Предмет поднят около дороги.

16. **Находка в бухте Патрок**л (рис. 1, *23*).

В восточной части бухты Патрокл на пляже поднят фрагмент венчика лепного сосуда. Фрагмент орнаментирован пятью глубокими горизонтальными бороздами, прочерченными под устьем. Толщина стенки 2,2 см, тесто грубое, с примесью крупнозернистого песка и шамота. Учитывая неоднократное изменение поверхности (отсыпка и механическое выравнивание) и отсутствие дополнительных находок, детальные исследования местности не проводили. Типологически керамика соответствует янковской культуре эпохи палеометалла.

17. **Басаргин-1** (рис. 1, *23*).

Памятник располагается на узком перешейке, соединяющем мыс Басаргина с п-овом Муравьёв-Амурский (материком). Ширина перешейка не превышает 100 м, превышение

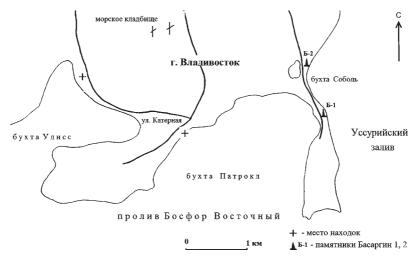

Рис. 23. Схема расположения памятников в бухтах Патрокл и Соболь

над уровнем воды в бухте 3—4 м. С западной стороны находится бухта Патрокл прол. Босфор Восточный, с восточной — бухта Соболь Уссурийского залива. Первые предположения о существовании в данной местности древнего поселения высказал в середине 20-х годов прошлого века А.И. Разин. В 1931 г. территория обследована Л.И. Иваньевым. Собран обширный материал артефактов, фаунистическая коллекция, выявлено большое количество раковинных куч. Археологические исследования носили разведочный характер и ограничивались сбором подъёмного материала. Проведение работ для установления границ распространения памятника и его особенностей в настоящее время затруднено, территория занята режимным объектом.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОБЕРЕЖЬЯ УССУРИЙСКОГО ЗАЛИВА

18. **Басаргина-2** (рис. 1, *18*).

Памятник находится на ступенчатом склоне юго-восточной оконечности п-ова Муравьёв-Амурский в бухте Соболь Уссурийского залива. О существовании памятника впервые упоминал Л.И. Иваньев. Исследователь указывал на наличие древних поселений по вершинам сопок мыса Басаргина. При осмотре территории летом 1992 г. на склоне сопки в бухте Соболь найдено два невыразительных фрагмента лепной керамики. Вероятнее всего, это одно из местонахождений, указанных Л.И. Иваньевым.

Памятник разрушен.

19. **Находка в бухте Сухопутная** (рис. 1, *24*).

На крутом склоне сопки в бухте Сухопутная в 70 м к востоку от угла домов № 13 и № 15 по ул. Добровольского (г. Владивосток) поднято два кремнистых отщепа. Поверхность имеет наклон в южном направлении. Линия берега обрывистая, каменистая. Превышение над уровнем воды в заливе более 20 м.

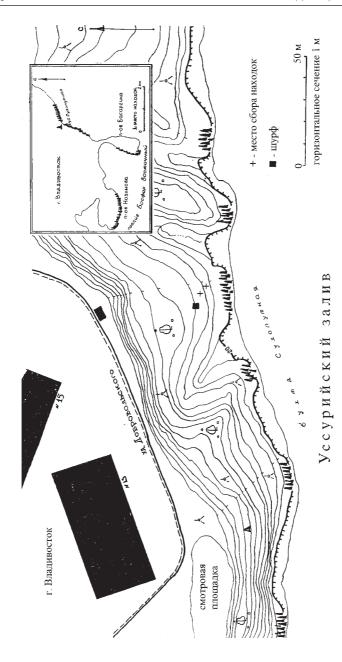

Рис. 24. Схема расположения памятников в бухте Сухопутная

В 30 м от линии берега начинается крутой (более 40°) искусственно созданный при строительстве склон. В месте соприкосновения откоса и сохранившейся поверхности вдоль берега поставлен шурф. Зафиксирована следующая стратиграфия:

слой 1 — почвенно-растительный слой, чёрный, гумусированный, с включением редкого щебня, мощностью 0,19—0,13 м; слой 2 — щебнисто-глыбовые отложения с супесчаным заполнителем светло-коричневого цвета, мощностью 0,25 м.

Находок в разрезе не обнаружено. Памятник культурно не диагностирован.

20. Горностай-1 (рис. 25, 26).

Памятник расположен на речной террасе в северной части бухты Горностай в 1 км к югу от одноимённого посёлка. Участок находится между ложбинами, по днищу которых врезаны русла оврагов. От узкой (5-7 м) полосы гравийно-песчаного пляжа терраса отделена чётким уступом, в западной части почти обрывистым. Верхняя поверхность ровная, горизонтальная, размером 40×15 м. В глубине террасы на поверхности имеется 1,5-метровый уступ. Превышение над уровнем воды в Уссурийском заливе 4-5 м. Территория покрыта редким кустарником и отдельными деревьями.

На поверхности террасы, в её прибровочной части, собрано несколько фрагментов лепной керамики. Здесь сделана метровая зачистка.

Стратиграфический разрез представлен:

слой 1 — почвенно-растительный, светло-серый, песчаный, мошностью 0.05—0.1 м;

слой 2 — тёмно-серая (до чёрного) супесь, лёгкая, с редким включением гальки, гравия и щебня. В восточной части разреза включение линзы серовато-жёлтой супеси $(0,03-0,04~\mathrm{M})$. Мощность слоя до $0,15~\mathrm{M}$;

слой 3 — гравийно-галечниковые отложения с песчаным заполнителем, мощностью 0,2 м.

Культуросодержащим является слой 2. В нем собрано 76 фрагментов лепной керамики и большое количество

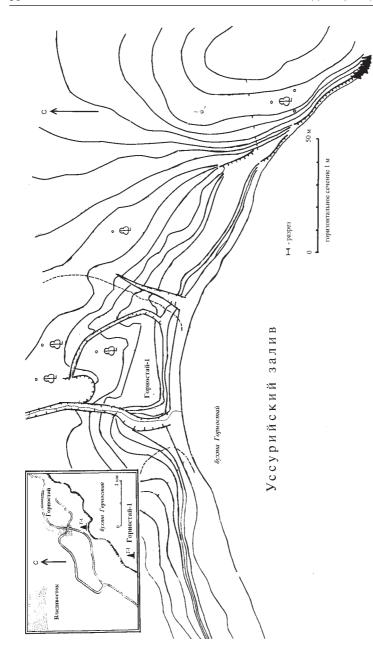

Рис. 25. Схема расположения памятников в бухте Горностай

раковин морских моллюсков. Керамика представлена преимущественно неорнаментированными боковыми стенками лепных сосудов, семь из которых декорированы горизонтальными бороздами или пунктиром (рис. 26, 1, 4), а также тремя вен-

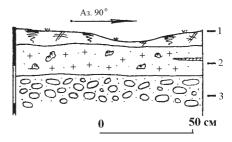

Рис. 26. Стратиграфия и материалы памятника Горностай-1 (1—4)

чиками сосудов с отогнутым наружу утолщённым краем (рис. 26, 3), фрагментом придонной части с орнаментом, нанесённым прямоугольной лопаткой (рис. 26, 2).

Собранный материал характерен для поселений янковской культуры эпохи палеометалла (1 тыс. до н.э.).

Площадь древнего поселения 800 м^2 , оно размещается вдоль бровки террасы. Современное состояние памятника удовлетворительное.

21. **Кетовая-1** (рис. 1, 27—28).

Памятник расположен в 1800 м к востоку от южной окраины пос. Горностай, в северной части бухты Кетовая, на территории военного полигона. Находится на поверхности пологого склона, простирающегося в северо-восточном направлении (к заливу). В северной части склон рассечён оврагом, в юго-восточной — разрушен карьером и полевой дорогой. Сохранившаяся часть склона выражена узким мысовидным выступом, ширина которого не превышает 15 м. Носовая часть имеет чёткий уступ, на котором зафиксированы окопы. Превышение над уровнем воды в заливе 3—6 м. Местность покрыта лесной растительностью.

В оконечности склона и на полотне дороги поднято 7 фрагментов лепной керамики, орнаментированной двумя маленькими горизонтальными налепными валиками (рис. 18, 9) и один мелкий первичный обсидиановый отщеп.

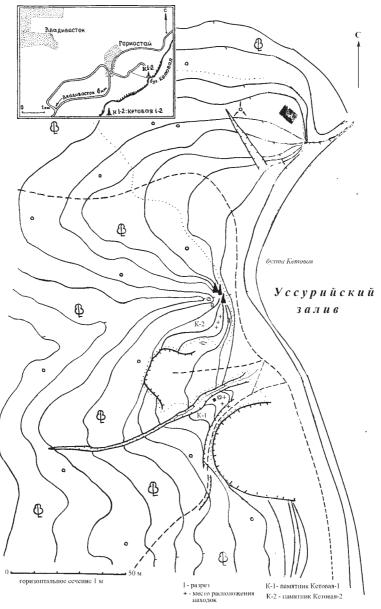

Рис. 27. Схема расположения памятников Кетовая-1, 2

Осмотр стенок оврага вглубь склона и стенок карьера не дал дополнительных находок. В одном из окопов на оконечности склона произведена зачистка стенок и зафиксирована следующая стратиграфия:

слой 1 — почвенно-растительный, слабо гумусированный, мощностью 0,05 м;

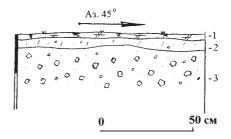

Рис. 28. Стратиграфия памятников Кетовая-1, 2

слой 2 — тёмно-коричневая супесь, тяжёлая с мелкой дресвой, мощностью $0.05~\mathrm{m}$;

слой 3 — дресвяно-щебнистые отложения, мощностью около 0.3 м.

Артефактов в разрезе не обнаружено. Отсутствуют и фаунистические остатки.

Учитывая искусственные изменения геоморфологических особенностей местности, диапазон распространения подъёмного материала и его малочисленность, можно предположить, что границы памятника простирались вдоль бровки склона. А отсутствие чётко фиксируемого культурного слоя предполагает незначительную площадь стоянки.

Памятник практически разрушен, сохранившаяся плошаль $70-80 \text{ м}^2$.

22. **Кетовая-2** (рис. 1, 27, 28).

Расположен в 1800 м к востоку от южной окраины пос. Горностай, в северной части бухты Кетовая, на территории военного полигона, в 30 м к северу от памятника Кетовая-1. Памятники разделяет распадок. Сейчас в данном месте небольшой карьер, в нем проложена полевая дорога. Памятник Кетовая-2 находится по левому борту распадка, на южном склоне каменистого гребня. Поверхность наклонная, тыловой шов не выражен. В прибрежной части крутой уступ, высота 4—5 м. С южной стороны, около карьера, местность заболочена.

На исследуемом участке поднято 10 фрагментов лепной керамики. Все образцы неорнаментированные. Толщина стенок 0,5—0,8 м. Тесто грубое, с примесью крупнозернистого песка. Из керамики выделяется один фрагмент предустьевой части сосуда с небольшим отверстием на шейке (рис. 26, 7).

Для фиксации культурного слоя на уступе склона в восточной части памятника сделана зачистка.

Стратиграфия разреза:

слой 1 — почвенно-растительный, слабо гумусированный, мощностью 0,05 м;

слой 2 — коричневая супесь с включением дресвы, мощностью до $0.1~\mathrm{m}$;

слой 3 — щебнисто-дресвяные отложения с песчаным заполнителем, мощностью более 0,2 м.

Артефактов в разрезе не обнаружено. Собранный на поверхности материал относится к янковской культуре эпохи палеометалла. Плошаль памятника 20×10 м.

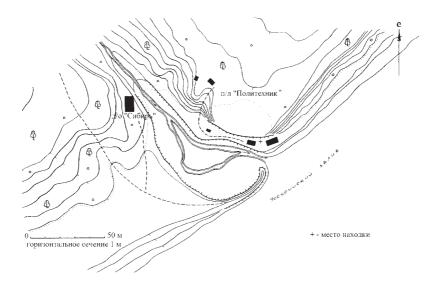

Рис. 29. Схема расположения памятника «Политехник»

23. Одиночная находка у п/л «Политехник» (рис. 1, 23).

Обнаружена справа от места впадения ручья в Уссурийский залив около складских помещений п/л «Политехник». Представлена фрагментом серой круговой керамики эпохи средневековья. Геоморфологические условия местности не отражают своего истинного состояния. Оконечность морской террасы срезана, а верхняя площадка отсыпана при строительстве. При тщательном осмотре берега и обрыва других находок не обнаружено. Памятник условно отнесён к эпохе средневековья, периоду государства Цзинь (1115—1234).

24. **Лазурная-1** (рис. 1, *30*).

Расположен с правой стороны от 20-го километра трассы Владивосток — Артём на юго-западной оконечности мыса Крутого в северной части бухты Лазурная Уссурийского залива. Оконечность мыса в плане тупая, берег выражен крутым абразивным уступом — активный клиф. Превышение над уровнем воды в заливе 20 м. Вдоль каменистого уступа по линии берега простирается узкая полоса открытого бенча. Северный и восточный склоны мыса пологие. Верхняя площадка слабонаклонная, задернована, покрыта лесной растительностью. На поверхности в юго-западной оконечности мыса зафиксировано 12 западин — остатков древних жилищ. По форме западины округлые, чашеобразные. Размеры в диаметре около 2 м, глубина 0,15—0,25 м. Определённого порядка в расположении западин нет. Следует отметить, что они сосредоточены в основном вдоль бровки обрыва. Площадь поселения по распространению западин составляет 40×30 м. При осмотре дневной поверхности и многочисленных обнажений обнаружен фрагмент керамики янковской культуры эпохи палеометалла.

25. **Лазурная-2** (рис. 1, *31*).

Расположен на 19-м километре автотрассы Владивосток — Артём в центральной части бухты Лазурная на оконечности одинокого каменистого мыса в пляжной зоне. Южные прибрежные склоны обрывистые, высотой 5—7 м. Основание мыса разрушено денудационными процессами. Склоны мыса

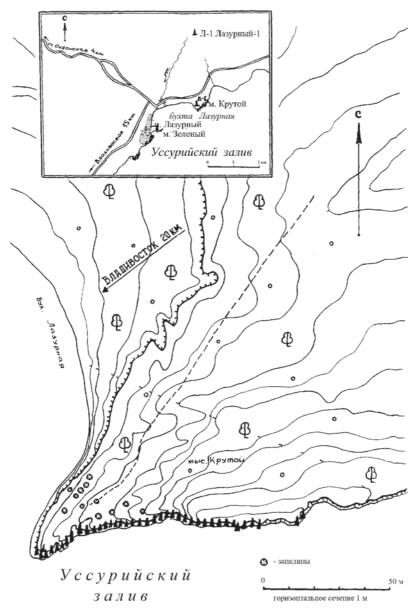

Рис. 30. Схема расположения памятника Лазурная-1

Рис. 31. Схема расположения памятников Лазурная-2 и Лазурная-5

и верхняя площадка слабо задернованы, покрыты кустарником и редкими деревьями. В центральной части мыс рассекается полотном автотрассы.

Находки собраны на носу мыса в верхней части рыхлых отложений и связаны с тёмно-серым суглинистым слоем, залегающим на коре выветривания. Коллекция представлена лепными неорнаментированными фрагментами керамики, кроме венчика сосуда, украшенного тремя горизонтальными бороздами (рис. 26, 7). Собранные предметы относятся к янковской культуре эпохи палеометалла.

Граница памятника проходит по оконечности мыса. Ориентировочная площадь памятника 30×60 м.

Сохранность аварийная.

26. **Лазурная-3** (рис. 1, 31, 32).

Памятник расположен на берегу небольшой бухты «Три Поросёнка» Уссурийского залива в 1 км к северо-востоку от мыса Крутого, справа от автодороги Владивосток—Артём («21-й километр»). Поверхность субгоризонтальная, покрыта древесной

растительностью. Участок склона, ограниченный крутыми уступами — с западной стороны к долине ручья и с восточной к распадку, образует узкую вытянутую полосу шириной не более 8 м. Превышение верхней площадки над уровнем воды в заливе около 4 м. По бровкам уступа проведён сбор подъёмного материала в виде фрагментов лепной керамики янковской культуры эпохи палеометалла.

В средней части исследуемого участка поставлен шурф: слой 1 — почвенно-растительный, мощностью до 0,1 м; слой 2 — светло-коричневая супесь с грубообломочным материалом и редким включением гальки, мощностью 0,3 м.

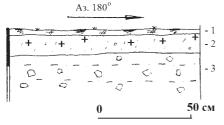

Рис. 32. Стратиграфия памятника Лазурная-3

Артефактов в разрезе не обнаружено.

Отсутствие чётко фиксируемого культурного слоя и малочисленные находки позволяют предполагать наличие в данной местности стоянки янковской культуры эпохи палеометалла.

27. Лазурная-4 (рис. 1; 26, 5, 6; 33).

Памятник расположен на берегу небольшой бухты «Три Поросёнка» Уссурийского залива, справа от автодороги Владивосток—Артём («21-й километр»), в 1 км к северо-востоку от мыса Крутого, в 30 м к востоку от памятника Лазурная-3. Поселение находится на оконечности террасовидной поверхности пологого склона в 50 м от морского берега. Терраса заключена между долинами небольших ручьёв. Верхняя поверхность ровная, покрыта отдельными деревьями и кустарником. В центральной части терраса рассечена небольшим логом. В прибрежной зоне терраса имеет чёткий уступ, с южной и юго-восточной склоны более пологие.

На поверхности собран материал: 23 фрагмента лепной керамики, один фрагмент кругового сероглиняного сосуда. Лепная керамика орнаментирована тремя прочерченными

бороздами (рис. 26, 6), 4 венчика имеют характерный налепной валик мохэского типа (рис. 26, 5).

В западной части заложен шурф, выявивший стратиграфию памятника:

слой 1 — почвенно-растительный, мощностью 0,05 м;

слой 2 — серовато-зелёная супесь, лёгкая с включением щебня и редкого гравия, мощностью 0,1 м;

слой 3 — светло-коричневая супесь с грубообломочным материалом, мощностью 0,2 м.

Культуросодержащим является слой 2. Здесь обнаружено несколько фрагментов лепной керамики мохэской культуры.

В восточной части сделана зачистка берега:

слой 1 — почвенно-растительный слой чёрного цвета, мощностью $0.05~\mathrm{m}$;

слой 2 — светло-серая супесь, лёгкая, сухая с прослойками желтоватой супеси и включением редкой гальки, мощностью 0.1—0.12 м;

слой 3—тёмно-серая супесь, лёгкая, с галькой и гравием, мощностью 0,12—0,15 м;

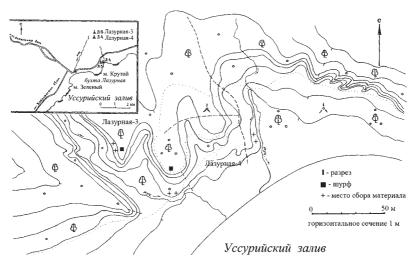

Рис. 33. Схема расположения и стратиграфия памятников Лазурная-3 и Лазурная-4

слой 4 — гравий с песчаным заполнителем, мощностью более $0.3 \, \text{м}$.

В контакте слоёв 3 и 4 найден фрагмент лепной керамики (глубина 0,3 м).

Границы памятника охватывают территорию террасы в прибрежной зоне. Размеры не менее 90×30 м, сохранность памятника хорошая. Полученная коллекция относится к найфельдской группе мохэской культуры (1 тыс. н.э.).

28. Лазурная-5 (рис. 1, 34).

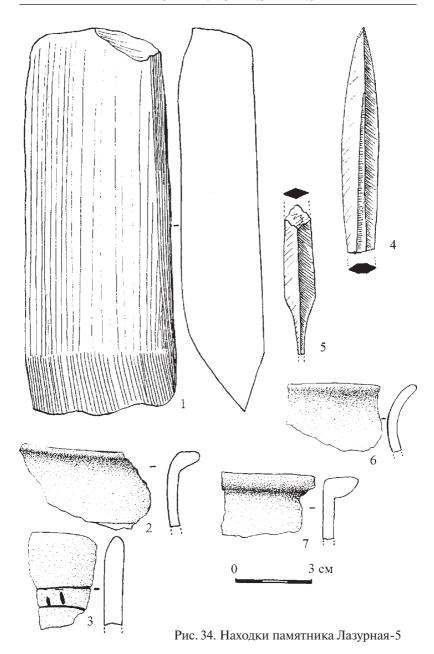
Расположен на аккумулятивном берегу в центральной части бухты Лазурная Уссурийского залива, на 19-м километре автотрассы Владивосток — Артём. Местность — литоральная зона, выраженная песчаным пляжем полного профиля с невысокой (до 1 м) волнообразной поверхностью. Собрана коллекция из 37 артефактов. Участок пляжа, где собраны артефакты примыкает с западной стороны к одинокому каменистому мысу, на вершине которого расположен памятник Лазурная-2. Находки сосредоточены на 60—65-метровой полосе пляжа вдоль автодороги. Ширина около 25 м. Артефакты представлены в основном фрагментами лепных сосудов, характеризующих янковскую культуру эпохи палеометалла (рис. 34, 2, 3). Каменный инвентарь представлен двумя каменными топорами с отшлифованной лезвийной частью и шлифованным наконечником из окремненного аргиллита (рис. 34, 1, 4).

Собранный древний материал связан с задернованным гумусированным песком чёрного цвета, частично сохранившимся около кладбища. Фиксируемая мощность культурного слоя около 0.2 м.

Памятник разрушен.

29. Одиночная находка в бухте Емар (рис. 1).

Обнаружена на на огороде, расположенном на морской террасе в бухте Емар, в 200 м к востоку от детского спортивного оздоровительного центра «Океан». Представлена фрагментом кругового сосуда серого цвета. Участок местности, где

сделана находка, подвергался неоднократному механическому воздействию, результатом чего стала полная культивация дневной поверхности.

30. Энгельма-1 (рис. 1, 33, 34).

Памятник расположен в 1 км северу—северо-востоку от мыса Энгельма, на 24-м километре автотрассы Владивосток—Артём, справа на поверхности мысовидного склона, заключённого между долинами ручьёв. Восточный и западный склоны обрывистые, в носовой части склон ступенчатый, у подошвы находится намывной галечный вал. Верхняя площадка ровная. Ширина не превышает 5—6 м, расстояние до полотна автодороги не более 35 м. Общее превышение над уровнем воды в заливе 8—9 м. Местность покрыта лесной растительностью. На оконечности склона и перед намывным валом поднято 2 фрагмента лепной керамики. На верхней площадке найдено 3 фрагмента лепной керамики. Все находки являются боковыми стенками сосудов, один экземпляр орнаментирован гребенчатым штампом.

В шурфе зафиксирована следующая стратиграфия:

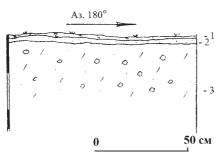

Рис. 36. Стратиграфия памятника Энгельма-1

слой 1 — почвенно-растительный, слабогумусированный, мощностью 0,02 м; слой 2 — серовато-зелёная супесь, слабовыраженная по мощности, с включением мелкообломочного материала и разрушенных раковин морских моллюс-

слой 3 — светло-корич-

ков, мощностью около

невая супесь с дресвой и щебнем, мощностью около 0,3 м.

Артефактов не обнаружено. По собранному материалу памятник предположительно отнесён к эпохе палеометалла.

0.015 m;

Сохранность хорошая.

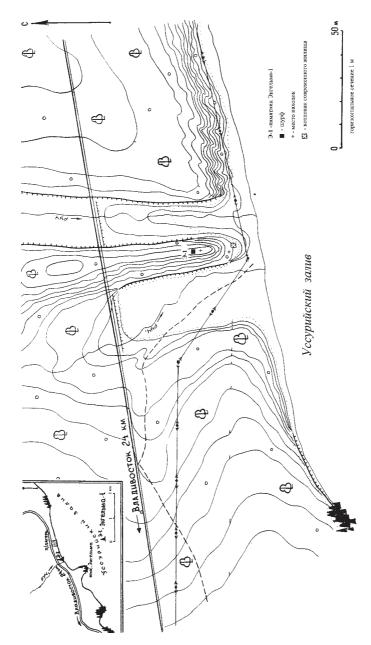

Рис. 35. Схема расположения памятников Энгельма-1

31. **Маньчжур-база-1** (рис. 1).

Памятник располагается на оконечности мыса Вилкова, на территории базы отдыха автобазы № 1 п/о «Приморстройтранс». Обнаружен при земляных работах на строительстве базы отдыха, обследовался в 1990 г. археологическим отрядом Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока АН СССР*. В общей сложности при шурфовке и сборах подъёмного материала найдено около 1 тыс. артефактов. В основном это фрагменты лепных керамических сосудов, представленные как минимум двумя культурно-историческими эпохами — железным веком и раннесредневековой мохэской культурой.

32. **Маньчжур-база-2** (рис. 1, 32).

Располагается на оконечности мыса Вилкова, в 400 м к юго-западу от памятника Маньчжур-база-1. Памятник практически разрушен при строительстве базы отдыха автобазы № 1 п/о «Приморстройтранс». Обследовался в 1990 г. археологическим отрядом Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока АН СССР. После их обследования на памятнике собран подъёмный материал, состоящий из 26 фрагментов лепной керамики и одного почти целого сосуда с пробитым дном. Памятник отнесён к янковской культуре.

33. Черепашье озеро (рис. 35, 36).

Бухта расположена в северной части Уссурийского залива вблизи устья р. Артёмовка (Майхэ). Протяжённая морская терраса заключена между двумя каменистыми мысами (Черепахи и Галлера), выступающими в Уссурийский залив на 50—100 м. Протяжённость мысов примерно одинакова — около 500—600 м. Восточный мыс (Галлера) — со ступенчатым склоном к западу и крутым обрывом в носовой и восточной частях. Западный мыс (Черепаха) — с седловиной, разделяющей его на две отдельные высоты. Превышение мысов в оконечностях над

^{*} Официальная информация о проведённых работах в архив Института археологии АН СССР не представлялась.

уровнем воды в заливе 7—10 м. Поверхность морской террасы ровная, превышение над уровнем воды в заливе 3—4 м, протяжённость между мысами около 700 м. В прибрежной части чёткий уступ наблюдается на всём расстоянии. Отдельные разрушения связаны с абразионными процессами, в результате чего бровка террасы извилистая, местами образованы глубокие врезы и промоины. В глубине террасы, в 200 м от линии берега, находится оз. Черепашье. Его размеры в диаметре около 400—500 м. Из озера вдоль западного мыса вытекает ручей. Местность задернована, покрыта редким кустарником и деревьями.

Бухта впервые обследована в 1920-х годах А.И. Разиным. Особое внимание уделено мысу Черепаха, где зафиксировал раковинные кучи и в 1936 г. проводил работы Л.Н. Иваньев. Им была собрана значительная коллекция керамики и каменных орудий. Летом 1992 г. территория бухты переобследована авторами статьи, составлен план местности. Находки рассеяны на всём протяжении берега в бухте. Культурный слой представлен гумусированным песком и супесью.

Детально установить особенности памятника возможно только при условии ведения крупномасштабных исследований. Однако частота находок и некоторые геоморфологические особенности местности позволили предварительно выделить отдельные пункты.

ПУНКТ 1. Находки на оконечности мыса, расположенного в западной части бухты. На расстоянии 40-50 м от носовой части вглубь мыса собраны фрагменты лепных сосудов. Находки связаны с чёрной супесью, залегающей на дресвянощебнистых отложениях (кора выветривания). Мощность культурного слоя 0,1-0,2 м.

ПУНКТ 2. Находится на поверхности участка террасы, примыкающего к мысу Галлера в восточной части бухты. Артефакты, представленные керамикой и фрагментами каменного топора, собраны на расстоянии до 50 м от подошвы склона. В уступе террасы фиксируется культурный слой, перекрытый маломощным дёрном.

ПУНКТ 3. Находится на берегу в центральной части бухты. В многочисленных вымоинах фиксируется культурный слой,

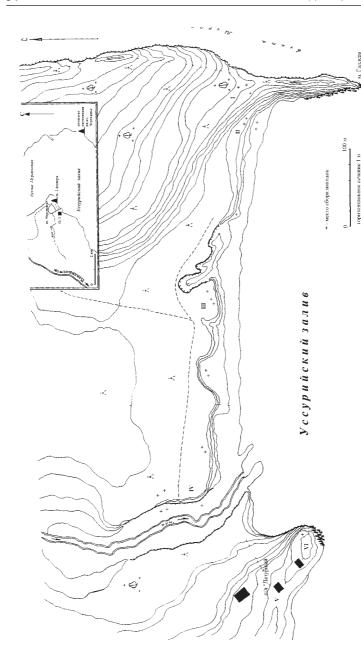
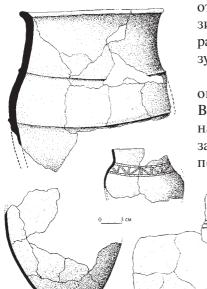

Рис. 37. Схема расположения пунктов памятника озеро Черепашье

представленный гумусированным песком с галькой и гравием. Данный участок имеет наибольшие разрушения. Ориентировочная площадь, установленная по собранному материалу, составляет $100{\times}35$ м. Коллекция артефактов состоит из фрагментов лепной керамики.

ПУНКТ 4. Расположен вдоль русла ручья, вытекающего из озера и впадающего в залив. В обрыве террасы, вдоль левого борта ручья, фиксируется 5 раковинных куч. Внешне это овальные по форме углубления в аллювиальной толще террасы, заполненные раковинами морских моллюсков, остеологическими остатками и битой керамической посудой. Уступ террасы к заливу практически полностью сложен раковинными отходами. Размеры раковинных ям составляют до 1,5 м в диаметре и до 1 м в глубину. Из собранной керамики реставрации поддаётся 4 сосуда (рис. 36).

ПУНКТ 5. Находится на седловине мыса Черепаха, в западной части бухты. Установление данного местонахождения

относится к работам А.И. Разина. Сегодня на этом участке расположен детский лагерь «Лазурный». Памятник разрушен.

ПУНКТ 6. Находится на оконечности мыса Черепаха. В обрыве берега собрана лепная керамика. Находки связаны с тёмно-коричневой супесью, залегающей на коре

Рис. 38. Керамика памятника Озеро Черепашье

выветривания. Мощность культурного слоя около 0,2 м. Установить границы местонахождения невозможно из-за лагерных построек. Собранный в бухте материал во всех пунктах относится к янковской культуре эпохи палеометалла.

ДОПОЛНЕНИЯ К ОБСЛЕДОВАНИЯМ

По устной информации археолога Г.Л. Силантьева на территории г. Владивосток в разные годы им найдены следующие места, представляющие интерес для выявления древних памятников:

- 1. В районе верхних участков улиц Некрасовской, Суханова, Аксакова, на территории бывшей Владивостокской барахолки (район, расположенный к западу—северо-западу от фуникулёра) находили фрагменты средневековой круговой керамики.
- 2. В районе бухты Тихая, вблизи ул. Добровольского встречалась керамика.
- 3. На дне Седанкинского водохранилища на глубине 1—1,5 м были видны остатки какого-то сооружения.
- 4. На ст. Чайка на огороде была найдена металлическая фигурка, выполненная в восточном стиле (типа чиновника в длиннополом халате).
- 5. Сооружения, вероятно погребального типа, встречались вдали от побережья между бухтой Горностай и бухтой Лазурная.

ВЫВОДЫ

Городская застройка, рекреационные и военные объекты, железнодорожная магистраль, шоссейные и просёлочные дороги— всё это в значительной степени отразилось на сохранности археологических памятников п-ова Муравьёв-Амурский. Тем не менее, сам факт фиксации даже полностью разрушенного древнего поселения нам представляется очень

важным, ибо это последняя возможность получить более или менее полное представление о заселении и освоении территории п-ова Муравьёв-Амурский через археологические источники. Заметим, что вести археологический поиск внутри городской застройки — дело не только сложное, но и не всегда безопасное. Нам не удалось довести до конца разведочные работы в нескольких перспективных местах (п-ов Эгершельд, левая приустьевая терраса р. Объяснения, правый берег долины Первой Речки восточнее Проспекта 100-летия), но это никоим образом не искажает картину заселения и освоения человеком данной территории. А она, согласно выявленным археологическим объектам и отдельным артефактам, следующая.

Впервые на п-ове Муравьёв-Амурский человек появился в эпоху позднего палеолита—мезолита, т.е. 10 тыс. лет назад. Свидетельством этому являются памятники Весенняя-1, Малый Улисс-1, материалы которых соотносимы с устиновской культурой, чьи объекты зафиксированы почти на всей территории Приморья, в первую очередь в северо-восточной и восточной его частях. На п-ове Муравьёв-Амурский таких объектов не много, но они есть. Два из них — Весенняя-1 и Малый Улисс-1 — исследовались стационарно.

Не пустовала эта территория и в последующие времена. В эпоху неолита на поселении Малый Улисс-1 обитали племена с характерной керамикой «амурская плетёнка», т.е. это достаточно древние памятники, датируемые периодом 6—4 тыс. лет назад.

Однако, как свидетельствуют археологические источники, активное заселение полуострова произошло в эпоху палеометалла, т.е. во II—I тыс. до н.э. и связано оно с носителями янковской культуры — прекрасными мореплавателями, использовавшими в пищу разнообразные морепродукты, о чем свидетельствуют характерные заполнения жилищ раковинами. Этих людей принято соотносить с племенами илоу и считать палеоазиатами. Как видим, памятники янковской культуры (Золотой Рог, Горностай-1, Кетовая-2, Лазурная 1, Лазурная 2, Лазурная 3, Лазурная 5, Энгельта-1, Маньчжур-база-1,

Маньчжур-база-2, Черепашье озеро) распространяются вдоль всего морского побережья и занимают преимущественно мысовидные оконечности береговой линии.

Не пустовала эта территория и в эпоху раннего средневековья, называемого специалистами «тунгусо-маньчжурским временем», представленным памятниками мохэской, бохайской, чжурчжэньской культур. Мохэская культура присутствует на двух памятниках — Лазурная 4, Маньчжур-база-1 (верхний слой); чжурчжэньская культура периода государства Цзинь (1115—1234) обнаружена на памятниках «Политехник», Емар и др.

Таким образом, п-ов Муравьёв-Амурский полноценно вписывается в археологическую периодизацию Приморья, свидетельствующую о заселении и освоении данной территории первоначально палеоазиатами и тунгусами, а начиная с эпохи средневековья — тунгусо-маньчжурами, т.е. населением, потомки которого здравствуют на Дальнем Востоке России и поныне.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Арсеньев В.К. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края: сочинения. Владивосток, 1947. Т. 4. 345 с.
- 2. Буссе Ф.Ф. Остатки древностей в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ // Зап. о-ва изуч. Амурского края. 1888. Т.1. С.1—28.
- 3. Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене. Владивосток: Дальнаука, 2000. 228 с.
- 4. Дьяков В.И. Сихотэ-Алинь в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. С.11—30.
- 5. Дьяков В.И. Археологические работы в 1993 году (Приморский край, Амурская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 18197.
- 6. Дьякова О.В. Археологические исследования в Приморском крае. 1992 // Архив ИА РАН. Р-1. № 17039.
- 7. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. 259 с.
- 8. Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. 94 с.
- 9. Шавкунов В.Э. Обследования на Смольнинском городище: предварительные результаты // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 30—37.

УДК: 930.26(571.63)

Ю.В. Кривуля

ЖИЛИЩА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКА-2

Статья посвящена описанию и реконструкции жилищ, раскопанных на мохэском поселении Михайловка-2, расположенном к югу от оз. Ханка.

Ключевые слова: мохэская культура, жилища, очаг, реконструкция.

Y.V. Krivulya

Dwellings of the early medieval settlement Mikhailovka-2

The article is devoted to the description and the reconstruction of the dwellings excavated on the Mokhe settlement Mikhailovka-2, located to the south of the Hanka lake.

Key words: Mokhe culture, dvellings, fire, reconstruction.

Введение. Поселение Михайловка-2 расположено в 2,5 км юго-восточнее районного центра с. Михайловка, на оконечности 40-метрового мыса правого берега р. Раковка. Частично возвышенность разрушена карьером по добыче щебня. На памятнике отмечено 47 западин жилищ округлой формы диаметром 5—8 м и глубиной в центре от 0,3 до 0,7 м. Углубления занимают пологую вершину мыса, а также его северо-восточный и юго-восточный склоны (рис. 1). Большинство из западин расположены в виде скопления, без определённого порядка. В западной части поселения жилища образуют 3 ряда, ориентированные по линии юго-запад—северо-восток, состоящие из 4, 6 и 8 углублений. Площадь памятника составляет около 10 тыс. м². Поселение исследовалось в 1985, 1990, 2007 гг. [1, 2]. В южной и юго-восточной частях памятника раскопано 7 жилищ, хозяйственный комплекс, часть межжилищного пространства. В северо-восточной части поселения заложена траншея (15×1 м) (рис. 1). Общая раскопанная площадь составила 395 м².

Жилище № 1 — крайнее юго-восточное на поселении. Стратиграфия представлена разрезом по линии север—юг (рис. 2).

Дерново-гумусный горизонт имеет мощность 0,03-0,11 м. Его подстилает культурный слой — серо-коричневая супесь мощностью 0,05—0,48 м. Этот слой на дне котлована перекрывается слой тёмной гумусированной супеси мощностью до 0,06 м. Материк — плотная светло-коричневая супесь с включением мелкого щебня. Котлован жилища имеет прямоугольную форму, с округлыми углами, площадь 20 м², ориентирован по линии СЗ — ЮВ (рис. 2). Высота стенок углубления составляет 0,35—0,5 м, угол наклона 50—85°. В центре жилища, с незначительным смещением к северо-востоку расположен очаг округлой формы (диаметр 0,9 м), линзовидный в сечении, глубиной 0,08 м, заполненный золой ярко-оранжевого цвета с угольками. По углам постройки отмечены скопления камней размером от 0,1 до 0,35 м. В трёх местах они окружали столбовые ямы, заполненные тёмной гумусированной супесью. Ямы имеют округлую форму (диаметр 0,17—0,4 м), их глубина 0,08—0,17 м, достаточно крутые стенки, выпуклое дно. На дне одной из ям отмечены мелкие гальки. На полу жилища найдено незначительное количество фрагментов керамики. Основная масса находок — 2 железных ножа, железная поясная пряжка, бронзовая пуговица, грузило, 653 фрагмента лепной керамики (половина всей обнаруженной на памятнике посуды) — равномерно расположена как по всей толще культурного слоя, так и по площади постройки.

Жилище № 2 расположено в 30 м к северо-западу от жилища № 1 (рис. 1). Стратиграфия постройки представлена разрезом по линии запад—восток (рис. 3). Дерново-гумусный слой имеет мощность 0,05—0,1 м. Его подстилает культурный слой — серо-коричневая супесь мощностью 0,14—0,43 м. Материком является слой плотной светло-коричневой супеси с включением мелкого щебня. Котлован жилища прямоугольной формы (длина 4,2 м, ширина 3,4—3,7 м, площадь около 15 м²), углы округлые, ориентирован своей длинной осью по линии СЗ — ЮВ (рис. 3). Стенки постройки имеют угол наклона 50—75°, высоту 0,1—0,3 м. Пол жилища довольно ровный, с небольшим понижением в центральной части. В центральной части котлована, с незначительным смещением к северо-западу, отмечен очаг округлой формы (диаметр 0,5 м), линзовидный

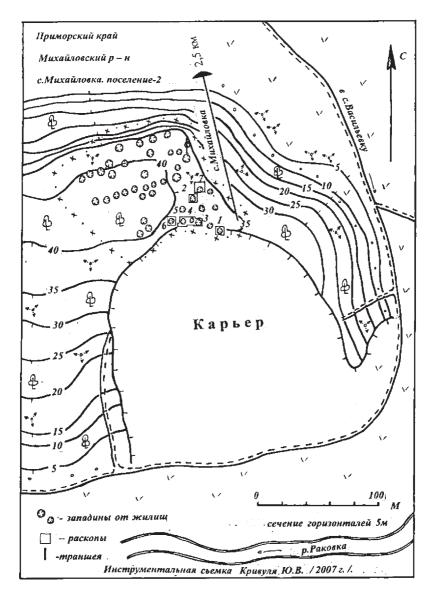

Рис. 1. Инструментальный план поселения Михайловка-2

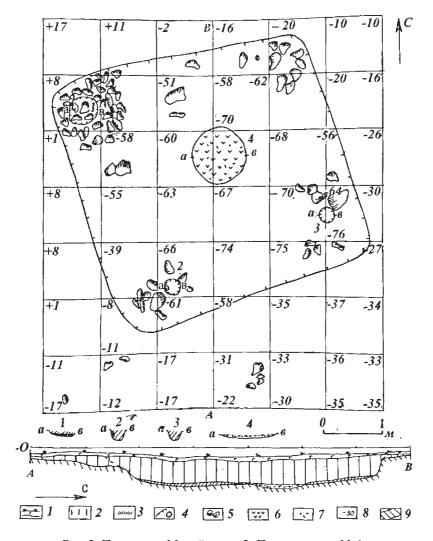

Рис. 2. Поселение Михайловка-2; План жилища № 1.

Стратиграфический разрез по линии север-юг. Разрезы ям. 1-дёрн; 2-серо-коричневая супесь; 3-тёмная гумуссированная супесь, 4-граница жилища, ямы; 5-камни; 6-зола; 7-угольки; 8-нивелировочные отметки; 9-светло-жёлтый суглинок

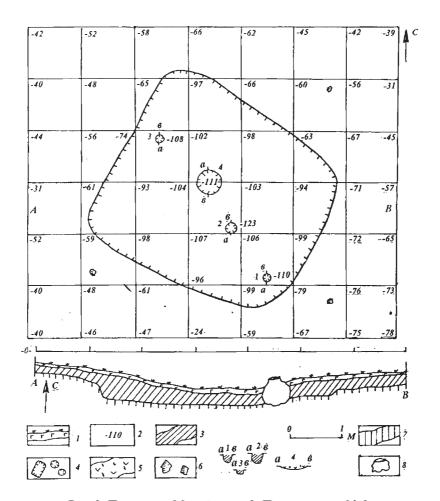

Рис. 3. Поселение Михайловка-2. План жилища № 2.

Стратиграфический разрез по линии запад-восток. Разрезы ям. 1 — дёрн; 2 — нивелировочные отметки; 3 — серо-коричневая супесь; 4 — граница жилища, ямы; 5 — зола; 6 — камни; 7 — светло-коричневая супесь; 8 — корни деревьев

в сечении, глубиной 0,07 м, заполненный золой коричневого цвета с включением угольков. Три ямы от основных опорных столбов конструкции расположены вблизи северо-западного и юго-восточного углов постройки. Они имеют округлую (диаметр 0,12—0,23 м) форму, глубинау 0,14—0,17 м, заполнены серо-коричневой супесью. Выход из жилища не отмечен. На полу жилища найден железный наконечник стрелы, керамическая чаша на поддоне, 30 фрагментов лепной керамики.

Жилище № 3 расположено в 20 м юго-восточнее жилища № 2 (рис. 1). Стратиграфия постройки представлена разрезом по линии север—восток (рис. 4). Дерново-гумусный слой имеет мощность 0,08—0,25 м. Его подстилает слой серо-коричневой супеси мощностью от 0,1 до 0,4 м. Материком является плотная светло-коричневая супесь с включением мелкого щебня. Котлован жилища имеет прямоугольную форму $(5.2 \times 5.9 \text{ м})$, площадь 27 м², округлые углы, ориентирован по сторонам света (рис. 4). Стенки постройки довольно крутые: угол наклона составляет 40—75°, высота 0,25—0,65 м. В средней части западной стенки отмечен выступ шириной 1,1 м, длиной 0,45 м и глубиной 0,3 м, который, возможно, служил выходом из жилища. Пол постройки довольно ровный со следами глиняной обмазки в виде пятен плотной светло-серой глины мощностью 0,05—0,15 м. В центральной части постройки, с незначительным смещением к северо-востоку, расположен очаг округлой формы (диаметр 0,8 м), линзовидный в сечении, глубиной 0,12 м, заполненный серо-коричневой супесью с угольками. По его южной границе отмечены два камня (рис. 4). Вблизи углов жилища отмечены ямы (от одной до трёх) от опорных столбов. Углубления имеют округлую (диаметр 0,16—0,42 м) либо овальную форму (0,28×0,35 м), довольно крутые стенки, выпуклое дно, их глубина 0,06—0,22 м. В нижней части заполнения жилища найдена шлифованная бусина из сердолика, обломок железного изделия, 50 фрагментов лепной керамики.

Жилище № 4 расположено в 3 м северо-западнее жилища № 3 (рис. 1). Стратиграфия постройки представлена разрезом по линии север—юг (рис. 5). Дерново-гумусный слой имеет мощность 0.04-0.3 м. Его подстилает культурный слой — серо-коричневая

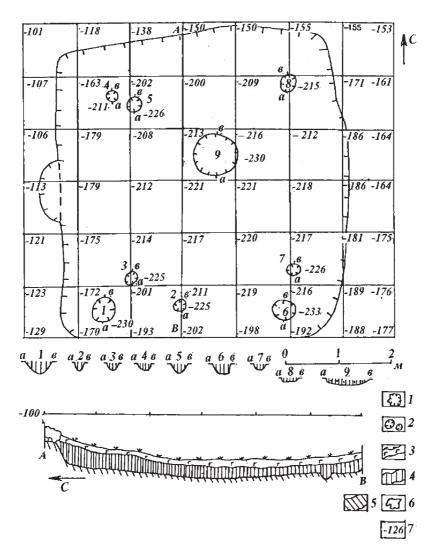

Рис. 4. Поселение Михайловка-2. План жилища № 3. Стратиграфический разрез по линии север-восток. Разрезы ям. 1 — граница жилища, 2 — ямы; 3 — дёрн; 4 — серо-коричневая супесь; 5 — светло-коричневая супесь; 6 — корни деревьев; 7 — нивелировочные отметки

супесь мощностью 0,2-0,5 м. Материком является плотный слой светло-коричневой супеси с включением мелкого щебня. Котлован жилища имеет прямоугольную форму (3,1×4 м), площадь 12 м², округлые углы, ориентирован стенками по сторонам света (рис. 5). Углубления постройки имеют наклон от 40° до 60° , их высота 0,1-0,5 м. В южной части жилища отмечен выступ длиной и шириной 0,4 м и глубиной 0,2 м. Пол постройки довольно ровный. В центральной части котлована. с небольшим смещением к северу, находится очажная яма округлой формы (диаметр 0.5 м), линзовидная в сечении, глубиной 0,09 м, заполненная серо-коричневой супесью. Вблизи северо-западного и юго-западного углов жилища отмечены 2 ямы от основных опорных столбов. Они имеют округлую форму (диаметр 0,18 и 0,2 м), крутые стенки, выпуклое дно, глубину 0,06 и 0,12 м, заполнены серо-коричневой супесью. Между ними, у западной стенки расположены ещё две ямы округлой формы (диаметр 0,12 м) с крутыми стенками, выпуклым дном, глубиной до 0,1 м, также заполнены серо-коричневой супесью (рис. 5). На полу жилища, в основном в северной и западной частях постройки найдено точило на плитке мелкозернистого песчаника, 2 лепных сосуда, 150 фрагментов керамики.

Жилище № 5 расположено в 2,5 м юго-западнее жилища № 4 (рис. 1). Стратиграфия постройки представлена разрезом по линии север — юг (рис. 6). Дерново-гумусный горизонт имеет мощность 0,1-0,2 м. Его подстилает культурный слой серо-коричневая супесь мощностью 0,12—0,45 м. Материком является слой плотной светло-коричневой супеси с включением мелкого щебня. Котлован жилища имеет прямоугольную форму $(4,2\times4,6 \text{ м})$, округлые углы, его площадь 18 м^2 , ориентирован своей длинной осью по линии СЗ — ЮВ (рис. 6). Стенки постройки имеют угол наклона $50-70^{\circ}$, высоту 0.15-0.45 м. В юго-восточной стенке отмечен выступ овальной формы шириной 0.9, длиной 0.4 и глубиной 0.2 м, который, возможно, служил выходом из жилища. Пол постройки довольно ровный, с незначительным наклоном к юго-востоку с отмеченным в северном углу пятном глиняной обмазки светло-серого цвета мощностью до 0,01 м. В центральной части жилища,

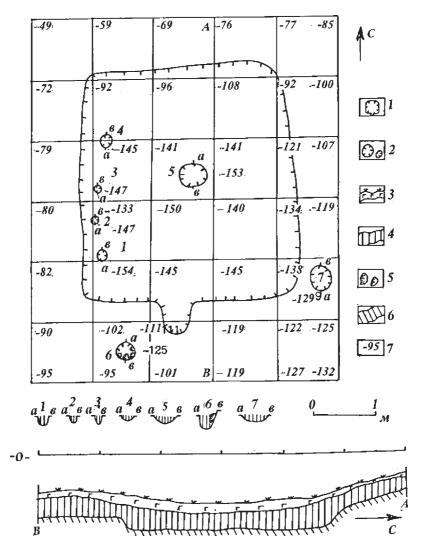

Рис. 5. Поселение Михайловка-2. План жилища № 4. Стратиграфический разрез по линии север-юг. Разрезы ям. 1—граница жилища, 2—ямы; 3—дёрн; 4—серо-коричневая супесь; 5—камни; 6—светло-коричневая супесь; 7—нивелировочные отметки

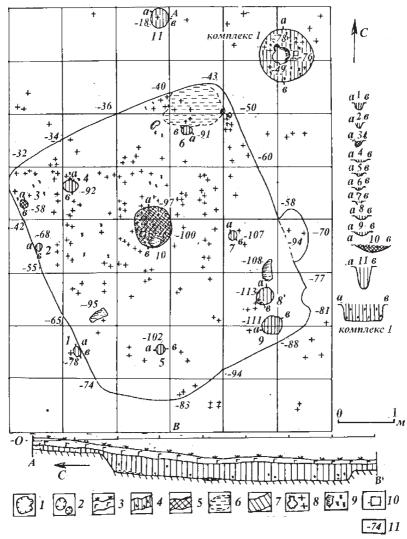

Рис. 6. Поселение Михайловка-2. План жилища № 5.

Стратиграфический разрез по линии север-юг. Разрезы ям. 1—граница жилища; 2—ямы; 3—дёрн, 4—серо-коричневая супесь; 5—тёмная гумуссированная супесь; 6—обмазка; 7—светло-коричневая супесь; 8—сосуд, фрагменты керамики; 9—камни, угольки; 10—изделие из железа; 11—нивелировочные отметки

с небольшим смещением к северу, расположена очажная яма округлой формы (диаметр 0,78 м), линзовидная в сечении, глубиной 0,11 м, заполненная тёмной гумусированной супесью с мелкими угольками. Вблизи углов котлована находятся ямы от основных опорных столбов. Они имеют округлую форму (диаметр 0,16—0,3 м), их глубина 0,1—0,17 м, заполнены тёмной либо серо-коричневой супесью. Ямы образуют прямоугольник со сторонами 2,5 и 3,5 м. Находки были распространены равномерно по всей площади жилища и встречены непосредственно на его полу. Найдено 160 фрагментов лепной керамики.

Жилище № 6 расположено в 5 м северо-западнее жилища № 5 (рис. 1). Стратиграфия постройки представлена разрезом по линии север—юг (рис. 7). Дерново-гумусный горизонт имеет мощность 0.04—0.16 м. Его подстилает слой серо-коричневой супеси с включением углистых плашек и угольков. Ниже расположен слой тёмной гумусированной супеси мощностью до 0,05 м с включением плашек, углистых пятен и остатков глиняной обмазки. Материком является слой плотной светло-коричневой супеси с включением мелкого щебня. Котлован жилища имеет прямоугольную (5×5,5 м) форму, округлые углы, его площадь 27 м², ориентирован своей длинной осью по линии СЗ – ЮВ (рис. 7). Стенки постройки имеют угол наклона 50—80°, высоту 0,3—0,8 м. Остатки сгоревшей деревянной конструкции жилища сохранились в виде углистых плашек, округлых в сечении, диаметром до 0,15 м и длиной до 1,6 м. Основная часть плашек ориентирована радиально (от краёв котлована к его центру) и перпендикулярно стенкам. Отмечены также плашки, расположенные вдоль стенок постройки, по их верхнему краю, которые перекрывались плашками, ориентированными перпендикулярно стенкам. Четырёхскатная кровля жилища опиралась на нижнюю раму обвязки, установленную по верхней кромке котлована, и на верхнюю раму, крепившуюся на каркас, образованный опорными столбами, расположенными близи углов постройки и составляющими прямоугольник со сторонами 3 и 3,5 м. Ям от столбов отмечено 5: по одной в северо-западном, северо-восточном, юго-западном

и две — в юго-восточном углах; 4 ямы имеют округлую форму (диаметр 0.16-0.52 м), глубину 0.2-0.32 м, крутые стенки, выпуклое дно. У пятой ямы форма квадратная (0,35×0,36 м), глубина 0,38 м, крутые стенки, слегка выпуклое дно. При разборке заполнения этих ям — слоя тёмной гумусированной супеси отмечены остатки сгоревших столбов, округлых в сечении, диаметром до 0,17 и высотой до 0,2 м, и забутовка в виде вертикально расположенных плоских галек вдоль стенок. На дне ям также отмечены плоские гальки. В центре жилища, с небольшим смещением к северо-западу, находится очажная яма округлой формы (диаметр 0,7 м), линзовидная в сечении, глубиной 0,06 м, заполненная золой ярко-оранжевого цвета с включением мелких угольков. Глиняная обмазка светло-серого цвета имеет толщину 0,01 м. В нижней части заполнения жилища и на его полу найдено 4 лепных керамических сосуда, 50 фрагментов керамики, точило на плитке мелкозернистого песчаника; 2 сосуда находились у северо-западной стенки постройки, 2 — в 1 м юго-западнее очага. Ещё один сосуд отмечен вблизи юго-западного угла жилища, за его границей.

Жилище № 7 расположено в 5 м северо-восточнее жилища № 7 (рис. 1). Стратиграфия постройки представлена разрезом по линии запад-восток (рис. 8). Дерново-гумусный слой имеет мощность 0,04—0,1 м. Его подстилает культурный слой серо-коричневая супесь мощностью 0,15—0,35 м. Материком является слой плотной серо-коричневой супеси с включением мелкого щебня. Котлован жилища имеет форму, близкую к прямоугольной, площадь около 22 м², округлые углы, ориентирован стенками по линиям СЗ — СВ — ЮВ — ЮЗ (рис. 8). Стенки котлована имеют угол наклона 65—85°, высоту 0,08—0,3 м. Выход из жилища не отмечен. Пол постройки довольно ровный, с незначительным понижением к юго-востоку. Ямы от основных опорных столбов конструкции жилища (от одной до двух) отмечены вблизи всех углов котлована. Они имеют овальную и округлую форму (диаметр 0,17—0,3 м), глубину 0,09—0,24 м, крутые стенки, выпуклое дно, заполнены серо-коричневой супесью. В одной из ям отмечена забутовка столба битой керамической посудой. Очаг расположен

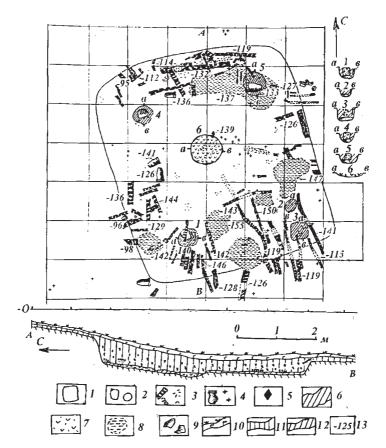

Рис. 7. Поселение Михайловка-2. План жилища № 6. Стратиграфический разрез по линии север-юг. Разрезы ям. 1—граница жилища; 2—ямы; 3—плашки, угольки; 4—сосуд, фрагменты керамики; 5—точило; 6—тёмная гумуссированная супесь; 7—зола; 8—глиняная обмазка; 9—камни; 10—дёрн; 11—серо-коричневая супесь; 12—светло-коричневая супесь; 13—нивелировочные отметки

в центральной части жилища со смещением на юго-запад. Он имеет округлую форму (диаметр 0,5 м), линзовидное сечение, глубину 0,06 м, заполнен серо-коричневой супесью с включением угольков. На полу жилища найдено галечное грузило, 120 фрагментов лепной керамики.

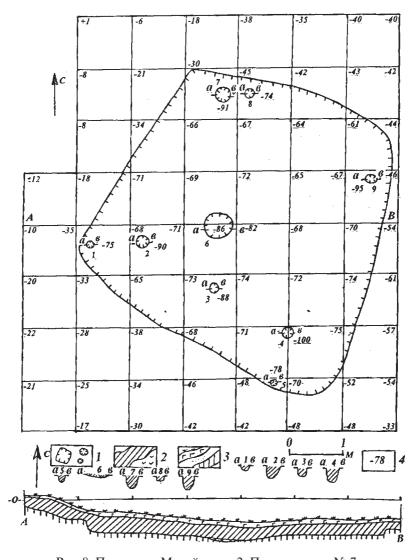

Рис. 8. Поселение Михайловка-2. План жилища № 7. Стратиграфический разрез по линии запад-восток. Разрезы ям. 1 — граница жилища, ямы; 2 — серо-коричневая супесь; угольки; 3 — дёрн, светло-коричневая супесь; 4 — нивелировочные отметки

Хозяйственный комплекс № 1 находится в 1 м к северо-востоку от жилища № 5 (рис. 6). Представляет собой яму округлой формы диаметром 1 м, глубиной 0,4 м с крутыми стенками, плоским дном, заполненную серо-коричневой супесью с угольками. В углублении найден фрагмент железного изделия и лепной керамический сосуд.

Выводы. Исследованные на поселении Михайловка-2 жилища свидетельствуют о достаточно устойчивой традиции домостроения у племён мохэ, проживающих на территории Приханкайской низменности в эпоху раннего средневековья. Основными характерными составляющими конструкции жилища являются: прямоугольный котлован, частично углублённый в грунт с ориентацией по длинной оси север — юг, северо-запад — юго-восток, наличие очага в виде округлой ямы, линзовидной в сечении, вблизи центральной части постройки, центральные опорные столбы, находящиеся по углам, четырёхскатная крыша из жердей с опорой на нижнюю раму, установленную по верхней кромке котлована и на опорные столбы, обмазка пола слоем глины, возможно наличие выхода в виде выступа в одной из стенок. Для усиления деревянной конструкции жилища отмечены следующие способы: установка дополнительных опорных столбов, обкладка их камнями, забутовка заполнения ям мелкой галькой и битой керамической посудой. Хронологические рамки функционирования поселения определяются радиоуглеродными датами, полученными из жилища № 6: 1420±140 (ДВГУ-146), 1570±127 (ДВГУ-147), 1490±40 (ГИН-5976), VI — первая половина VII вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Кривуля Ю.В. Отчёт об археологических раскопках памятника Михайловка-2 (Михайловский район Приморского края) в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15872.
- 2. Чупахина Е.В. Отчёт о разведочных работах в Михайловском районе Приморского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 1205.

УДК: 930.26(571.63)

Ю.В. Кривуля

КЕРАМИКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКА-2

Статья посвящена описанию и анализу керамического материала, полученного при исследовании мохэского поселения Михайловка-2, расположенного в юго-западном Приморье. Ключевые слова: мохэская культура, орнаментация, лощение, обжиг.

Y.V. Krivulya

Ceramics of the early medieval settlement Mikhailovka-2

The article is devoted to the description and the analysis of the ceramic material received during researching the Mokhe settlement Mikhailovka-2, located in the south-estern Primorye.

Key words: Mokhe culture, ornamentation, polishing, firing.

Памятник Михайловка-2 расположен в южной части Приханкайской низменности, в долине р. Раковка, в 2,5 км юговосточнее районного центра с. Михайловка. Это одно из крупных (47 жилищ) поселений мохэской культуры. Исследования на памятнике проводились в 1985, 1990 и 2007 г. [6-8]. Раскопано 7 жилищ, часть межжилищного пространства, хозяйственный комплекс. Получена коллекция артефактов, состоящая из 1300 фрагментов лепной керамики. Общее количество идентифицируемых сосудов — около 50. Основой для анализа морфологических особенностей керамической коллекции памятника послужили характеристики параметров девяти реконструированных сосудов. Операции технико-технологического производства охарактеризованы на основании изучения визуально, в том числе с помощью бинокуляра комплекса микрои макропризнаков, фиксируемых на поверхности и в изломах керамических фрагментов. Керамика поселения относится к классу* плоскодонных сосудов. В свою очередь они делятся на подкласс 1 — изделия с выделенной горловиной и подкласс 2 — ёмкости без горловины (рис. 1).

Подкласс 1 представлен сосудами двух типов. Тип 1 — закрытые изделия средней высотности со слегка отогнутым наружу венчиком (14—27°), достаточно выделенной горловиной, слегка выпуклым, вытянутым по вертикали туловом, плавно расширяющимися (угол 17—28°) от дна стенками (рис. 1, 1, рис. 4).Тип 2 представлен ёмкостями с более выраженным отгибом венчика наружу (40—43°), хорошо выделенной горловиной, выпуклым туловом, резким переходом (50—55°) от придонной части к стенкам (рис. 1, 2, рис. 7). Подкласс 2 — открытые сосуды малой высотности на коническом поддоне, стенки сужаются в придонной части. Венечная часть прямая, слегка вогнутая внутрь, кромка округлая, скошена внутрь либо раздвоена, угол расширения придонных стенок 54—60° (рис. 1, 3, рис. 8). Анализ параметров реконструированных сосудов по семи характеристикам: диаметр венчика (Дв), диаметр экватора (Дэ), диаметр дна (Дд), высота сосуда (Вс), высота минимального диаметра (В мин. д), минимальный диаметр (Д мин.), высота сосуда (Вс) (рис. 1) показал, что изделия имеют достаточно устойчивые пропорции (рис. 2). Формовочная масса, применявшаяся для изготовления керамических изделий, представлена среднепластичной, легкоплавкой, ожелезненной каолиновой глиной с умеренной осадкой и отощителем. В качестве отощителя использовался кварц-полевошпатный речной песок с размерами частиц в среднем 1—2 мм. Распределение зёрен отощителя в формочной массе равномерное. Отметим, что в составе теста отсутствуют органические примеси. Черепок плотный, одноцветный в изломе со средней толщиной 0,4—0,6 см. Изготовление сосудов производилось кольцевым ленточным налепом, что подтверждается распадом

^{*} Классификационное деление на классы и подклассы дано по В.А. Городцову [1]. Для анализа керамических изделий Михайловского-2 поселения использована методика и терминология, разработанная П.М. Кожиным, О.В. Дьяковой [2, 3, 5].

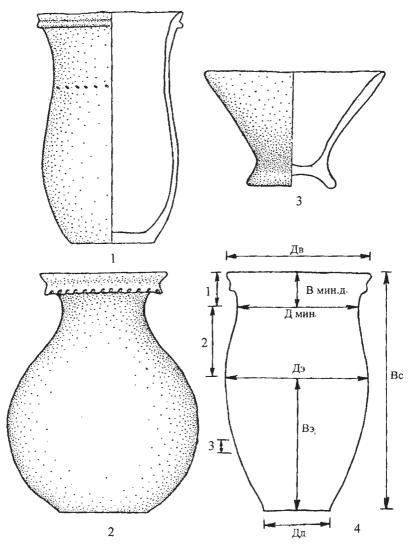

Рис. 1. Керамика поселения Михайловка-2: 1 — подкласс 1, тип 1; 2 — подкласс 1, тип 2; 3 — подкласс 2; 3 — расположение орнаментальных зон и основные параметры сосуда

номер сосуда	1	2	3	4 :	5، `	6	7	8	9
жилище, комплекс, шурф	14	6	- 6.	6	6. 1	компл 1	шурф	4	2
рисунок	4: 3	4:1	4:2	4: 4	4:5	7: 1	7: 2	. 8: 1	8: 2
высота сосуда (ВС)	14,7	33,5	23,5	14	11,2	38,5	15	7,2	5,8
высота минимального диаметра (В мин. д)	3,5	3,4	2,1	2,7	.2	6,5	. 2,5	5,7	4,5
высота экватора (Вэ)	4,3	18	12,5	17,5	:6	16,5	19,7		
диаметр венчика (Дв)	9,2	18,7	14	17	7,5	.⊒16	.8	11,4	11,2
минимальный диаметр. (Д мин.)	7,2	16,5	11,5	16,5	6,3	11,7	5,2	4,5	5,7
диаметр экватора (Дэ)	8,5	19,6	14	8:	7	32	1,2		
диаметр дна (Дд)	5	7	6,2	4,8	4,2	.10:	5,2	5,5	6,5
угол расширения придонных стенок	22	25°	25°	28°	17	55°	50	60	54
угол отгиба венчика	25°	27*	45"	14	23	40°	43ª	34°	38°
<u>(Дд)</u> Дв	0,54	0,37	0,44	0,69	0,56	0,63	0,65	0,6	0,58
<u>Дмин</u> Дэ	0,84	:0,84	0,82	0,81	0,9	0,37	0,43		
<u>Дэ</u> Дв	0,92	1,04	1,0	1,14	0,93	.2,0	1,5		
В мин. д Вс	0,24	0,1	0.09	0,19	0,18	0,17	0,17	.0,8	0,77
<u>B3</u> Bc	0,3	0,45	0,5	0,54	0,54	0,43	0,65		
<u>Дэ</u> Вс	0,59	0,58	0,6	0,57	0,62	0,08	0,8	.,	
<u>Дд</u> Дэ	0,59	0,36	0,44	0,6	0,6	0,31	0,43		

Рис. 2. Поселение Михайловка-2. Основные размеры и соотношение пропорций реконструированных сосудов

отдельных изделий на ленты, ширина которых составляет 4—6 см. Кроме того, на внутренней поверхности отдельных изделий видны кольцевые утолщения в местах соединения спаев. Для изготовления сосудов подкласса 1 в основном использовались три—четыре ленты, для сосудов подкласса 2—две. Лепка изделий производилась ручным способом, с помощью вращающегося устройства— поворотного столика. Об этом свидетельствуют осевые линии на днищах сосудов, а также факт того, что внешняя поверхность дна гладкая, зёрна отощителя

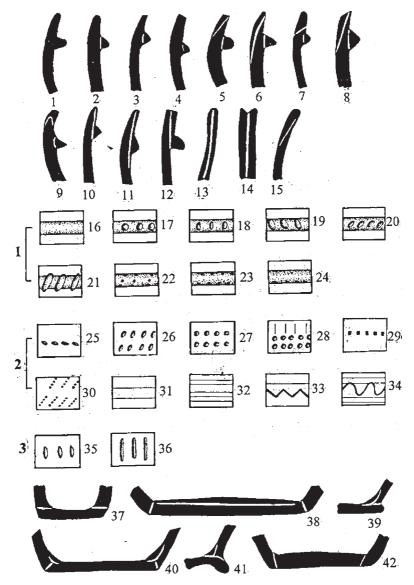

Рис. 3. Поселение Михайловка-2. 1-15 — разновидности оформления венечной части сосудов, 16-36 — виды орнамента, 37-42 — способы соединения дна и стенок

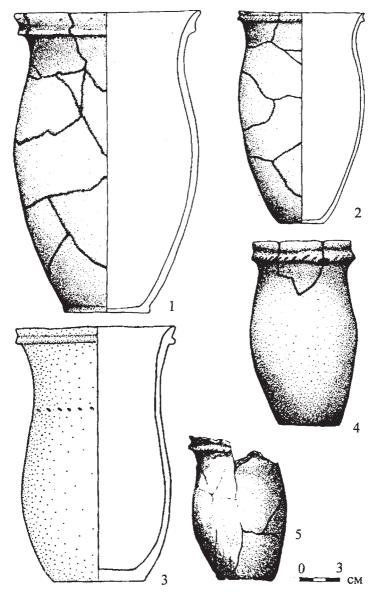

Рис. 4. Поселение Михайловка-2. Подкласс 1, тип 1. Реконструированные сосуды

плотно утоплены в тесто. Сосуды начинали изготавливаться от дна, представленного в виде отдельной лепёшки, на которую устанавливалась нижняя лента тулова. Снаружи место стыка оформлялось затиранием выступающих краёв дна на внешнюю поверхность ленты. Отмечены следующие способы крепления дна и нижней ленты тулова. В одних случаях лепёшка дно присоединялось снизу к нижней части тулова (рис. 3, 37). в других вставлялось между стенками сосуда (рис. 3, 42). Изнутри стык укреплялся с помощью дополнительного подлепа — жгута (рис. 3, 39, 40) второй лепёшки, края которой примазывались к внутренней стороне нижней ленты тулова, а с дном её соединяли давящими движениями по периметру (рис. 3, 38). Состыковка дна и нижней ленты тулова у сосудов подкласса 2 несколько своеобразна. Нижняя лента тулова устанавливалась на лепёшку-дно, отступая от краёв последней. Затем края лепёшки загибались вниз, образуя кольцевой поддон. Изнутри стык между дном и нижней частью тулова укреплялся дополнительно с помощью подлепа — жгута (рис. 3, 41). Независимо от вариантов соединения изнутри контур перехода дна в стенки плавный. После стыковки дна и придонной части продолжалось крепление лент тулова. Прикрепляемая лента заводилась внутрь сосуда нижней частью за верхний край уже установленной ленты, после чего крепилась. Не исключено, что перед этим верхнему краю установленной ленты путём вытягивания придавался скос. Следствием данного комплекса операций являлось образование вытянутого, скошенного внутрь сосуда спая, длина которого превышает толщину стенок в 3—5 раз. Наиболее длинные спаи характерны для придонной и венечной части сосудов. Ширина лент тулова составляет в среднем 5-6 см. Для оформления венечной части изделий использовалась более узкая (4—5 см) лента, что связано с техническим приёмом отгиба венечной части наружу. Отгиб венчика — наиболее подверженная механическим повреждениям часть сосуда, для укрепления которой использовался ряд технических приёмов. В большинстве случаев это крепление к внешней поверхности венечной части налепного валика,

имеющего в сечении округлую, овальную, треугольную форму и выполняющего помимо технической и декоративную функцию. Валики расположены в основном в 1-2 см от кромки венчика, ориентированы перпендикулярно стенкам сосуда, с незначительным наклоном вверх и вниз. Ширина валиков составляет от 0.5 до 1 см, высота — от 0.3 до 0.6 см. Кромка венчика округлённая, уплощённая прямая, со скосом внутрь, на внешнюю сторону, раздвоена (рис. 3, 1-15). Отмечено несколько способов оформления венечной части. В первом случае венечная часть оформлялась из целой ленты с последующим вытягиванием из неё валика (рис. 3, 1), во втором подлеп к внешней стороне ленты, оформляющей венечную часть второй ленты, и образование из неё налепного валика (рис. 3, 10-12). В третьем случае к верхней венечной ленте делался дополнительный подлеп изнутри, и затем к внешней стенке своим основанием крепился налепной валик (рис. 3, 5—8). В отдельных случаях такой подлеп загибался на внешнюю сторону венчика (рис. 3, 9). В четвёртом случае на венечную ленту снаружи накладывался жгут, из которого оформлялся налепной валик (рис. 3, 2—4). Впоследствии часть валиков деформировалась путём нанесения оттисков орнаментирующим инструментом для более надёжного их соединения со стенками сосуда. У сосудов подкласса 2, не имеющих налепного валика, венечная часть оформлялась из двух наложенных друг на друга в вертикальном положении лент (рис. 3, 13, 14), в виде дополнительного подлепа изнутри (рис. 3, 15). Формовка изделий осуществлялась способом выглаживания, после чего толщина стенок у большинства сосудов становилась равномерной. Последующие стадии обработки керамики — это замывка поверхностей сосуда (внутри ёмкостей фиксируются следы работы пучком травы, не уничтоженные лощением) и ангобирование. Пластинчатая масса, применявшаяся при ангобировании, представлена тонкодисперсной глиной светлосерго цвета с включением мелкого (до 0,5 мм) песка. Отметим, что ангобированию подвергались только сосуды подкласса 1. Орнаментация сосудов локализована в трёх зонах: венечной,

на плечиках (в месте соединения горловины и тулова) и в нижней части тулова (рис. 1, 4). Орнамент делится на рельефный (налепные валики) и врезной (различные узоры, углублённые в стенки сосуда). Для первой зоны характерно сочетание рельефного и врезного орнамента, для второй и третьей отмечен только врезной орнамент. В верхней части сосудов (зона 1) важнейшим орнаментальным элементом служит налепной валик. Его поверхность оставалась гладкой (рис. 3, 1, рис. 4, 1, 2, рис. 5, 1, 2) либо украшалась различными видами вдавлений, выполненных шпателем: округлыми (рис. 3, 17, рис. 5, 3, 4), овальными прямыми (рис. 3, 18, рис. 5, 5) и с различными направлениями наклона (рис. 3, 19-21, рис. 4, 2, 4, рис. 5, 6-9), ряд треугольных вдавлений (рис. 3, 24), гребенчатым штампом (трёхзубчатые (рис. 3, 22, рис. 5, 10) и двухзубчатые (рис. 3, 23) наклонные оттиски). Характерной чертой расположения орнамента на поверхности валика является неглубокое рассечение, затрагивающее от ½ до ¾ его толщины, и только в единичном случае размер орнаментальных вдавлений превышает размер самого валика (рис. 3, 21). Особо отметим отсутствие дополнительных налепов-фестонов на валике. Для второй орнаментальной зоны основными инструментами для нанесения орнамента, как и для зоны 1, служили шпатель и гребенчатый штамп. Шпателем нанесены овальные, с различным направлением наклона вдавления, образующие один (рис. 3, 25, рис. 4, 3) и два (рис. 3, 26) горизонтальных ряда округлых углублений (рис. 3, 27, рис. 6, 1, 2), гребенчатым штампом — горизонтальный ряд квадратных оттисков (рис. 3, 29), горизонтальные параллельные линии (рис. 3, 31, 32, рис. 6, 5) и их сочетание с зигзагообразной (рис. 3, 33, рис. 6, 3) и волнообразной (рис. 3, 34, рис. 6, 4) горизонтальными прочерченными линиями, 2 горизонтальных ряда четырёхзубчатых вдавлений (рис. 3, 30). Лишь на двух фрагментах отмечено сочетание горизонтальных рядов округлых вдавлений выполненных шпателем и вертикальных прочесов гребенчатого штампа (рис. 3, 28). Орнаментация зоны 3 (нижняя часть тулова сосуда) является довольно редким явлением. Отметим находку части сосуда, на котором

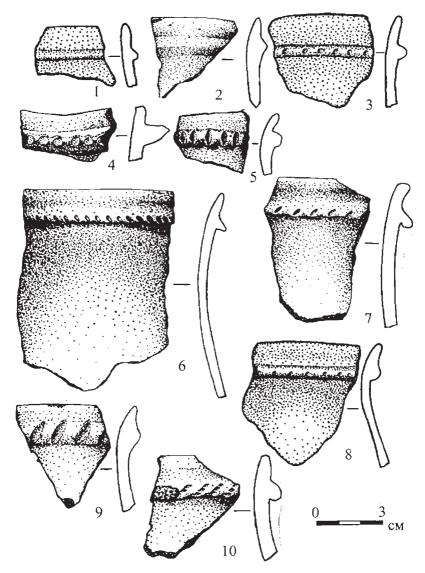

Рис. 5. Поселение Михайловка-2. Подкласс 1, тип 1. Венечные части керамических сосудов

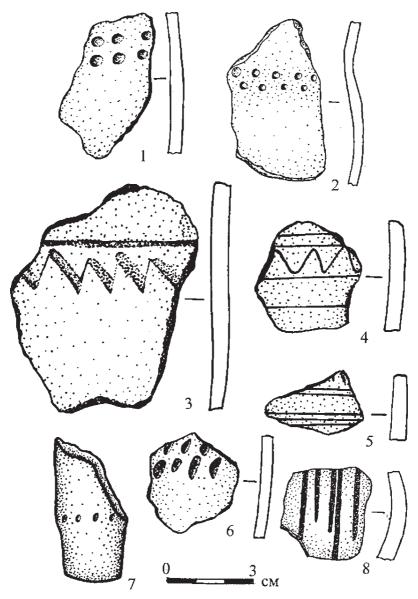
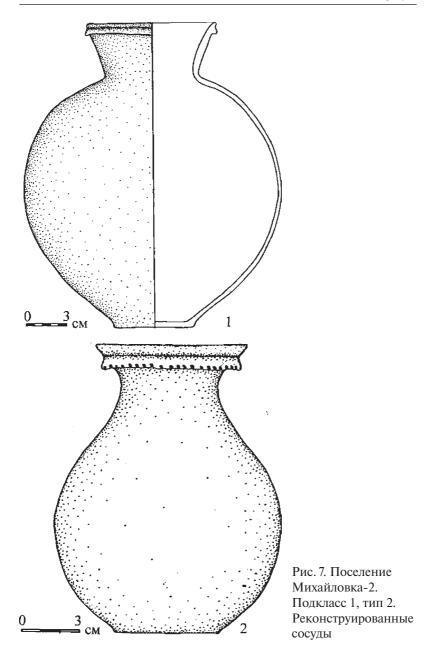

Рис. 6. Поселение Михайловка-2. Подкласс 1, тип 1. Орнаментированные стенки керамических сосудов

имеется орнамент в виде горизонтального ряда овальных вдавлений (рис. 3, 35, рис. 6, 7), и двух фрагментов стенок, на которые нанесены вертикальные прочерченные желобки (рис. 3, 36, рис. 6, 8). Отметим, что расположение первой и второй орнаментальных зон (венечная часть и стык горловины и тулова) определяется необходимостью использования декора в технических целях, подчинённых задаче укрепления данных участков сосуда. Для подкласса 1 тип 1 сосудов характерно расположение орнамента в орнаментальных зонах 1 и 2, для подкласса 1 тип 2 — только в зоне 2. Сосуды подкласса 2 не орнаментированы. Завершающей операцией, предшествующей обжигу сосудов, являлось лощение их внутренней и внешней поверхностей. По своему характеру лощение было смешанным. У сосудов подкласса 1 тулово подвергалось вертикальному и косому лощению, горловина, венечная, придонная части горизонтальному. У сосудов подкласса 2 на придонной части отмечено горизонтальное лощение, на остальной части — вертикальное. Керамика имеет в изломе равномерную окраску тёплых тонов — от красно-жёлтого до светло-коричневого, что является результатом обжига изделий в окислительной среде в костре или печном устройстве [2—4].

В целом керамика поселения Михайловка-2 представляет собой единый комплекс с устойчивыми традициями в технологии, морфологии и орнаментации. Наиболее существенными, многократно воспроизводимыми чертами являются следующие: наличие закрытых сосудов средней высотности с горловиной и открытых сосудов малой высотности без горловины, формовочные массы отощены песком, лепка ёмкости осуществлялась по донной программе кольцевым ленточным налепом, ангобирование поверхности, местоположение орнаментальных зон на определённых участках сосудов одного подкласса, украшение поверхности ёмкости только определённым видом орнаментира, поясной способ построения композиции из одного типа орнамента. Хронология рассматриваемого комплекса керамики опирается на три радиоуглеродные даты, полученные по остаткам сгоревшей

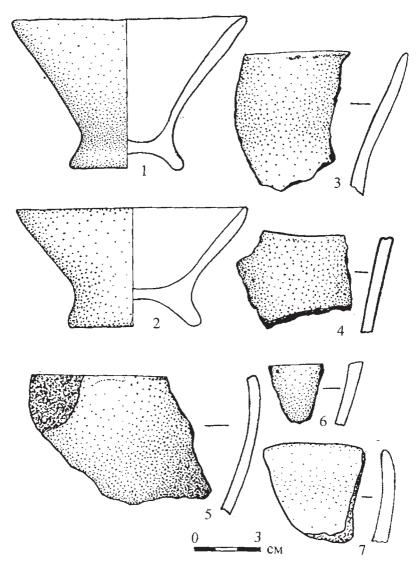

Рис. 8. Поселение Михайловка-2; Подкласс 2. Реконструированные сосуды и фрагменты керамики

конструкции жилища № 6: 1420 ± 140 (ДВГУ-146), 1570 ± 127 (ДВГУ-147), 1490 ± 40 (ГИН-5976), 6-1 пол. 7 вв. н.э. Керамика поселения имеет аналогии в материалах памятников югозападного Приморья, относящихся к мохэской культуре: Абрамовка-3 [6], Раковка-10 [7].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Городцов В.А. Археологическая классификация. М., 1925. 125 с.
- 2. Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник. М.: Наука, 1984. 205 с.
- 3. Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993. Ч. 1. 176 с.
- 4. Жущиховская И.С. К вопросу о технике обжига в средневековом гончартстве Приморья. Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 158.
- Кожин П.М. Происхождение фатьяновской керамики. Дис. Канд. Истор. Наук. — Архив ИА РАН, Р-2, № 1984.
- 6. Кривуля Ю.В. Отчёт об археологических раскопках памятника Михайловка-2 (Михайловский район Приморского края) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15872.
- 7. Кривуля Ю.В. Отчёт по археологическим разведкам в Михайловском и Хорольском районах Приморского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13464.
- 8. Чупахина Е.В. Отчёт о разведочных работах в Михайловском районе Приморского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 1205.

УДК: 930.26(571.63)

Ю.В. Кривуля

МОХЭСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИМОРЬЯ

Статья посвящена описанию мохэских поселений, расположенных к югу от озера Ханка.

Ключевые слова: мохэская культура, жилища, керамика.

Y.V. Krivulya

Mohe monuments of the southwestern Primorye

The article is devoted to the description of the mohe settlements, located to the south of the Hanka lake.

Key words: mohe culture, dvellings, ceramic.

Территория распространения памятников мохэской культуры охватывает юго-западную часть Приморского края (Приханкайскую равнину) — составную часть Приамуро-Ханкайской провинции, простирающейся от устья р. Раздольная до устья Амура [19]. В центральной части равнины расположено пресноводное озеро Ханка площадью до 4400 км². Наличие древних террас, озёрных отложений и современная заболоченность берегов — свидетельство постепенного сокращения водного бассейна [2]. Западная часть равнины находится в пределах КНР, достигает отрогов Маньчжурских гор, на востоке обрамлена горами Сихотэ-Алиня. Приханкайская равнина долиной р. Уссури соединена с Нижне-Бикинской и Нижне-Амурской низменностями, образуя обширную открытую зону дальневосточных прерий [12].

Памятники мохэской культуры сконцентрированы в южной части низменности (Вознесенская подзона Ханкайского срединного массива) [4]. На современной географической карте это участок местности (30×65 км, площадь около 2 тыс. км²), ограниченный с запада трассой г. Уссурийск — пос. Хороль,

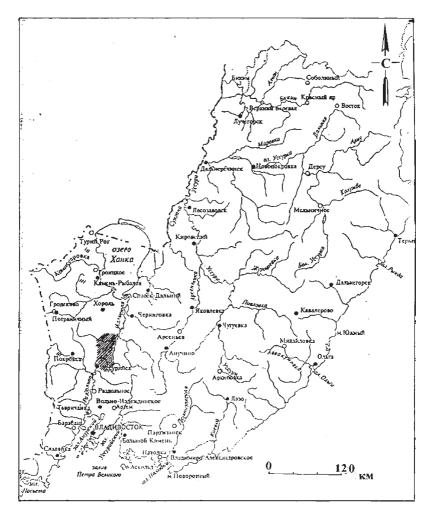

Рис. 1. Карта распространения мохэских памятников на территории юго-западного Приморья

с севера — пос. Ярославский, с юга — г. Уссурийск, с востока — верхним течением р. Раковка и долиной р. Осиновка (рис. 1). Отмечено 24 поселения и грунтовый могильник. Памятники расположены в долинах трёх рек.

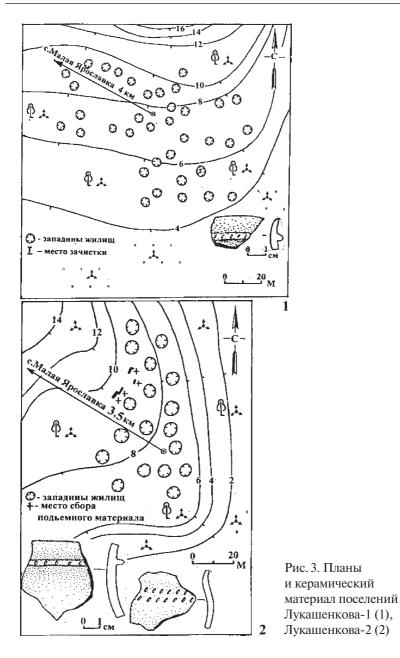
Долина р. Абрамовка (Хорольский район).

Археологические объекты находятся в среднем и нижем течениях реки, на её левом берегу.

Поселение Лукашенкова-1 расположено в 4 км юго-восточнее с. Малая Ярославка, по правому борту р. Насыровка — левого

Рис. 2. Карта местоположения поселений Лукашенкова-1, 2, Абрамовка-3, 5, 11, Камышовка-1, Ярославский-1, Лузановский могильник в долине р. Абрамовка

притока р. Абрамовка, на юго-восточном склоне сопки Лукашенкова (рис. 2, рис. 3, *I*). На поверхности склона, покрытого смешанным лесом, на высоте 4—10 м относительно русла р. Насыровка отмечено 37 западин жилищ округлой формы диаметром 4—7 м и глубиной в центре 0,3—0,5 м, расположенных скоплением, без определённого порядка. Площадь поселения предварительно определена в 10 тыс. м².

Памятник обследован в 1989 г. [9]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида и зачистка современной ямы, прорезавшей одну из западин в юго-восточной части поселения. Под дерново-гумусным горизонтом выявлен слой тёмно-серой супеси со щебнем мощностью 0,4 м, в котором найдено 11 фрагментов лепной керамики коричневого цвета толщиной 0,5-0,7 см, в том числе отогнутый наружу венчик с приостренной кромкой, украшенный налепным валиком с овальными наклонными вдавлениями (рис. 3, 1).

Поселение Лукашенкова-2 расположено в 3,5 км юго-восточнее с Малая Ярославка, на правом берегу р. Насыровка — левого притока р. Абрамовка, у северо-восточного подножия сопки Лукашенкова (рис. 2, рис. 3, 2). На поверхности склона, покрытого смешанным лесом, на высоте 6—8 м относительно русла р. Насыровка, отмечено 18 западин жилищ округлой формы диаметром 5—7 м, глубиной в центре 0,3—0,5 м, расположенных скоплением, без определённого порядка. Площадь поселения предварительно определена в 4 тыс. м².

Памятник обследован в 1989 г. [9]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида и сбор подъёмного материала в межжилищном пространстве, частично разрушенном околами.

Найдено 5 фрагментов лепной керамики коричневого цвета, в том числе отогнутый наружу венчик с прямой кромкой, украшенный налепным валиком с округлыми вдавлениями, фрагмент стенки с двумя горизонтальными рядами наклонных овальных оттисков (рис. 3, 2).

Грунтовый могильник Абрамовка-2 (Лузановский) расположен в 11,5 км юго-западнее пос. Ярославский, на 6—8-метровом

останце овальной формы (80×150 м), покрытом кустарником и отдельными деревьями (рис. 2). На поверхности возвышенности имеется более 100 округлых углублений диаметром 1-1,5 м.

Памятник исследован в 1989 г. [13]. Раскопом на площади 97 м² вскрыто 24 погребения. Обнаружены изделия из железа (ножи, панцирные пластины, обломок наконечника и цепи), серебра (кольца), комбинированный (железо—серебро) браслет, камня (шлифованные подвески), лепная керамика.

Поселение Абрамовка-3 расположено в 5,5 км юго-западнее с. Камышовка, на мысу, покрытом смешанным лесом, на высоте 12—14 м относительно русла р. Абрамовка (рис. 2). Памятник обнаружен в 1989 г. [9]. Отмечено 12 западин жилищ округлой формы диаметром 4—6 м и глубиной в центре 0,3—0,5 м, расположенных скоплением, без определённого порядка. Площадь памятника составляет 5 тыс. м².

Поселение исследовалось в 1989—1993 гг. [5, 9]. Раскопами общей площадью 514 м² вскрыто 6 жилищ, 2 хозяйственные постройки, часть межжилищного пространства. Найдены изделия из железа (ножи, накладка на колчан), камня (лощила, подвески), глины (пряслица, фигурка животного) и лепная керамика.

Поселение Абрамовка-5 расположено в 4,9 км юго-западнее с. Камышовка, на юго-западном склоне сопки Бойкова, покрытом смешанным лесом (рис. 2). На поверхности склона, на высоте 4-12 м относительно русла р. Абрамовка отмечено 18 западин жилищ округлой формы диаметром 6-8 м и глубиной в центре 0,4-0,6 м (рис. 4, I). 13 из 18 жилищ образуют 2 ряда, ориентированные с запада на восток вдоль склона (в ряду по 6 и 7 жилищ). Площадь памятника предварительно определена в 8 тыс. m^2 .

Поселение обследовано в 1989 году [9]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида, в юго-восточной части на протяжении 1 м зачищен край полевой дороги. Под дерново-гумусным горизонтом выявлен культурный слой — серо-коричневая супесь мощностью до 0,37 м. Найдено 13 фрагментов лепной керамики красно-коричневого

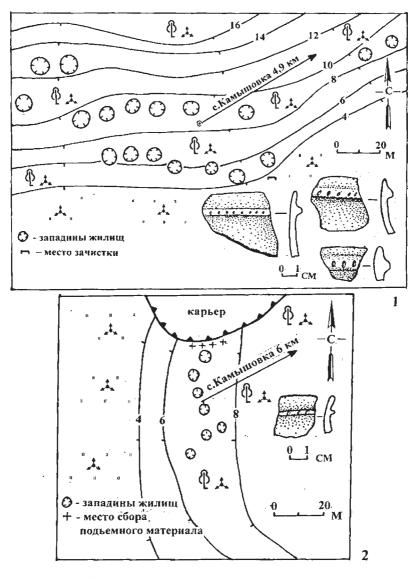

Рис. 4. Планы и керамический материал поселений Абрамовка-5 (1), Абрамовка-11 (2)

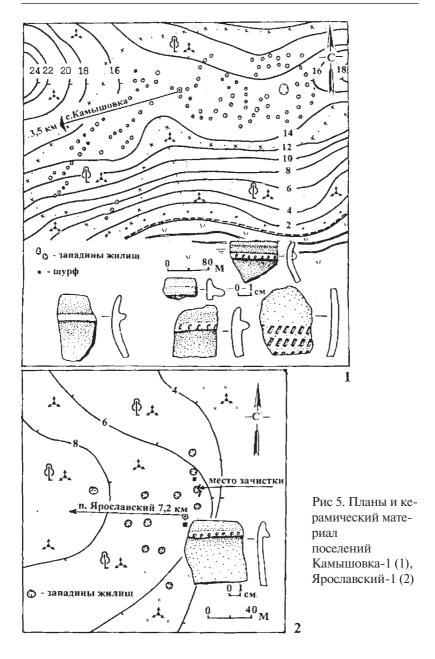
цвета, в том числе 3 венчика с округлой кромкой, украшенные налепным валиком с округлыми и овальными вдавлениями (рис. 4, 1).

Поселение-Абрамовка-11 расположено в 6 км юго-западнее с. Камышовка, на юго-западном склоне мыса, покрытого смешанным лесом (рис. 2). На поверхности склона, на высоте 6—7 м относительно русла р. Абрамовка отмечено 7 западин жилищ округлой формы диаметром 4—5 м и глубиной в центре 0,3—0,4 м. 4 углубления образуют ряд, ориентированный по линии C3—ЮВ (рис. 4, 2). Площадь памятника определена в 1 тыс. м².

Поселение обследовано в 2005 г. [10]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида. В северной части памятника, вдоль разрушенной карьером поверхности террасы собран подъёмный материал. Найдено 12 фрагментов лепной керамики тёмно-коричневого цвета толщиной 0,4—0,6 см, в том числе отогнутый наружу венчик с округлой кромкой, украшенный налепным валиком с овальными наклонными вдавлениями (рис. 4, 2).

Поселение Камышовка-1 расположено в 3,5 км северо-восточнее с. Камышовка, на мысу второй надпойменной террасы, покрытой смешанным лесом, на высоте 4—14 м относительно русла р. Абрамовка (рис. 2). На поверхности возвышенности, на её юго-западном и северо-восточном склонах отмечено 105 западин жилищ округлой формы диаметром 6—8 м и глубиной 0,4—0,7 м. Часть из них образуют 6 рядов, ориентированных с ЮЗ на СВ, остальные расположены скоплением, без определённого порядка. В восточной части поселения зафиксирована западина диаметром 20 м и глубиной в центре 0,8 м (рис. 5, *I*). Общая площадь памятника предварительно опрелелена в 75 тыс. м².

Поселение обследовано в 1989 г. [9]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида. В восточной части памятника заложен шурф площадью 1 м². Под дерново-гумусным горизонтом выявлен культурный слой — тёмно-серая супесь с мелким щебнем мощностью до 0,22 м. В нем найдены

ретушированные орудия эпохи неолита, а также лепная керамика раннего средневековья, в том числе отогнутые наружу венчики с гладким налепным валиком, украшенным округлыми и овальными вдавлениями, фрагмент боковой стенки с двумя горизонтальными рядами прямоугольных оттисков (рис. 5, *1*).

Памятник Ярославский-1 расположен в 7,2 км юго-восточнее пос. Ярославский и в 4 км к северу от устья р. Абрамовка, на оконечности террасовидного выступа, покрытого смешанным лесом (рис. 2). На поверхности террасы, на высоте 5-7 м относительно русла р. Илистая отмечено 12 западин жилищ округлой формы глубиной в центре 0,4-0,5 м. 4 углубления образуют ряд, ориентированный по линии C-HO, остальные расположены скоплением, без определённого порядка (рис. 5, 2). Площадь памятника предварительно определена в 12 тыс. M^2 .

Поселение обследовано в 1989 г. [9]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида. В северо-восточной части памятника, где отмечены окопы и капониры, зачищена стенка одного окопа на протяжении 1 м. Под дерново-гумусным слоем выявлен культурный слой — тёмно-серая супесь мощностью 0,4 м. Найдены фрагменты керамического сосуда с отогнутым наружу венчиком с округлой кромкой, налепным валиком, украшенным рядом округлых вдавлений (рис. 5, 2).

Долина р. Бакарасьевка (Михайловский район).

Археологические объекты расположены в верхнем и среднем течениях реки, на её правом берегу.

Поселение Зелёный Яр-1 расположено в 1 км юго-западнее с. Зелёный Яр, на южной оконечности 12-метровой надпойменной терассы реки, покрытой отдельными деревьями и кустарником (рис. 6). Поселение разрушено карьером по добыче щебня. Сохранилась одна западина жилища округлой формы диаметром 6 м и глубиной в центре 0,5 м (рис. 7). Площадь памятника предварительно определена в 100 м².

Поселение обследовано в 1989 г. [9]. Снят его план, про-изведено фотографирование внешнего вида. Вблизи западины

жилища, в стенке карьера собраны фрагменты лепной керамики коричневого цвета, в том числе отогнутый наружу венчик с округлой кромкой, налепным валиком, по поверхности которого нанесён ряд овальных наклонных вдавлений (рис. 7).

Поселение Зелёный Яр-2 расположено в 1,8 км юго-восточнее с. Зелёный Яр, на южном склоне террасовидной возвышенности, покрытой смешанным лесом (рис. 6). На поверхности склона, на высоте 3—12 м относительно русла р. Бакарасьевка зафиксирована 21 западина жилищ округлой формы диаметром 6—8 м и глубиной в центре 0,4—0,5 м. Углубления от жилищ образуют 3 ряда (по 9, 9 и 3 западины

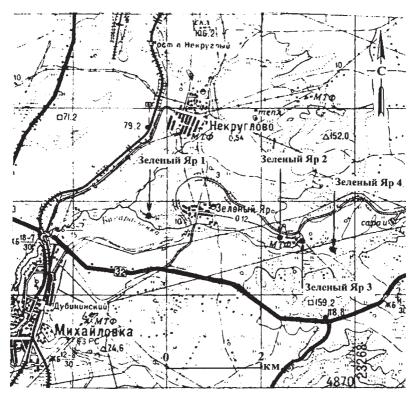

Рис. 6. Карта местоположения поселений Зелёный Яр-1, 2,3,4 в долине р. Бакарасьевка

в каждом). Ряды ориентированы по линиям С3—ЮВ, В—3, вдоль склона террасы (рис. 7). Площадь памятника предварительно определена в 5 тыс. M^2 .

Поселение обследовано в 1989 г. [9]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида. В юго-восточной части памятника собран подъёмный материал. Найдены венчики с округлой кромкой, украшенные налепным валиком с овальными вдавлениями (рис. 7).

Поселение Зелёный Яр-3 расположено в 2,3 км юго-восточнее с. Зелёный Яр, на юго-восточном склоне террасовидной возвышенности, покрытой отдельными деревьями и кустарником (рис. 6). На поверхности склона, на высоте 3—12 м

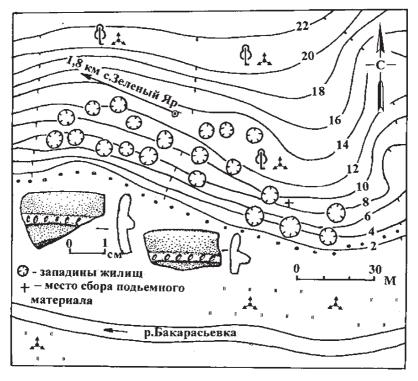

Рис. 7. Планы и керамический материал поселений Зелёный Яр-1, Зелёный Яр-2

относительно русла р. Абрамовка отмечено 24 западины жилищ округлой формы диаметром 4—6 м и глубиной в центре 0,4—0,6 м. Большинство углублений от жилищ образуют 4 ряда (по 4, 8, 5 и 5 западин в каждом). Ряды ориентированы с юго-запада на северо-восток, вдоль склона (рис. 8). Площадь памятника предварительно определена в 6 тыс. м².

Поселение обследовано в 1989 году [9]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида. В юго-западной части памятника собран подъёмный материал. Найден отогнутый наружу венчик с округлой кромкой и налепным валиком с овальными наклонными оттисками (рис. 8).

Поселение Зелёный Яр-4 расположено в 2,5 км юго-восточнее с. Зелёный Яр, на оконечности выступа террасовидной возвышенности, покрытой отдельными деревьями и кустарником, на высоте 12—14 м относительно русла р. Бакарасьевка (рис. 6).

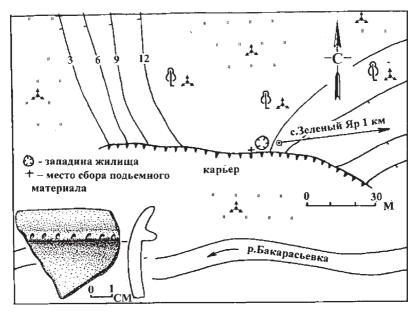

Рис. 8. Планы и керамический материал поселений Зелёный Яр-3, Зелёный Яр-4

Отмечено 18 западин жилищ округлой формы диаметром 5—7 м и глубиной в центре 0,3—0,5 м. Большинство западин образуют 2 ряда (в ряду по 7 и 9 углублений), ориентированных с северо-запада на юго-восток, вдоль края террасы (рис. 8).

Площадь памятника предварительно определена в 5 тыс. м². Поселение обследовано в 2004 г. [11]. Снят его план, произведено фотографирование внешнего вида. В юго-восточной части памятника собран подъёмный материал. Найден отогнутый наружу венчик с округлой кромкой и налепным валиком, украшенным овальными наклонными вдавлениями (рис. 8).

Долина р. Раковка

Археологические объекты расположены в среднем и нижнем течениях реки, на её правом берегу (за исключением одного поселения).

Уссурийский район

Поселение Раковка-6 расположено в 6,8 км северо-западнее с. Раковка, на левом берегу р. Раковка, на юго-западном склоне сопочной возвышенности, покрытой смешанным лесом (рис. 9). На поверхности склона, на высоте 10 м относительно русла р. Раковка отмечено 8 западин жилищ округлой формы диаметром 5—6 м и глубиной в центре 0,4—0,5 м. Углубления расположены в один ряд, вдоль склона, на расстоянии 0,2 км. Площадь памятника предварительно определена в 3 тыс. м² (рис. 10, *I*).

Поселение обследовано в 1988 г. [6]. Снят план, произведено фотографирование внешнего вида. В северо-западной части памятника собран подъёмный материал. Найдена верхняя часть сосуда с выделенной горловиной, округлой кромкой, налепным валиком с округлыми вдавлениями и двумя горизонтальными рядами оттисков пятизубчатого штампа по плечикам (рис. 11, 1), венчики с округлой кромкой и гладким налепным валиком (рис. 11, 1), венчики с налепным валиком, украшенными вдавлениями двузубчатого штампа (рис. 11, 1) и овальными наклонными оттисками (рис. 11, 1), фрагменты

боковых стенок, орнаментированные ромбическими вдавлениями в сочетании с прочерченными горизонтальными желобками (рис. 11, 7), горизонтальными рядами округлых оттисков (рис. 11, δ).

В настоящее время поселение разрушено карьером по добыче щебня. Сохранилось крайнее северо-западное жилище на поселении.

Поселение Раковка-10 расположено в 3,5 км северо-западнее с. Раковка, на юго-западном склоне террасовидного склона, покрытого смешанным лесом (рис. 9). На поверхности склона,

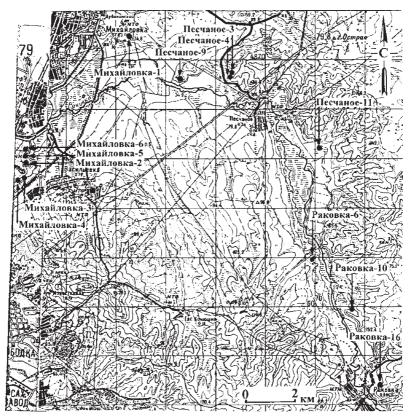

Рис. 9. Карта местоположения поселений Раковка-6, 10, 16, Песчаное-3, 4, 9, 11, Михайловка-1, 2, 3, 4, 5, 6 в долине р. Раковка

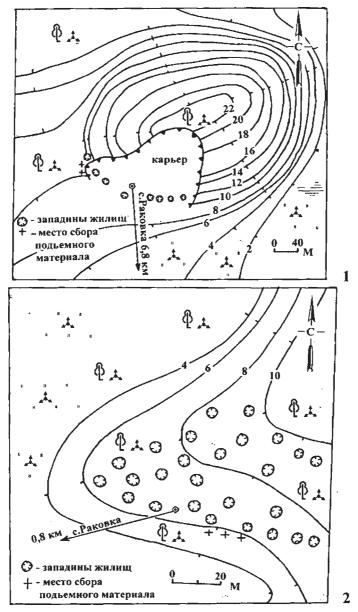

Рис. 10. Планы поселений Раковка-6 (1), Раковка-16 (2)

на высоте 6-15 м относительно русла р. Раковка отмечено 14 западин жилищ округлой формы диаметром 4-7 м и глубиной в центре 0,3-0,5 м. Западины расположены скоплением, без определённого порядка. Площадь памятника предварительно определена в 6 тыс. M^2 .

Поселение обследовано в 1993 г. [7]. Раскопано 3 жилища, часть межжилищного пространства на площади 194 м². Найдены бронзовое украшение, 43 сосуда, около 300 фрагментов керамики.

Поселение Раковка-16 расположено в 0,8 км северо-восточнее с. Раковка, на юго-западном террасовидном склоне, покрытом смешанным лесом (рис. 9). На поверхности склона, на высоте 6-8 м относительно русла р. Раковка отмечено 26 западин жилищ округлой формы диаметром 4-6 м и глубиной в центре 0,3-0,5 м. Большинство из них расположены в 4 ряда (в ряду по 10, 5, 4 и 3 углубления), ориентированных с северо-запада на юго-восток, вдоль склона (рис. 10, 2). Площадь памятника предварительно составляет 5 тыс. $м^2$.

Поселение обследовано в 1988 г. [6]. Снят план, произведено фотографирование внешнего вида. В южной части памятника собран подъёмный материал. Найден железный скобель (рис. 11, 9), фрагменты лепной керамики, в том числе венчики с налепным валиком, украшенным овальными (рис. 11, 10), округлыми оттисками (рис. 11, 11), гладким налепным валиком (рис. 11, 12—14), плоское дно сосуда диаметром 5,5 см.

Михайловский район

Поселение Песчаное-3 расположено в 2,1 км северо-западнее с. Песчаное, на юго-западном склоне террасовидной возвышенности, покрытой смешанным лесом (рис. 9). На поверхности склона, на высоте 6-8 м относительно русла р. Раковка отмечено 5 западин жилищ округлой формы диаметром 6-7 м и глубиной в центре 0,4-0,5 м. Углубления расположены в один ряд, ориентированный C3—ЮВ, вдоль склона (рис. 12, 1).

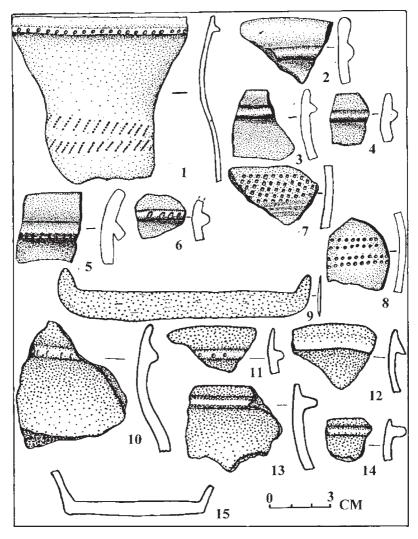

Рис. 11. Подъёмный материал поселений Раковка-6 (1—8), Раковка-16 (9—15). 9 — железный скобель; 1—8, 10-15 — фрагменты керамики

Площадь памятника предварительно определена в 1 тыс. м². Поселение обследовано в 1989 г. [9]. Снят план, произведено фотографирование внешнего вида. В юго-западной части памятника собран подъёмный материал. Найдено 3 фрагмента лепной керамики коричневого цвета, в том числе отогнутый наружу венчик с округлой кромкой и гладким налепным валиком (рис. 12, *1*).

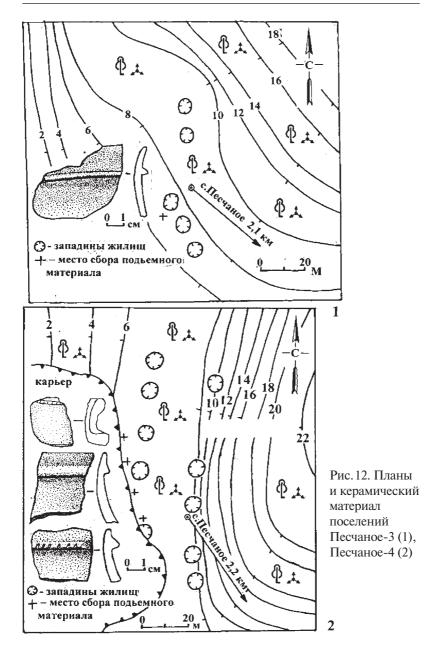
Поселение Песчаное-4 расположено в 2,2 км северо-западнее с. Песчаное, на западном склоне террасовидного выступа, поросшего смешанным лесом (рис. 9). На поверхности склона, на высоте 6—8 м относительно русла р. Раковка отмечено 10 западин жилищ округлой формы диаметром 5—8 м и глубиной в центре 0,4—0,5 м. Углубления расположены в два ряда (в каждом по 5 жилищ), ориентированные по линии С—Ю и вдоль склона террасы (рис. 12, 2). Часть поселения разрушена карьером по добыче щебня. Площадь памятника предварительно составляет 5 тыс. м².

Поселение исследовалось в 1989 [9] и 2004 [11] гг. Составлен план, произведено фотографирование внешнего вида. В юго-западной части памятника, вдоль края карьера собран подъёмный материал. Найден железный кельт, обломок сосудика с налепным валиком по плечикам, рассечённым точечными оттисками, венчики с гладким налепным валиком и валиком, украшенным овальными наклонными вдавлениями (рис. 12, 2).

Поселение Песчаное-9 расположено в 4 км северо-западнее с. Песчаное, на оконечности террасовидного выступа, покрытого частично смешанным лесом, частично кустарником (рис. 9). На поверхности выступа и на его юго-восточном склоне отмечена 31 западина жилищ округлой формы диаметром 5-8 м и глубиной в центре 0,3-0,5 м, расположенных скоплением на высоте 7-14 м относительно русла р. Раковка (рис. 13, 1). Площадь памятника предварительно определена в 7.5 тыс. $м^2$.

Поселение исследовалось в 1989 г. [9]. Составлен план, произведено фотографирование внешнего вида. В северной

108 Ю.В. Кривуля

части памятника, частично разрушенной капониром, собран подъёмный материал. Найдено 4 фрагмента лепной керамики тёмно-коричневого цвета, в том числе отогнутый наружу венчик с округлой кромкой и налепным валиком, украшенным овальными наклонными вдавлениями (рис. 13, *1*).

Поселение Песчаное-11 расположено в 2 км юго-восточнее с. Песчаное, на оконечности террасовидного выступа, покрытого кустарником (рис. 9). На его поверхности, на высоте 7—8 м относительно русла р. Раковка отмечено 2 западины жилищ округлой формы диаметром 5 м и глубиной в центре 0,4 м (рис. 13, 2). Площадь памятника предварительно определена в 500 м².

Поселение обследовано в 1992 г. [8]. Составлен план, произведено фотографирование внешнего вида. На прилегающей к западинам пашне собран подъёмный материал. Найдено 20 фрагментов лепной керамики коричневого цвета, в том числе венчик с округлой кромкой, налепным валиком, украшенным округлыми вдавлениями (рис. 13, 2). В настоящее время памятник разрушен угольным разрезом.

Поселение-Михайловка-1 расположено в 3,1 км северовосточнее с. Михайловка, на оконечности, западном склоне террасовидной возвышенности, покрытой кустарником, на высоте 35—40 м относительно русла р. Раковка (рис. 9). Состоит из 5 западин жилищ округлой формы диаметром 6—8 м и глубиной 0,3—0,4 м, расположенных скоплением, без определённого порядка.

Поселение исследовалось в 1989 г. [9]. Составлен план, произведено фотографирование внешнего вида. Раскопом площадью $30 \, \text{м}^2$ исследовано жилище. Найдены железный наконечник стрелы, точило, лощило, 255 фрагментов лепной керамики. В настоящее время памятник разрушен карьером по добыче щебня.

Поселение Михайловка-2 расположено в 2,5 км юго-восточнее с. Михайловка, на оконечности террасовидной возвышенности, покрытой смешанным лесом (рис. 9). На её поверхности, северо-восточном и юго-восточном склонах на высоте 36—40 м

110 Ю.В. Кривуля

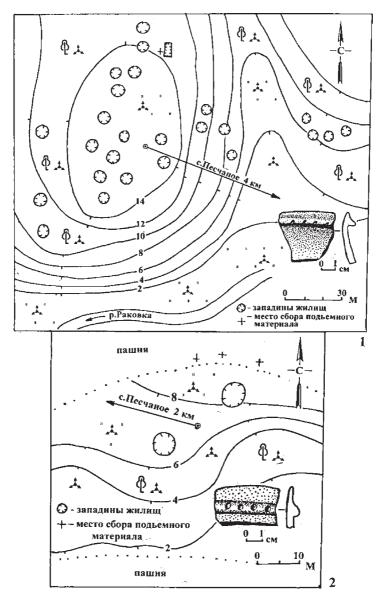

Рис. 13. Планы и керамический материал поселений Песчаное-9 (1), Песчаное-11 (2)

относительно русла р. Раковка отмечено 47 западин жилищ округлой формы диаметром 5—8 м и глубиной в центре 0,3—0,7 м. Часть из них образуют 3 ряда (в ряду по 4, 6 и 8 углублений). Площадь памятника составляет около 10 тыс. м².

Поселение исследовалось в 1985, 1990, 2007 гг. [14—16]. Раскопано 7 жилищ, хозяйственный комплекс, часть межжилищного пространства. Общая вскрытая площадь составила 395 м². Найдены изделия из железа (наконечник стрелы, поясные пряжки), бронзы (пуговица), камня (точила, грузило), 9 сосудов и 1300 фрагментов лепной керамики.

Поселение Михайловка-3 расположено в 5 км юго-западнее с. Михайловка, на террасовидном выступе, покрытом смешанным лесом (рис. 9). На поверхности выступа, на высоте 6 м относительно русла р. Раковка отмечено 7 западин жилищ округлой формы диаметром 6—8 м и глубиной в центре 0,4-0,5 м; 4 углубления расположены в один ряд, ориентированный с ЮЗ на СВ (рис. 14, I). Площадь памятника составляет 2500 м^2 .

Поселение обследовано в 1989 г. [9]. Составлен план, произведено фотографирование внешнего вида. В южной части памятка собран подъёмный материал. Найдено 8 фрагментов лепной керамики, в том числе отогнутый наружу венчик с округлой кромкой и налепным валиком, украшенным овальными наклонными вдавлениями (рис. 14, *I*).

Поселение Михайловка-4 расположено в 5,2 км юго-западнее с. Михайловка, на террасовидном выступе, покрытом кустарником (рис. 9). На поверхности выступа отмечено 15 западин жилищ округлой формы диаметром 4—8 м и глубиной 0,3—0,5 м. 14 углублений расположены в один ряд, ориентированный по линии СЗ—ЮВ. Площадь памятника составляет 4 тыс. м².

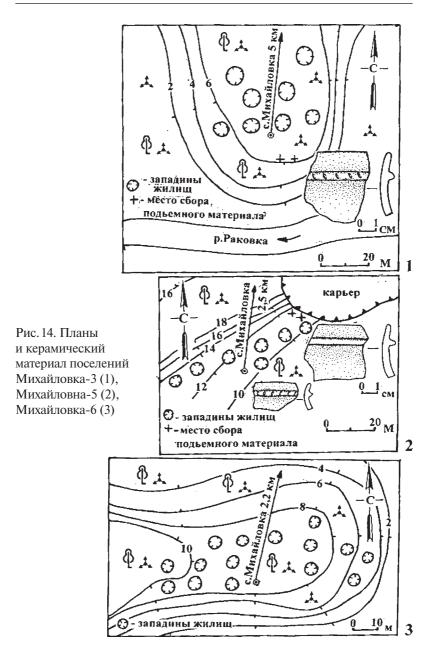
Поселение обследовано в 1992 г. [8]. Составлен план, произведено фотографирование внешнего вида, в восточной части памятника поставлен шурф площадью 1 м². В 2006 г. [17] раскопом площадью 56 м² исследовано 2 жилища. Найдено бронзовое украшение, 170 фрагментов лепной керамики. 112 Ю.В. Кривуля

Поселение Михайловка-5 расположено в 2,5 км юго-западнее с. Михайловка, на юго-восточном склоне террасовидного выступа, покрытого смешанным лесом (рис. 9). На его поверхности отмечено 7 западин жилищ округлой формы диаметром 5—7 м и глубиной в центре 0,4-0,5 м; 6 углублений образуют ряд, ориентированный по линии ЮЗ—СВ (рис. 14, 2). Площадь памятка предварительно определена в 1400 м^2 .

Поселение обследовано в 1989 г. [9]. Составлен план, произведено фотографирование его внешнего вида. В северовосточной части памятника, вдоль края карьера собран подъёмный материал. Найдено 11 фрагментов лепной керамики коричневого цвета, в том числе отогнутые наружу венчики с округлой кромкой и гладким либо рассечённым овальными наклонными вдавлениями налепным валиком (рис. 14, 2).

Поселение Михайловка-6 расположено в 2,2 км юго-западнее с. Михайловка, на оконечности террасовидного выступа, покрытого смешанным лесом и занятым кладбищем с. Михайловка (рис. 9). На поверхности террасы, на высоте 5-10 м относительно русла р. Раковка сохранились углубления от 15 жилищ округлой формы диаметром 5-6 м и глубиной в центре 0,4-0,5 м (рис. 14,3). Площадь памятника предварительно определена в 3 тыс. $м^2$.

Поселение обследовано в 2008 г. [18]. Составлен план, произведено фотографирование его внешнего вида. На поверхности террасы встречены многочисленные фрагменты мохэской керамики. Охарактеризованные выше поселения расположены на поверхностях террасовидных выступов и на их склонах с ЮЗ, Ю и ЮВ экспозициями. Могильник расположен на отдельно стоящем останце террасы, окружённом со всех сторон заболоченной поймой. Необходимыми условиями выбора мест для устройства поселений являются наличие поблизости ручья — притока реки и их расположение в пределах прямой видимости. Так, в долине р. Абрамовка визуально фиксируются поселения Лукашенкова-1, -2, Абрамовка-3, -5, -11, в долине р. Бакарасьевка поселения Зелёный Яр-1 — Зелёный Яр-2, Зелёный Яр-3 — Зелёный Яр-4, в долине р. Раковка

114 Ю.В. Кривуля

поселения Раковка-6 — Раковка-10 — Раковка-16 — Песчаное-11, поселения Песчаное-3, -4, -9, Михайловка-1, -2, -5, -6. Подобное расположение посёлков несомненно имело определённое преимущество во время внезапных нападений врага, когда мохэсцы могли быстро передавать сигнал тревоги с помощью дымовых сигналов. Характерны неукреплённые поселения с количеством жилищ в среднем от 8—10 до 25—30. Среди них выделяются более крупные объекты: Камышовка-1 (105 западин) и Михайловка-2 (47 западин). Расположение жилищ на поселениях подчинено особенностям рельефа местности. Отмечена тенденция к устройству домов рядами. На поселениях Раковка-6, Песчаное-3, Михайловка-4, Михайловка-5 жилища расположены в один ряд, на поселении Песчаное-4 — в два. На более крупных посёлках (таких как, например, Камышовка-1, Михайловка-2, Раковка-16, Зелёный Яр-3) отмечены три и более ряда западин в сочетании с их бессистемным расположением.

Концентрация мохэских памятников в южной части Приханкайской низменности обусловлена, по нашему мнению, наличием здесь железорудных проявлений в виде гнездовых залежей руды средней и малой мощности, выходящих на поверхность вблизи г. Уссурийск, пос. Ярославский, а также десятков месторождений керамических глин, залегающих близко к поверхности близ г. Уссурийск, посёлков Сибирцево и Ярославский. Глины отличаются умеренной пластичностью, легкоплавкостью и пригодны для изготовления керамических изделий [1]. Отметим также отсутствие крупных наводнений на реках Приханкайской низменности (в отличие, например, от р. Уссури) в сочетании с плодородными пойменными почвами, обилие рыбы в реках и многочисленных озёрах, богатый растительный и животный мир, что в целом являлось благоприятными факторами для занятий земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой, собирательством, развития металлургии и керамического производства в эпоху раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Анерт Э.Э. Богатства недр Дальнего Востока. Хабаровск, Владивосток, 1928, с. 258—283.
- 2. Геологическая карта Приморского края (ред. В.А. Бажанов и др.). Владивосток: Приморгеология, 1984.
- 3. Геология СССР. Т. 32. Полезные ископаемые. M., 1974, c. 11—20.
- 4. Геология СССР. Приморский край, геологическое описание. М.: Недра, 1969. Т. 32. Ч. 1, с. 695.
- 5. Кривуля Ю.В. Отчёт об археологических раскопках на памятнике Абрамовка-3 (Хорольский район Приморского края) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15872; Отчёт об археологических раскопках на памятнике Абрамовка-3 (Хорольский район Приморского края) в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 16068; Отчёт об археологических раскопках на памятнике Абрамовка-3 (Хорольский район Приморского края) в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 17420; Отчёт об археологических раскопках на памятнике Абрамовка-3 (Хорольский район Приморского края) в 1993 г. // Архив ИА РАН.
- 6. Кривуля Ю.В. Отчёт об археологических разведках в Уссурийском и Михайловском районах Приморского края в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 12863.
- 7. Кривуля Ю.В. Отчёт об археологических раскопках на памятнике Раковка-10 (Уссурийский район Приморского края) в 1993 г. // Архив ИА РАН.
- 8. Кривуля Ю.В. Отчёт по археологическим разведкам в Михайловском, Хорольском, Уссурийском районах Приморского края в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 17421.
- 9. Кривуля Ю.В. Отчёт по археологическим разведкам в Михайловском и Хорольском районах Приморского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13464.
- 10. Кривуля Ю.В. Отчёт по археологическим исследованиям в Михайловском и Хорольском районах Приморского края в 2005 г. // Архив ИА РАН.
- 11. Кривуля Ю.В. Отчёт по археологическим исследованиям в Михайловском и Уссурийском районах Приморского края в 2004 г. // Архив ИА РАН.
- 12. Никольская В.В. О естественных тенденциях развития физикогеографических провинций юга Дальнего Востока. Новосибирск, 1974, с. 27.

116 Ю.В. Кривуля

13. Семин П.Л. Отчёт об археологических раскопках памятника Абрамовка-2 в Михайловском районе Приморского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13887.

- 14. Семин П.Л. Отчёт о раскопках поселения Михайловка-2 в Михайловском районе Приморского края в 1985—1986 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13436.
- 15. Кривуля Ю.В. Отчёт о раскопках памятника Михайловка-2 (Михайловский район, Приморского края) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15872.
- 16. Кривуля Ю.В. Отчёт по археологическим раскопкам поселения Михайловка-2 (Михайловский район Приморского края) в 2007 г. // Архив ИА РАН.
- 17. Кривуля Ю.В. Отчёт по раскопкам поселения Михайловка-4 (Михайловский район Приморского края) и разведкам в Черниговском и Уссурийском районах Приморского края в 2006 г. // Архив ИА РАН.
- 18. Кривуля Ю.В. Отчёт по археологическим разведкам в Спасском и Михайловском районах Приморского края в 2008 г. // Архив ИА РАН.
- 19. Юг Дальнего Востока. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. М., 1972. С.12—13.

УДК: 930.26(57.63)

О.В. Дьякова

БУДДИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОСУДАРСТВА БОХАЙ (698—926)

В статье анализируются буддийские комплексы, обнаруженные на археологических памятниках государства Бохай на территории северо-восточного Китая и российского Приморья. Ключевые слова: буддизм, храм, Приморье, монастырь, пагода, Китай.

O.V. Diakova

The Buddhist Monuments of Pohai State (698–926)

The article analyzes the Buddhist complexes that were discovered on the archaeological sites of Pohai State on the territory of the North East China and the Russian Primorye.

Key words: Buddhism, temple, Primorye, monastery, pagoda, China.

Буддистское учение, прежде чем проникнуть в тунгусоманьчжурское государство Бохай, прошло длительный и сложный путь развития в дальневосточных странах. В Китае буддизм появился во времена Хань. Учение распространялось из Индии, из храма Баймасы (княжество Юнчжоу, территория нынешней пров. Хэнань), располагавшегося к западу от горного прохода Ханьгугуань, пров. Хэнань и находившегося в Лояне при императоре Минди в ранний период восточной Хань [5].

Буддизм активно развивался в Северной Вэй. Для управления буддийскими монастырями и храмами даже была создана специальная дворцовая служба. В это время возведён крупный пещерный храмовый комплекс (север провинции Шаньси). В нём находились тысячи келий для монахов. Здесь они создали десятки тысяч скульптурных изображений Будды. Надо сказать, что буддийские скульптуры и их одеяния с оголённым плечом несколько претили китайской эстетике. Но со временем буддизм адаптировался к китайскому восприятию, трансформировавшись в чань-буддизм. В Китай приходили

118 О.В. Дьякова

многочисленные буддийские миссионеры, а в Индию из Китая, в свою очередь, отправлялись с целью поклонения реликвиям и памятным местам многочисленные паломники.

Особенно бурно буддийское учение и храмы стали развиваться при династиях Суй и Тан. К этому времени чан-буддизм уже пропитался даосизмом и конфуцианством, и в повседневной жизни китайцам позволялось ради уединённой медитации не избегать совместного существования со своими ближними.

Естественно, что буддийское учение не могло пройти мимо тунгусо-маньчжурского государства Бохай, занимавшего территорию северо-восточного Китая, север Корейского полуострова и российское Приморье. В Тан на учёбу отправляли большое количество бохайских юношей, которые, проходя классическое обучение, не могли не познакомиться с буддийскими канонами. Кроме того, в Бохай прибывали миссионеры, торговцы, и для удовлетворения их религиозных потребностей должны были сооружаться храмы, кумирни, пагоды. О том, что всё это имело место быть, свидетельствует открытие серии буддийских археологических памятников на территории государства Бохай. В настоящее время в Бохае обнаружено и раскопано 12 буддийских объектов. Установлено, что в северо-восточном Китае остатки буддистских монастырей сосредоточены в четырёх районах: 1. Дуньхуа; 2. Сигучэн (западная столица) и прилегающие к нему районы; 3. Баляньчэн и прилегающие к нему районы; 4. Город Шанцзин и прилегающие к нему районы.

В Приморском крае России обнаружены и исследованы четыре буддистских памятника: Абрикосовский, Копытинский храмы (кумирни), Борисовский храм (Уссурийский район), Краскинский храм (Хасанский район). Два буддийских храма обнаружено в Северной Корее, но в распоряжении автора в настоящее время нет достаточно подробных материалов о них. Поэтому в данной публикации мы их касаться не будем. Кроме буддийских монастырей найдено несколько буддистских пагод. Правда, сложность заключается в том, что нет достаточно разработанных классификационных признаков, позволяющих отличать монастыри от пагод. Поэтому часто к буддистским храмам относят и пагоды.

БУДДИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОСУДАРСТВА БОХАЙ [1—17]

РАЙОН ДУНЬХУА

Монастырско-храмовый комплекс Исиньтунь. Обнаружен в 300 м западнее деревни Исиньтунь села Хуншисян уезда Дуньхуа. Остатки храма обнаружены на западном берегу р. Муданьцзян, на противоположной стороне от некрополя Людиншань (восточный берег Муданьцзяна). Монастырь входом ориентирован на юг. Состоит из двух залов, расстояние между которыми составляет 75 м. Длина переднего зала 144 м, ширина — 6 м, длина дальнего (заднего) зала 144 м, ширина — 8 м. На территории храма при раскопках собрана плоская и желобчатая черепица, традиционная для бохайской культуры.

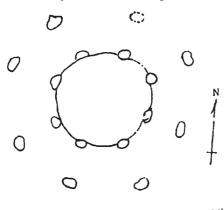
ГОРОД СИГУЧЭН И ПРИЛЕГАЮШИЕ К НЕМУ РАЙОНЫ

В настоящее время в этом районе зафиксировано более десяти буддийских храмов: *храм Гаочаньсы* (храм моления о высоком урожае), *храм Цзюньминьцяо* (храм согласия между военными и гражданскими), *храм Лунхай* (храм драконова моря), *храм Дуннаньгоу* (храм юго-восточного ущелья), *храм Шэньсяньдун* (храм Обитель бессмертных), *храм Дадунгоу* (храм Великого востока), *храм Фуцзягоу* (храм семейных наставлений, или храм ста миллиардов семейных уз), *храм Ухэ* (храм Танцующего журавля), *храм Цзяньчан* (храм Чистого (щелочного) поля), *храм Дунцин* (храм восточного просветления), *храм Чжунпин* (храм сердечной глубины), *храм Лотошань* (храм верблюжья гора), *храм Синьтянь* (храм новое поле), *храм Хунъюнь* (храм красное облако).. Кроме того, раскопана погребальная пагода принцессы *Чжэньсяо*.

120 О.В. Дьякова

Местонахождение буддистских храмов

Храм Гаочаньсы (高产寺). Обнаружен в деревушке Гаочаньцунь села Дэхуасян уезда Хэлун. Храм располагался на юговосточном склоне террасы. От храма сохранились 16 цокольных камней, образующих два вписанных круга — внутренний и внешний. Внутренний круг (восьмиугольник) состоял из 8 цокольных камней. Его диаметр составлял 7 м. Внешний круг имел ту же форму, что и внутренний. Его диаметр достигал 12 м. В центре внутреннего круга имелась круглая возвышенность (макушка), в середине которой находилось строение, напоминающее маленький барабан с оштукатуренной извёсткой поверхностью. Между камнями также зафиксирована извёстка. Данный объект реконструирован следующим образом: в центре располагалось круглое ступенчатое подножие (стилобат), являвшееся основанием алтаря Будды, т.е. место, где молились и поклонялись Будде. Во внутреннем круге были установлены вертикальные колонны, между которы-

图四十二 和龙高产寺庙址

Рис. 1. План храма Гаочаньсы в Хэлүн

ми располагался главный обрядовый зал храма. Во внешнем круге были установлены опорные колонны для карнизов (для навеса). Между внутренними и внешними колоннами располагалась окружная галерея. Данное храмовое строение отнесено к типу беседок в форме одинарного восьмиугольника. При раскопках храма выявлены культовые предметы: две глиняные скульптуры сидящих Будд (рис. 1) и ряд других артефактов.

Храм Цзюньминьцяо (军民桥寺). Храм находился в деревне Сичэнсян уезда Хэлун. Территория храма состояла из двух частей: окружающей стены и самого храмового строения. Стена, сооружённая из смеси глины, песка и мелкого камня (гальки), в плане имеет форму прямоугольника. Его длина с севера на юг — 30 м, ширина с востока на запад — 20 м. В средней части стены находились 5-метровые ворота. В центре внутреннего пространства зафиксирована земляная возвышенность высотой около 1 м. При раскопках этой возвышенности найдены круглая черепица (замыкающая черепичный жёлоб) с узорами лотоса и другие бохайские реликвии.

Храм Лунхайсы (龙海寺). Обнаружен в деревушке Хайлунцунь села Луншуй уезда Хэлун. Располагался на ровной площадке у подножия горы Сишань. В 150 м к северо-западу от храма на горе находилось захоронение бохайской принцессы Чжэньсяо. В центре плато, где найдены остатки храма, сохранилась земляная насыпь, размеры которой с востока на запад достигали 40 м, с юга на север — 30 м, высота не превышала 1,5 м. Местные жители при проведении земельных работ обнаружили высеченные вручную цокольные камни, располагавшиеся в определённой последовательности. Рядом с ними находились плоская черепица, концевые диски с узором в виде лотоса и другие артефакты.

Храм Дунънаньгоу (东南沟寺). Обнаружен в деревне Хэнаньцунь волостного города Бацзяцзы уезда Хэлун. Храм сооружён на искусственной площадке, расположенной посредине склона горы. Длина площадки с юга на север 50 м, с востока на запад 30 м. В центре этой ровной площадки возвышалась метровая холмообразная земельная насыпь диаметром около 10 м.

Храм Шэньсяньдун (神仙洞寺). Обнаружен в деревушке Шэньсяньдун села Фусин уезда Аньту. Храм располагался на ровной площадке, вплотную прилегавшей на высоте 10 м к склону горы. Длина площадки с юга на север — 50 м, ширина с востока на запад 20 м. В центре площадки зафиксировано 1-метровое земляное возвышение диаметром 9 м. Рядом

122 О.В. Дьякова

с площадкой залегала бохайская желобчатая кровельная черепица и её фрагменты. **Храм Дадунгоу** (大东沟寺). Обнаружен на северной стороне ущелья Дадунгоу волостного города Шимэнь уезда Аньту. Располагался в средней части пологого склона ущелья Дадунгоу. Длина храма с юга на север около 40 м. Ширина с востока на запад 37 м. При раскопках извлечены кирпичи, черепица, архитектурные каменные детали и другие предметы бохайской культуры.

Храм Фуцзягоу (傅家沟寺). Обнаружен в ущелье Фуцзягоу волостного города Шимэнь уезда Аньту. Храм Фуцзягоу находится внутри узкого и замкнутого горного ущелья. Храм разрушен, но установлены его размеры. Длина с востока на запад 100 м. Ширина с юга на север 50 м. Собраны элементы строительных конструкций, среди которых круглая черепица и прочие предметы бохайской культуры. Это позволило исследователем предположить, что в данном месте находился бохайский монастырь.

Храм Ухэ (舞鹤寺). Обнаружен в устье ущелья Сюйцзягоу деревушки Ухэцунь волостного города Шимэнь уезда Аньту. Храм значительно разрушен, но по разбросу артефактов и характеру ландшафта установлено, что храм ориентирован с юга на север и имел три зала, расположенных в ряд. На территории храма зафиксированы артефакты государств Бохай, Ляо, Цзинь. В данное время в этом месте никто не живёт и не жил ранее. Предполагается, что здесь находился бохайский храм, который впоследствии использовался во время киданьской империи Ляо и чжурчжэньской Цзинь.

Храм Цзяньчан (碱场寺). Обнаружен у деревушки Цзяньчанцунь уезда Аньту. Располагался на искусственной площадке, вырытой в средней части склона горы. Длина храма с юга на север около 30 м. Ширина с востока на запад около 30 м. В северо-западном углу строения находились два блока от фундамента, диаметр которых составлял соответственно 0,70 м и 0,65 м. Кроме того, при раскопках выявлено 11 обтёсанных в виде лепестков лотоса камней круглой формы, являвшихся, вероятно, храмовым архитектурным декором.

Храм Дунцин (东清寺). Обнаружен на террасе правого берега р. Гудунхэ уезда Аньту. Храм располагался на земляной 1-метровой возвышенности, длина которой с юга на север около 22 м, ширина с востока на запад 14 м. В северо-восточной части возвышенности сохранились 5 цокольных (фундаментных) камней. На территории храма откопана желобковая черепица с узорами лепестков лотоса на торцах, скульптура Будды, вырезанная из белого камня (*onan*) и прочие артефакты.

Храм Лотошань (骆驼山寺). Обнаружен у горы Лотошань села Чуньян уезда Ванцин. Располагался на искусственной площадке у горного подножья устья ущелья Туньдабэй. Длина площадки 50 м, ширина 20 м. В центре площадки располагались 4 цокольных камня, образовывавших прямоугольник. Расстояние между цокольными камнями с востока на запад составляло 2,9 м, с юга на север — 4,2 м. К северо-западу от них находились ещё 3 цокольных камня. В 60 м от устья ущелья к юго-западу от площадки с храмом обнаружены остатки фундамента жилища длиной 4 м. С поверхности храма собрано большое количество желобковой черепицы с лотосами и прочими предметами бохайской культуры.

Храм Синьтянь (新田寺). Обнаружен в деревушке Синьтяньцунь села Байцаогоу уезда Ванцин. Храм сооружён у подошвы горы на искусственной площадке овальной формы, длина которой с юга на север составляет 35 м, ширина с востока на запад — 33 м. В 5 м к западу от площадки расположена искусственное 10-метровое уплощение. При раскопках встречена желобчатая черепица с лотосами и другие бохайские артефакты.

Храм Хунъюнь (红云寺). Обнаружен в 500 м от деревушки Хунъюньцунь волостного города Чуньян уезда Ванцин. Строение имело каменно-земляной ступенчатый *стилобат*, со всех сторон окружённый цокольными камнями. В бохайские времена восточная часть храма служила жилой зоной. Длина стилобата с юга на север 9 м, ширина с востока на запад 8,2 м. Сохранившаяся высота стилобата 0,35—0,5 м. Стилобат ориентирован по 189 градусу. Со всех сторон от

124 О.В. Дьякова

стилобата тянулись параллельные ряды 12 цокольных камней. Предполагается, что первоначально было 17 блоков цокольных камней, ряды которых находились на восточной, северной, западной сторонах насчитывали по 5 камней, в южном ряду — 6 камней. Кроме этого, с внешней стороны от западного ряда цокольных камней находились ещё два цокольных камня, занимавших соответствующее место в северной части западного ряда цокольных камней. Это позволило предположить, что с внешней стороны цокольных камней мог быть ещё один внешний ряд (круг) камней. В центральной части стилобата сохранились следы алтаря Будды. Внутренний ряд цокольных камней являлся основанием для колонн алтаря Будды. Между цокольными камнями внутреннего и внешнего рядов зафиксирована галерея. К каменной кладке, располагавшейся с южной стороны стилобата, вела каменная ступенька. Ворота буддийского зала обращены на юг. Поскольку во время раскопок не обнаружено каких-либо «совиных хвостиков», то предположено, что крыша буддийского зала имела шатровую

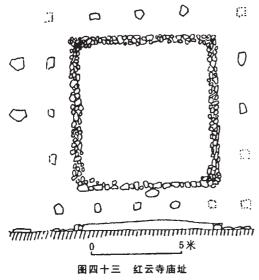

Рис. 2. Схема расположения храма Хунъюнь

павильонную форму. Анализ расположения цокольных камней и обнаруженных артефактов свидетельствовали. залы данного буддийского подворья представляли собой строения из гонтовых (кровельный древесно-черепичный материал) конструкций в виде одинарных помещений квадратной формы, вокруг которых шли галереи (рис.2).

Буддийские пагоды

Погребальная пагода принцессы Чжэньсяо. обнаружена на вершине горы Силуноушань у деревушки Лунхайцунь уезда Хэлун. Пагода располагалась на искусственной площадке, ориентированной по 170° . Пагода возведена из кирпичей и каменных плит. Погребальный комплекс включал погребальный склеп, мощёные дорожки, обнесённые с обеих сторон стеной, ворота в склеп, могильные аллеи, наземную пагоду и прочие детали. От наземной части пагоды сохранился лишь фундамент, дорожка, вымощенная прямоугольными кирпичами и замковый (запорный) камень на могиле. Фундамент пагоды почти квадратной формы $(5,65\times5,5\,\mathrm{M})$. Внутреннее пространство фундамента пагоды тоже почти квадратной формы $(2,7\times2,6\,\mathrm{M})$. Толщина стен фундамента пагоды $1,50\,\mathrm{M}$.

БАЛЯНЬЧЭН И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ РАЙОНЫ

Буддийские храмы

Баляньчэновский храм Дунънань (东南寺). Обнаружен приблизительно в 600 м юго-восточнее городища Баляньчэн. Площадь храма 12 м², высота земляной насыпи, на которой находится храм, — 1,5 м. На земляной насыпи расположены в форме прямоугольника цокольные (фундаментные) камни. Размеры фундамента с востока на запад 9,8 м, с юга на север — 9,4 м. Анализ расстановки камней показывает, что буддийский храм состоял из трёх помещений, окружающей их галереи, имевшей крышу с загнутыми вверх углами. В центре Буддийского зала (внутри главного обрядового зала) с небольшим смещением на север находился круглый пьедестал. В южной части располагались 3-метровые ворота. На территории храма собраны фрагменты разбитой буддийской скульптуры, желобковая черепица с орнаментом в виде лотоса.

Храм Мадида (马滴达寺庙). Обнаружен в селе Мадида уезда Хуньчунь. Храм возведён на 1-метровой земляной насыпи, размеры которой с востока на запад 32 м, с юга на север — около 23 м. На насыпи зафиксировано 16 камней, образующих три ряда, ориентированных восток—запад. Длина переднего ряда достигает 22 м, длина двух задних рядов неизвестна. Расстояние между двумя передними рядами составляет 14 м, расстояние между вторым и третьим рядами не превышает 4 м. На территории храма при раскопках встречена желобковая черепица с лотосами и другие артефакты бохайской культуры.

Храм Синьшэн (新生寺). Обнаружен севернее деревушки Синьшэнцунь села Саньцзяцзы уезда Хуньчунь. Расстояние между ним и Баляньчэн составляет 2,5 км. Храм возведён на 1,5-метровой земляной насыпи, размеры которой с востока на запад достигают 37 м, с юга на север — 25 м. Цокольные камни двумя рядами тянутся с востока на запад, часть камней уже утеряна. Длина рядов с юга на север 19 м, расстояние между ними не превышает 7,4 м. В южном ряду сохранились 6 баз для колонн, в северном ряду — 5, во внешнем круге — только 4 цокольных камня, два из которых расположены в северо-восточном углу, один — в юго-западном и один — с западной стороны. Анализ расположения каменьев показывает, что

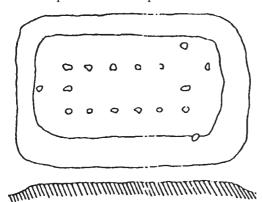

Рис.3. План храма Синьшэн

图四十四

新生寺庙址

в глубине постройки имелось два помещения, галерея с 5 помещениями. На территории храма при раскопках извлечены обломки каменного горельефного изображения Будды, желобковая черепица с лотосами и разные артефакты бохайской культуры (рис. 3). **Храм Саньцзяцзы Лянчжунчан** (三家子良种场寺). Обнаружен в 0,5 км к востоку от храма Синьшэн. На территории этого храма собраны артефакты, аналогичные находкам храма Синьшэн.

Храм Уъи (五一寺). Обнаружен в 350 м восточнее деревушки Уъицунь села Мачуаньцзы уезда Хуньчунь. Остатки храма в виде баз колонн зафиксированы на площади 6 тыс. м² (с востока на запад 100 м, с юга на север 60 м). Кроме того, на поверхности собраны обломки черепицы бохайской культуры и фрагменты скульптуры Будды, вырезанной из песчаника.

Храм Дахуангоу (大荒沟寺). Обнаружен внутри жилого микрорайона лесничества Дахуангоу уезда Хуньчунь. Размеры площади храма с востока на запад составляют 15 м, с юга на север 7 м. Собраны артефакты бохайской культуры: фрагмент горельефного изображения Будды, вырезанного из песчаника, а также желобчатая черепица с узором в виде лепестков хризантемы (шелковицелистной). В настоящее время на этом месте расположена пашня.

Храм Янмулиньцзы (杨木林子寺). Обнаружен на сопке Маньган в восточной части деревушки Янмулиньцзыцунь села Янпао уезда Хуньчунь. Южнее в 1,5 км от него находился бохайский город Сацичэн. Первоначальная площадь территории 350 м² (с востока на запад — 20 м, с юга на север — 15 м). Храм возведён на 1-метровой земляной насыпи. В настоящее время от него сохранилось всего несколько цокольных камней. На территории храма собрана желобковая черепица с узором цветка лотоса, а также горельеф изображения Будды и другие артефакты бохайской культуры.

Буддийские пагоды

В данном районе была обнаружена лишь одна погребальная пагода Мадида.

Погребальная пагода Мадида (马滴达幕塔). Обнаружена в 1 км к северо-востоку от деревушки Мадидацунь села Мадида уезда Хуньчунь. Погребальная пагода возведена на искусственной площадке средней части горы, ориентирована

128 О.В. Дьякова

по 40° в юго — юго-восточном направлении. Пагода состоит из подземного дворца, мощёной дорожки, забора (стены), могильной аллеи и фундамента. Строение полностью выполнено из квадратного кирпича. В настоящее время пагода разрушена. Надземная стена в плане имеет почти квадратную форму (4,95×4,80 м). Её фундамент сооружён на крыше подземного могильного склепа. Четыре стороны фундамента надземной стены окружены земляной насыпью. Внутреннее пространство имеет форму квадрата (2,2×2,2 м).

ШАНЦЗИН И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ РАЙОНЫ

По данным археологических исследований внутри и вокруг двора Лунцюаньфу бохайской столицы Шанцзин обнаружено 9 буддийских храмов, из них два располагались внутри городища, а семь — за его пределами.

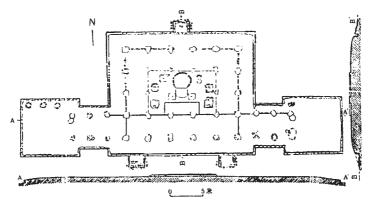
Буддийский храм № 1 обнаружен в юго-западной части второго квартала по первому северному ряду западнее восточной половины городища (двора) Лунцюаньфу бохайской столицы Шанцзин. Раскопан только главный обрядовый зал, состоявший из главного зала и двух прилегающих к нему (с обеих сторон) помещений, связанных между собой фундаментом. В плане зал имеет форму перевёрнутой буквы Т (口).

Фундамент главного обрядового зала прямоугольной (почти квадратной) формы. Его размеры с востока на запад 23,68 м, с юга на север — 20 м. На фундаменте по линии юг—север размещались в 5 рядов 28 крупных цокольных камней. В каждом ряду было по 6 камней, а посередине — две маленькие колонны. Предполагается, что главный обрядовый зал состоял из 5 помещений. Со всех сторон света к главному обрядовому залу вели ступеньки. В центре главного обрядового зала находился буддийский алтарь размером 10,74×7,18 м. Южная сторона алтаря имела форму перевёрнутой буквы П (Ш). В этом

месте проводилось богослужение. Размер пространства для осуществления богослужения составлял 5,3×1,95 м.

В алтаре обнаружены каменные фундаменты от 9 буддийских скульптур, среди которых постамент самого Будды, двух первых приближённых, двух бодхисатв, двух царей неба, двух злых духов, ведающих казнями.

Два помещения (восточное и западное), возведённые на высоком 9-метровом фундаменте (9,23 м) имели форму квадрата. Из системы расположения сохранившихся цокольных камней следует, что второе помещение, в свою очередь, состояло из 3 помещений (рис. 4).

图四十五 上京龙泉府东半城上号佛寺正殿遗址平、剖面图

Рис. 4. План главного обрядового зала буддийского храма № 1 в восточной части городища (Дунъбаньчэн) двора Лунцюаньфу Шанцзин

Храм № 2. Это храм «Наньдамяо» (Южный Великий храм), т.е. храм возрождающегося бодхисатвы эпохи Цин. Обнаружен западнее восточной части городища Дунъбаньчэн 东半城). Расположен в центре 6-го квартала северного ряда зданий. Западной стороной храм примыкал к большой улице Чжу цюэ (улица Жар-птицы). От бохайского периода сохранился каменный фонарь в виде зонтика, а внутри зала Троих совершенномудрых обнаружена каменная скульптура Будды.

130 О.В. Дьякова

Храм № 3. Обнаружен в северо-западной части центра квартала. Размеры главного обрядового зала с востока на запад 20 м, с юга на север — 18 м. Из артефактов в зале встречены обломки глиняной скульптуры Будды и другие предметы.

Храм № 4. Обнаружен в восточной половине столицы с западной стороны Дунъбаньчэнь, в восточной части четвёртого квартала, севернее второй линии зданий. Главный обрядовый зал имел прямоугольную форму. Установлено, что в главном зале по линии юг—север шли 3 ряда колонн. Каждый ряд содержал 4 камня. Внешняя галерея содержала 6 цокольных камней. Внутри главного обрядового зала сохранились остатки алтаря Будды. С внешней стороны храм окружала каменная вымостка. Рядом с алтарём Будды обнаружены многочисленные обломки буддийских скульптур.

Храм № 5. Обнаружен в западной половине второго квартала зданий городища Сибаньчэн (западная половина города 西半城). Храм окружала стена, длина которой с востока на запад составляла 160 м, с юга на север — 130 м. В плане храм идеальной прямоугольной формы размером с востока на запад 28 м, с юга на север — 18 м. Центральная часть храма смещена к северу. В главном зале с юга на север прослежены 3 ряда баз колонн. В каждом ряду по 4 базы. В среднем ряду 2 базы колонн. На прихрамовой территории с востока на запад зафиксировано 6 каменных баз, с юга на север — 5. Галерея и мергелевая стена главного обрядового зала отличаются друг от друга.

На территории, окружённой стеной, в северной её части имеются прямоугольные жилища, примыкавшие к северной стороне Главного Зала, размером с востока на запад 18,3 м, с юга на север — 13 м. В северо-восточной и северо-западной сторонах Главного обрядового зала сохранились фундаменты жилищ квадратной формы с 6-метровыми стенами. С юго-восточной стороны Главного зала прослежен прямоугольный фундамент жилища, симметричного фундаменту юго-восточного жилища.

Храм № 6. Обнаружен в восточной части 6-го квартала восточнее Сибаньчэн (западной половины городища (西半城). Восточной стороной храм прилегал к главной улице Чжу-

цюэ (улица Жар-птицы). Главный обрядовый зал находился на 1,5-метровой земляной насыпи. Судя по конструкции галереи, окружавшей храм со всех сторон, она была ниже Главного обрядового зала и отделялась мергелевой стеной. На территории Главного храма зафиксировано 15 земляных насыпей. Самая большая из них представляла собой 3-метровый квадрат и располагалась в центре Главного обрядового зала. По обеим сторонам слева и справа от него наблюдались 7 земляных насыпей. Установлено, что на самой высокой насыпи располагалась скульптура Будды, по обеим сторонам от которой находились скульптуры приближённых. В 54,5 м севернее Главного зала находился учебный класс. Об этом свидетельствуют две каменные базы колонн и куски черепицы, обнаруженные на пашне.

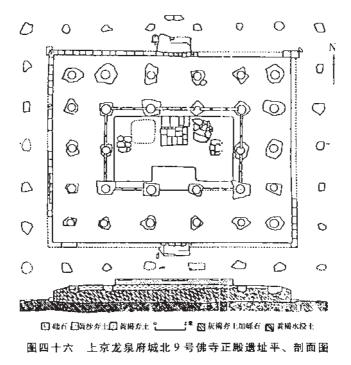

Рис.5. План Главного обрядового зала № 9 городища Шанцзин двора Лунцюаньфу

132 O.B. Дьякова

В 90 м от южной стороны Главного обрядового зала располагались, согласно буддийскому учению об открытых с трёх сторон воротах, «ворота буддийского храма» («Трёхвратье»). От ворот сохранились два ряда ориентированных в направлении юг—север базальтовых камней, отстоявших друг от друга на 3 м. С двух сторон к ним были подведены две кладки метровых каменных стен, ориентированных восток-запад.

Храм № 7. Обнаружен восточнее западной половины города (西半城). Располагался в центре южной части второго квартала. Территория храма представляла собой узкий длинный прямоугольник, со всех сторон окружённый стеной, размеры которой с востока на запад 177 м, с севера на юг — 56 м. В центре внутренней территории храма с юга на север зафиксировано три зала. Размеры южного храма с востока на запад достигали 20 м, с юга на север — 15 м. Жилая зона зала с востока на запад составляла 21 м, с юга на север — 11 м.

Храм № 8. Обнаружен за пределами города в 250 м севернее с западной стороны городских ворот. Размеры Главного зала с востока на запад 14 м, с юга на север — 10 м. Собраны 2 обломка скульптуры Будды.

Храм № 9. Обнаружен в 259 м северо-западнее ворот города. Главный обрядовый зал храма возведён на 1-метровой прямоугольной насыпи размером с востока на запад 16,6 м, с юга на север — 13,2 м. С южной и северной сторон по центру к залу подходят ступени. Цокольное основание храма насчитывает 28 крупных камней, образующих с юга на север 5 рядов. В центральном ряду 4 камня, в остальных по 6. Согласно системе расположения рядов цокольных камней установлено, что храм состоял из 5 залов: Главного обрядового и 4 помещений, располагавшихся в глубине. Алтарь Будды находился в центре Главного обрядового зала. Его высота достигала 0,43 см, размеры с востока на запад — 8 м, с юга на север — 4,4 м. С южной стороны алтарь П-образно уходил внутрь, образуя прямоугольное пространство для богослужения. В алтаре сохранились 5 каменных постаментов для статуй Будды. Наиболее крупный постамент для самого Будды (находился в центре), два для приближённых, два для бодхисатв (рис. 6).

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ РОССИИ [1—4, 7, 8, 10, 13, 14]

В Приморском крае России обнаружено несколько бохайских буддийских храмов (кумирен).

Копытинская кумирня (Матишань). (Уссурийский район Приморского края). Расположена в 3—4 км от с. Кроуновка на правом берегу р. Кроуновка на вершине сопки Копыто. Впервые обследована Э.В. Шавкуновым в 1958—1959 гг., затем им же повторно в 1993—1995 гг. Объект раскопан полностью. Материалы подробно опубликованы [13, 14, с. 103—107]. По конструкции кумирня представляла собой квадратное в плане здание колоннадного типа с черепичной крышей, каменным фундаментом, двумя входами (северным и южным). Здание возведено на платформе, ориентировано стенами по сторонам света. Площадь кумирни 30 м² (6×5 м). Северная и восточная стороны кумирни огорожены стеной (валом). Западная и южная стороны имеют естественную защиту в виде крутых склонов сопки. Собранный материал представлен кровельной черепицей трёх типов: козырьковой, верхней, нижней голубовато-серого цвета, концевыми дисками, в том числе с изображением лотоса, лепной керамикой, в том числе мохэского типа; бохайской керамикой, доработанной на круге, когуреского происхождения; круговой керамикой танского стиля. Памятник отнесён к бохайской культуре и датирован VIII B. [13, c. 80, 91].

Абрикосовская кумирня (Синшаньсы) (Уссурийский район Приморского края). Расположена в 3—4 км от с. Кроуновка на левом берегу р. Кроуновка на пологом северном склоне сопки Абрикосовская. Впервые обследована Э.В. Шавкуновым в 1960 г. Материалы подробно опубликованы [13, с. 128]. По конструкции кумирня представляла собой квадратное в плане здание колоннадного типа с черепичной двухярусной крышей, северо-восточным центральным входом, площадью 49 м² (7×7 м). Здание углами ориентировано по сторонам света. Возведено

0.В. Дьякова

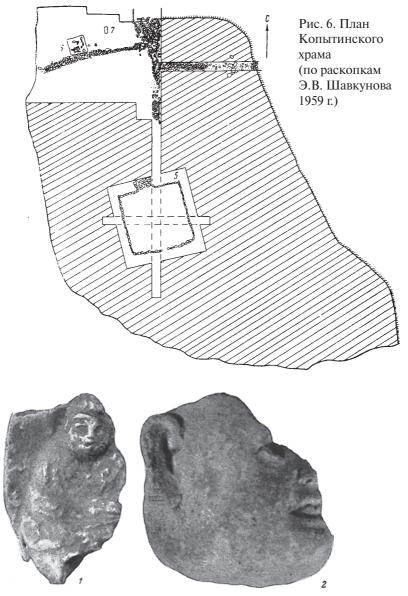

Рис. 7. Керамическая статуэтка бодисатвы (1) и фрагмент лица Будды Абрикосовского храма (по Э.В. Шавкунову)

на платформе размером 10×9,5 м из утрамбованного суглинка. По периметру укреплено тёсаными базальтовыми плитами. Кумирню сопровождал обнесённый каменной оградкой дворик площадью 0,12 га. Собранный материал представлен объёмными изображениями драконов — чивэнь, фрагментами керамических изображений Будды, кровельной черепицей, значительно отличающейся по технологии от копытинской, впервые встреченной в Приморье плоской черепицей, круговой керамикой танского стиля. Специально исследователем отмечено полное отсутствие мохэской керамики. Памятник отнесён к бохайской культуре и датирован IX в. [13, с. 91].

Борисовский храм (Уссурийский район Приморского края). Расположен в пойме р. Раздольная у с. Борисовка. В 1969 г. обнаружен А.К. Конопацким, в 1971 г. стационарно исследован В.Е. Медведевым [8]. Обнаружены скульптурки Будды. Памятник отнесён к бохайской культуре.

Краскинская кумирня (Кэлисыцзино) (Хасанский район Приморского края). Расположена в 2 км к юго-западу от пос. Краскино в северо-западной части Краскинского городища. Исследована в 1986 г. В.И. Болдиным [1, с. 189—190, 215—216; 2; 10].

Конструкция кумирни традиционная для буддийских сооружений. В плане кумирня представляла собой прямоугольное здание колоннадного типа с четырёхскатной крышей и югозападным входом, возведённое на искусственной супесчаной платформе, облицованной камнем. Площадь платформы 132 м. Кумирня базировалась на 30 колоннах, выстроенных в 5 рядов (6 колонн в каждом ряду). Колонны отстояли в 1 м друг от друга.

Напротив входа было выявлено возвышение площадью около 1,5 м², на котором найдена бронзовая статуэтка Будды. Возможно именно здесь находился алтарь. На памятнике обнаружено четыре вида черепицы: нижняя, верхняя, угловая, козырьковая. 16 гвоздей, статуэтка Будды из позолоченной бронзы, горельефное изображение сидящего Будды на фоне светло-жёлтого песчаника, 3 литых шестигранных пирамидальных колокольца, фрагменты культовой посуды. [4, с. 86—89).

Датировка — VIII—X вв. [13.,1968, с.94].

0.В. Дьякова

* * *

Таким образом, зафиксированные 12 объектов бохайской культуры отнесены к буддийским на основании нахождения в них предметов буддийского культа, в частности скульптурных изображений самого Будды. Кроме того, выявлены определённые архитектурные стандарты возведения буддийских храмов в Бохае. В своём большинстве они достаточно каноничные, что проявилось в планировке сооружений, ориентации по странам света, устройству культовых мест.

Археологические памятники Дальнего Востока свидетельствуют, что буддийское учение распространялось не только в государственных объединениях, но и среди тунгусо-маньчжурских племён. Вряд ли буддизм был в Бохае государственной религией. Безусловно, основное население Бохая в лице мохэсцев сохраняло верность своим исконным верованиям. Их потомки — тунгусо-маньчжуры Приамурья и Приморья — пройдя через период буддинизации и христианизации, так и остались приверженцами анимизма, аниматизма, фетишизации, тотемизма. Иногда это становилось удивительным сплавом буддизма, христианства, шаманизма, язычества и выливалось в ничем не искоренимое уникальное мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Болдин В.И. Раскопки буддийского храма на Краскинском городище // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 189—190, 215—216.
- 2. Болдин В.И. Результаты археологических исследований бохайских памятников Приморья в 1994—1998 гг. // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы Междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 72—75.
- 3. Воробьёв М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.

- 4. Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994. 56 с.
- 5. Дельнов А. Китайская империя от сына неба до Мао Цзедуна. М.: Алгоритм, 2013. 557 с.
- 6. Лю Сяодун. Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзяо (Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий). Харбин: Изд-во Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. 348 с.
- 7. Окладников А.П. Остатки Бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян // Советская археология. 1957. № 3. С. 198—214.
- 8. Окладников А.П. Две бронзовые статуэтки бохайского времени из Приморья // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Т. 3. Новосибирск, 1975.
- 9. Поносов В.В. Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцзин-Чена // Archaeologia Orientalis, ser. A, vol. V. Tokyo, 1939.
- 10. Раскопки бохайского буддийского комплекса Краскинского городища в Приморье / В.И. Болдин, Е.И. Гельман, А.Л. Ивлиев, Н.В. Лещенко, Ю.Г. Никитин, Н.Г. Артемьева // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994—1996 гг. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 149—152.
- 11. Раскопки местонахождения остатков бохайского строения Хунъюнь в уезде Ванцин пров.Цзилинь // Археология. 1999. № 6.
- 12. Хэ Мин: Остатки бохайского храма Гаочань в Хэлун Цзилиньской провинции // Артефакты севера. 1985. № 4.
- 13. Шавкунов Э. В.Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.:Наука, 1968. 128 с.
- 14. Шавкунов Э.В., Шавкунов В.Э. Новые результаты археологических исследований во дворе Абрикосовского храма и на Ауровском городище // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи. Гаогоули, бохай чжуаньхао [Собрание переводных работ с материалами по археологии Северо-Восточной Азии. Спец. выпуск по Когуре и Бохаю]. Харбин: Изд-во редакции журнала «Бэйфан вэньу», 2001. С. 252—254. Кит. яз.
- 15. Чжу Гочэнь, Цзинь Тайшунь, Ли Шоте. Древние городища Бохай. Харбин: Народное изд-во пров. Хэйлунцзян, 1996. 314 с. Кит. яз.
- 16. Чжу Жунсянь. Культура Бохая. Пхеньян: Корейское изд-во общественных наук, 1971. 327 с. Кор. яз.
- 17. Янь Ваньчжан. Исследование Бохайского «Памятника принцессе ЧжэньХуэй» // Издательство археология. 1956. № 2. С. 7—12.

УДК: 930.26(571.63)

В.Э. Шавкунов

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ДАТИРОВКИ СМОЛЬНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализ материалов смольнинских памятников показывает, что в процессе образования культуры участвовало население кроуновской, ольгинской и михайловской культур. Это дало основание отодвинуть время возникновения смольнинской культуры до VIII века н.э., а саму культуры отнести к палео-азиатскому этносу.

Ключевые слова: смольнинская, польцевско-ольгинская, кроуновская и михайловская культуры, датировка смольнинской культуры.

V.E. Shavkunov

Problems of the origin and Dating of Smolninskaya Culture

The analysis of the materials of Smolninskaya culture shows that in the process of forming of the culture took place the population of Krosuya, Olginskaya and Mikhailovskaya cultures. It gaves the base to postpone the time of the origin of Smolninskaya culture to the VIII c., and the very culture to drive to the paleoasian ethnic community.

Key words: Smolninskaya, Plotsevsko-Olginskaya, Krounosvskaya and Mikhailovskaya cuoltures, dating of Smolninskaya culture.

Одними из важнейших вопросов при изучении любой археологической культуры являются её датировка и происхождение. Для дальневосточной средневековой археологии культуры проще всего связывать с известными по китайским или корейским летописям народами или государственными образованиями и таким способом определять их датировку. Но в отношении смольнинской культуры это не срабатывает, так как смольнинцы территориально были отделены от Китая и Кореи бохайским государством. После введения в первой половине VIII в. вторым королём Бохая Да Уи собственного девиза

правления, что в то время являлось неслыханно дерзким актом, китайские власти стали проводить политику игнорирования Бохая, и сведения о нем и его восточных и северных соседях практически перестали появляться на листах династийных хроник. Поэтому какие-либо данные о смольнинцах, восточных соседях бохайцев, скорее всего, отсутствуют в летописных документах Китая, Кореи и Японии.

Другим возможным способом датировки является радиоуглеродный анализ. К сожалению, со смольнинских памятников есть всего одна С дата, калибровка которой указывает на 390—540 гг. н.э. [20, с. 53]. Она получена по углю Смольнинского городища и отнесена авторами статьи к «неясным». Но возможно, эта дата относится к нижнему, кроуновскому, слою, который залегает под основным (смольнинским) слоем на некоторой части памятника. По одной, к тому же «неясной», датировке трудно датировать всю культуру, поэтому приходится прибегать к другим методам.

Первоначально предложенная датировка Смольнинского городища (не позже середины IX — конца XI вв.) [30] основывалась на двух факторах. Поскольку на трёх городищах (Чугуевском, Николаевском Партизанского р-на и Стеклянухинском) над слоем с вафельной круговой керамикой идёт чжурчжэньский слой, смольнинцы жили в Приморье раньше чжурчжэней, которые, по всей видимости, и стали причиной прекращения существования самой смольнинской культуры. Первое проникновение чжурчжэней в Приморье (легендарное переселение Баохоли с семьёй из Кореи в Елань) с наибольшей долей вероятности могло произойти в самом конце Х в. [24, с. 62]. Первая волна переселенцев, возглавляемая Баохоли, вряд ли была очень многочисленной и не должна была повлиять на судьбы местного населения. Как бы то ни было, чжурчжэни смогли закрепиться на юго-востоке Приморья. В течение около полувека (2-3 поколения) о них ничего не было известно, но, несомненно, за это время они заметно умножились и окрепли. По крайней мере, во время правления ваньяньского вождя Угуная (начало около 1040 — и до 1074 гг.), чжурчжэньское население

140 В.Э. Шавкунов

Елани уже было достаточно многочисленным и сильным, чтобы установить регулярные контакты со своими сородичами на территории Маньчжурии [21, с. 194], а потом стать их верными союзниками [6, с. 42]. По всей видимости, ко второй половине XI в. чжурчжэни уже доминировали в Елани (юго-восток Приморья), а смольнинская культура уступила своё место новому населению. Этим определяется её верхняя временная граница. Другим фактором является следующее обстоятельство. Если картографировать на современной карте бохайские и смольнинские памятники, то получается, что эти памятники нигде не накладываются друг на друга и нигде не вклиниваются на территорию распространения одной или другой культуры. Между ними как бы имеется довольно чёткая граница (рис. 1), которая проходит по территории Шкотовского, Михайловского, Анучинского и Чугуевского районов Приморского края. Такое могло быть только при одновременном проживании обоих народов. А так как Бохай прекратил своё существование в 926 г., то к этому времени смольнинцы уже сложились как

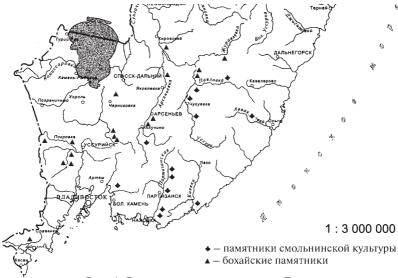

Рис. 1. Расположение памятников Бохая и смольнинской культуры в Приморье

определённая культурно-историческая общность. Кроме того, Смольнинское городище возникло не на пустом месте. Его валы были насыпаны на месте неукреплённого поселения смольнинцев из земли, содержащей керамику смольнинской культуры [31, с. 35]. А это обстоятельство позволило отодвинуть дату возникновения самой культуры ещё на какое-то, достаточно большое, время, по крайней мере, на середину IX в. При этом вполне допускалась более древняя нижняя граница образования смольнинской культуры [30, с. 66].

После опубликования первоначальной датировки вышло ещё несколько статей, затрагивающих вопросы временных рамок смольнинской культуры, причём верхняя граница практически не корректировалась. А так как новых дат по С не появилось, определить нижнюю границу культуры можно на основании выявления этнокультурных составляющих смольнинцев. Таким образом, время и истоки образования смольнинской культуры в Приморье оказались тесно связаны между собой.

Определение этой составляющей в настоящее время не представляется однозначным и является наиболее интересным и важным при изучении смольнинской культуры. Тем более что существуют различные варианты и предположения. Так, Е.И. Гельман на основании подъёмного материала с некоторых смольнинских памятников, который ограничивался лишь круговой «вафельной» керамикой, провозгласила её чжурчжэньской [7] и датировала XI—XII вв., не приведя при этом никаких аргументов в пользу своего мнения. Но как показывает анализ всего комплекса материала со смольнинских памятников, между ним и материалом с действительно чжурчжэньских памятников практически нет ничего общего.

И.С. Жущиховская, рассматривая лепную керамику Смольнинского городища, предположила наличие определённой связи между ней и керамикой ольгинской культуры, при этом выделяя две группы лепной продукции Смольнинского городища и соотнося одну из них с гончарной традицией кроуновской,

142 В.Э. Шавкунов

а другую — мохэской культур [15, с. 19, 27]. Позже на основании того, что «вафельная» керамика с округлым дном на Дальнем Востоке известна лишь в памятниках южной части Корейского полуострова, датируемых периодом Трёх Государств (от рубежа эр до середины VII в. н.э.), она предположила возможную диффузию населения Кореи в Приморье и влияние его на гончарные традиции смольнинцев. При этом перемещение какой-то части населения Корейского полуострова в Приморье, по мнению исследователя, могло произойти не позднее VII—VIII вв. н.э. [14, с. 82]. Это дало основание И.С. Жущиховской предложить «отодвинуть» нижнюю границу существования смольнинской культуры по крайней мере до VIII в.

Несколько иной точки зрения придерживается О.В. Дьякова. По её мнению, формы и отдельные элементы лепной керамики Смольнинского городища восходят к гончарству польцевской культуры, а само население должно иметь палеоазиатское происхождение [11, с. 122]. Тот же вывод следует из орнаментальных традиций лепной керамики смольнинцев [10, с. 58]. В то же время отмечается определённая близость их орнамента к орнаменту керамики мохэсцев найфельдской группы.

Помимо польцевцев-ольгинцев и мохэсцев на керамику смольнинской культуры некоторое влияние оказали и кроуновцы [27]. По крайней мере, чаши на полых поддонах, посуда с прямоугольными ручками-пеньками, большие сосуды с утолщёнными и снабжёнными уступами днищами и кое-какие другие элементы оформления посуды на Дальнем Востоке встречаются только у кроуновцев (в основном у тех, что проживали в юго-восточных районах Приморья) и смольнинцев.

Помимо керамики на связь с мохэсцами севера Приморья и Среднего Амура указывает вооружение. В частности, набор наконечников стрел и панцирные пластинки имеют наибольшее число аналогий именно в материале мохэсцев [26, с. 126]. А вот ножи смольнинцев, у которых лезвие отделено от черешка уступами только со стороны режущей части, в дальневосточном материале имеют аналогии лишь в польцевской культуре [8, с. 120] и у населения корейского государства

Пэкче [34, рис. 122, 124]. Что касается топографии памятников, то смольнинцы, как и кроуновцы, предпочитали селиться в долинах крупных рек, в то время как большинство памятников ольгинцев и мохэсцев расположено на заметных возвышенностях. Есть все основания предполагать схожесть хозяйственного уклада смольнинцев и кроуновцев и отличие его от хозяйственных предпочтений ольгинцев и мохэсцев.

Таким образом, если судить по лепной керамике и вооружению, на смольнинцев оказали влияние носители кроуновской, польцевско-ольгинской и мохэской (найфельдского варианта) культур. Круговой керамике с вафельной поверхностью ближе всего изделия Пэкче. В устройстве жилья смольнинцев прослеживается явное влияние кроуновцев, возможно через представителей ольгинской культуры и михайловцев. Получается довольно большой список претендентов на то, чтобы считаться предками населения смольнинской культуры. Вряд ли её образование произошло путём простого смешивания перечисленных культур в одно и то же время на территории юго-восточного Приморья. Здесь не всё так однозначно.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, надо тщательно рассмотреть те процессы, которые происходили на территории края в I тыс. н.э., тем более что это поможет более точно определить время образования самой смольнинской культуры.

На рубеже нашей эры почти всю южную половину Приморья заселяли кроуновцы. Общего мнения о датировке этой культуры нет, но в целом верхнюю её границу археологи не выводят за пределы III в. н.э. В настоящее время на территории Приморья выделяют три локально-хронологические группы кроуновских памятников [5, с. 178—179]. Условно их можно обозначить как западные, южные и юго-восточные. При этом если основываться на эволюции отопительной системы броуновских жилищ, то получается, что самые ранние кроуновские памятники появились на западе, а самые поздние — на юго-востоке Приморья. Прослеживаются изменения и в керамическом материале указанных групп [16]. При этом наиболее близки смольнинской керамике материалы самых поздних

144 В.Э. Шавкунов

(юго-восточных) кроуновских памятников. К тому же они располагаются на территории распространения смольнинцев.

В конце I тыс. до н.э. из Приамурья в Приморье начинают продвигаться польцевцы. Здесь они смешиваются с кроуновцами и перенимают от них некоторые формы сосудов и жилища с 4аннами. В результате образуется ольгинская культура, время существования которой, если судить по большинству радиоуглеродных датировок, ограничивается IV в. н.э. [20, с. 46—47]. Правда, отдельные даты указывают на более позднее время культуры, по крайней мере до конца V в. н.э. [1, с. 159], да и не все исследователи согласны с указанными хронологическими рамками. Так, Д.Л. Бродянский допускает существование польцевских памятников в Приморье и позже IV в. [3, с. 193], а Ж.В. Андреева вообще датирует культуру V—VIII вв. н.э. [1, с. 159]. Но как бы то ни было с датировкой ольгинцев-польцевцев, по традиционной хронологии Приморского края начиная с IV в. н.э. наступает время мохэсцев, наиболее поздние памятники которых в Приморье датируются X—XI вв. Таким образом, получается, что до времени образования смольнинской культуры в крае доживают лишь мохэсцы. Но, как указывалось выше, они не могли быть передаточным звеном многих форм и элементов посуды, а также жилищ с 5аннами от кроуновцев или ольгинцев смольнинцам. Здесь явно необходимо ввести значительную корректировку времени существования указанных культур.

Верхние датировки кроуновской и ольгинской культур основываются на данных по C_{14} . На самом деле их не так уж и много, а для юго-восточных памятников — ещё меньше. При этом даты с юго-востока Приморья немного выходят за рамки общепринятой хронологии в сторону омоложения [20, с. 46—47]. При увеличении числа дат с юго-востока следует ожидать более молодых дат по обеим культурам. Кроме того, имеются достаточно веские основания отождествлять кроуновцев с сушэнями. По крайней мере, жили они примерно на одной и той же территории и в одно и то же время. Сушэни на протяжении многих столетий периодически прибывали

с посольствами в Китай, о чем имеются соответствующие записи в династийных хрониках. Начиная с IV в. н.э. количество визитов сушэней в Китай заметно уменьшилось, что, по-видимому, было связано с проникновением на территорию Восточной Маньчжурии и в Приморье племён уцзи-мохэ и вытеснением ими оттуда сушэней, наиболее вероятно именно на юго-восток, к побережью Японского моря. Последний их визит в Поднебесную зафиксирован около 554 г. н.э., когда они вместе с когуресцами посетили столицу государства Северное Ци [5, с. 104]. Таким образом, записи в династийных хрониках древнего Китая дают основания утверждать, что сушэни-кроуновцы существовали где-то на востоке Приморья как минимум до середины VI в. н.э. На самом деле сомнительно, что их культура прекратила своё существование как раз в 554 г. Какое-то время они ещё должны были сохранять свою самостоятельность. Поэтому вполне резонно продлить время существования кроуновской культуры до конца VI в. н.э., а может быть, и до более позднего времени. В таком случае «неясная» радиоуглеродная дата со Смольнинского городища (390—540 гг. н.э.) вполне может относиться к кроуновскому слою, зафиксированному ниже смольнинского на некоторой части памятника [29].

Что же касается польцевцев, точное время их проникновения в Приморье не установлено. Большинство исследователей определяют его рубежом эр. В южной части Приморского края польцевцы вошли в соприкосновение с кроуновцами и переняли отдельные элементы их культуры, в первую очередь жилища с 5аннами. В результате появилась ольгинская культура. Однако польцевские памятники с 5аннами есть и на территории пров. Хэйлунцзян в КНР, в частности городище Фэнлинь, которое китайские археологи датируют периодом Вэй-Цзинь (220—420 гг. н.э.) [35]. А это уже выход в V в. н.э. Но в это время началось продвижение со среднего Амура на юг и юго-восток мохэских племён. Последние не могли не войти в контакт с польцевско-ольгинским населением. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что

146 В.Э. Шавкунов

распространённая в Приморье мохэская культура относится к найфельдскому варианту [12, с. 320]. В свою очередь найфельдская керамика содержит в себе черты мохэской и польцевской гончарных традиций [13, с. 121—123], а значит, часть польцевцев была ассимилирована переселившимися в Приморье мохэсцами. Другая же часть была постепенно выдавлена на побережье Японского моря. О темпах продвижения мохэсцев на восток можно судить по датировкам их памятников степной части Приморья. Так, приханкайские поселения датируются V—VI вв. н.э. [9, с. 19, 21], а памятники района Уссурийска — не ранее VII в. [19, с. 180]. И вряд ли есть другая причина столь неспешного продвижения мохэсцев, кроме того, что эти земли были заняты другим населением. В данном случае эти населением могли быть лишь ольгинцы, которые, как показывает стратиграфия на некоторых памятниках, в том числе и на сопке Булочка в Партизанском районе Приморского края [23], селились позже кроуновцев, при этом между представителями обеих культур был непосредственный контакт [4, с. 43]. Всё вышесказанное даёт основание предполагать присутствие ольгинцев на востоке Приморья по крайней мере ещё в VII в. н.э.

Теперь вернёмся к смольнинцам. Как уже отмечалось, между ними и бохайцами проходила довольно чёткая граница, и памятники одной культуры нигде не заходят на территорию распространения другой культуры. Иными словами, бохайцы, не смогли продвинуться в места проживания смольнинцев, хотя на протяжении всей своей истории неоднократно проводили военные походы с целью присоединения новых земель, главным образом занимаемых мохэским населением. Последняя крупная кампания была предпринята королём Да Жэньсю (время правления 818—830 гг.), который «на юге усмирил Силла, на севере ходил походами на племена, учредил области и города» [17, с. 461]. При этом ни слова не сказано о походах на восток, т.е. на восток от Бохая, а именно в восточные районы Приморского края. Видимо, походов не было по той простой причине, что эти земли были заняты не мохэсцами, а представителями другой культуры; в данном случае ими могли быть лишь смольнинцы. А это обстоятельство уже отодвигает нижнюю границу времени их существования как минимум на начало IX в. В своих же восточных границах Бохай утвердился намного раньше. По сообщениям летописей основатель бохайского королевства Да Цзожун в 698 г. переселился в верховья р. Муданцзян и «полностью овладел землями Фуюй, Воцзюй, Бяньхань, Чаосянь и всеми странами Морского Севера» [25, с. 47]. Неизвестно, правда, вошла ли западная часть Приморья в состав новообразованного государства, но выход на побережье Японского моря у устья р. Туманган бохайцы получили уже в самом начале VIII в. Преемник Да Цзожуна Да Уи (правил в 719—737 гг.) «значительно расширил земли и небо на северо-востоке» [25, с. 48]. После него, до походов Да Женьсю, ни о каких крупных экспансиях на северо-восточные племена в летописях сообщений нет, и, видимо, восточная граница Бохая в Приморье установилась не позже 30-х годов VIII в. А это даёт веские основания предполагать, что смольнинцы должны были обосноваться в центральных и юго-восточных районах Приморского края до этих событий, т.е. не позже начала VIII в. н.э.

Из сказанного выше следует, что кроуновцы существовали в Приморье по крайней мере до конца VI в., ольгинцы до VII в., а смольнинцы, гончарство которых восходит к этим двум культурам, появились не позже начала VIII в. С этой датировкой прекрасно соотносится версия И.С. Жущиховской о влиянии на гончарство смольнинцев переселенцев из государства Пэкче [14, с. 82]. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Во-первых, чтобы повлиять на традицию изготовления посуды, нужно вливание в конкретную культуру не отдельных людей или даже семей, а значительного пласта населения, в данном случае пэкчесцев. Но для массового переселения из обжитых мест в удалённые земли должна быть веская причина, а само переселение не могло остаться незамеченным. Ни того, ни другого в древних корейских летописях не отмечено. Во-вторых, глиняная посуда Пэкче заметно отличается от изделий смольнинцев. В-третьих, керамические изделия

148 В.Э. Шавкунов

со следами обработки колотушкой на Дальнем Востоке существовали не только в Пэкче, но и у мохэсцев троицкой группы [12, с. 79], в польцевско-ольгинской общности [18, с. 383] и, особенно, в михайловской культуре Западного Приамурья [22, табл. 100]. А поскольку движение с берегов Амура в Приморье зафиксировано как для польцевцев, так и для мохэсцев, более вероятно, что именно кто-то из них и привнёс традицию изготовления посуды с вафельной поверхностью в смольнинскую культуру.

Здесь уместно более подробно рассмотреть вариант с михайловской культурой. По мнению исследователей, она возникла от слияния польцевского населения с носителями талаканской культуры [2, с. 413]. Для глиняной посуды михайловцев помимо вафельной поверхности характерны также наличие под венчиком валика с насечками, горшковидная форма сосудов с плавными плечиками и вывернутым наружу горлом. Также на памятниках михайловской культуры нередки находки миниатюрных сосудиков, вылепленных из одного куска глины и копирующих большие изделия. Кроме того, именно у михайловцев появляется срубный тип жилища [22, с. 395], аналогичный жилым постройкам смольнинцев. Время существования культуры определяется III—VII вв. н.э. Именно в VII в. на территорию проживания михайловцев вторгаются пришлые племена [22, с. 402], а сами они были вынуждены мигрировать, по всей видимости, по следам родственных им польцевцев, что и привело их на юг Приморского края.

Таким образом, процесс происхождения смольнинской культуры можно представить следующим образом. В первых веках н.э. в Приморье на земли распространения кроуновской культуры вторгаются польцевские племена. Часть кроуновцев смешиваются с польцевцами, в результате чего образуется ольгинская культура. Другая часть кроуновцев вынуждены переселиться в юго-восточные районы Приморского края, где их потомки доживают до VII в. н.э. В конце VII в. в эти районы мигрируют михайловцы и смешиваются с ольгинцами и остатками кроуновцев, в результате чего и возникает смольнинская

культура. Всё сказанное выше даёт довольно веские основания отодвинуть нижнюю дату её существования вплоть до рубежа VII и VIII вв. н.э.

Такими видятся основные составляющие смольнинской культуры. Однако не исключено и вливание в их состав некоторой части найфельдских мохэсцев. Об этом говорят три обстоятельства. Первое состоит в том, что на городище Шайга-Редут раскопано одно мохэское жилище, которое функционировало во время проживания на памятнике смольнинцев [25]. Это является свидетельством непосредственных контактов между мохэсцами и смольнинцами. Второе обстоятельство — наибольшая близость смольнинского набора вооружений мохэскому, что неудивительно, так как мохэсцы в средние века на Дальнем Востоке славились своей воинственностью. Третьим обстоятельством является случайная находка на Николаевском городище бронзовой верительной рыбки-бирки с иероглифической надписью, сообщающей, что эта бирка была выдана некоему Нелицзи, имевшему звание «цзо сяовэй цзянцзюнь» — командующего левой доблестной охраной. Исследуя эту рыбку, Э.В. Шавкунов справедливо пришёл к выводу, что она не могла быть чжурчжэньской [32], т.е. относиться к верхнему (чжурчжэньскому) слою Николаевского городища. На основании того, что иероглиф «цзи» в дальневосточных антропонимах встречается только в мохэских и бохайских именах, Э.В. Шавкунов посчитал, что рыбка была выдана в танское время бохайскому военачальнику. Китайский историк Яо Юйчэн, обстоятельно исследовавший эту находку, отмечает, что звание «командующего левой доблестной охраной» было введено в танском Китае и присваивалось с начала VIII до середины X в. Сама же верительная бирка, найденная на Николаевском городище, была выдана в Китае одному из представителей племени хэйшуй мохэ [36, с. 50]. Мнение китайского историка представляется более соответствующим истине, так как, во-первых, на Николаевском городище нет бохайского слоя, а во-вторых, имеющийся на бирке антропоним Нелицзи не мог принадлежать представителю 150 B.Э. Шавкунов

элиты бохайского общества [26, с. 28]. А так как присвоенные инородцам различные звания и выдаваемая в подтверждение этому атрибутика (печати, бирки) не передавались по наследству, данная рыбка могла быть утеряна на городище не позже X в., т.е. в смольнинское время, что ещё раз подтверждает прямые контакты между смольнинцами и мохэсцами. Однако массового вливания мохэсцев в смольнинское общество и, следовательно, большого влияния на формирование их культуры, по всей видимости, не было.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н.э. VIII в. н.э.). М.: Наука, 1977. 240 с.
- 2. Болотин Д.П. Михайловская культура и её происхождение // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 409—418.
- 3. Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. 276 с.
- 4. Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Приморье у рубежа эр. Владивосток: ДВГУ, 1984. 76 с.
- 5. Воробьёв М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
- 6. Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. 1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
- 7. Гельман Е.И. Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и ATP. 2006. № 1. С. 93—104.
- 8. Деревянко А.П. Приамурье (І тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 383 с.
- 9. Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. 318 с.
- 10. Дьякова О.В., Шавкунов В.Э. Орнаментальные традиции городища Шайга Редут (по материалам лепной и доработанной на круге керамики) // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 50—59.
- 11. Дьякова О.В., Шавкунов В.Э. Памятники смольнинского типа: культурная и этническая интерпретация // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010. С.119—122.

- 12. Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993. 408 с.
- 13. Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV—X вв. М.: Наука, 1984. 207 с.
- 14. Жущиховская И.С. К проблеме происхождения памятников смольнинской культуры в Приморье // Вестн. ДВО РАН. 2009. № 5. С. 75—83.
- 15. Жущиховская И.С. Лепная керамика Смольнинского городища (к вопросу о культурной интерпретации памятника) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.): в 2 т. Т. 1. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 18—28.
- 16. Жущиховская И.С. О локально-хронологических вариантах памятников кроуновской культуры (по данным анализа керамики) // Археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1984. С. 72—77.
- 17. Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449—475.
- 18. Коломиец С.А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 381—393.
- Кривуля Ю.В. Археологические исследования на раннесредневековом поселении Раковка-10 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 174—180.
- 20. Кузьмин Я.В., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приморья // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 44—55.
- 21. Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
- 22. Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П. Михайловская культура в Западном Приамурье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 394—408.
- 23. Окладников А.П., Глинский С.В., Медведев В.Е. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находки в Сучанской долине // Изв. АН СССР. 1972. № 6. С. 66—72 (Сер. обществ. наук; вып. 2).
- 24. Шавкунов В.Э. Елань эпохи чжурчжэней // Вестн. ДВО РАН. 2007. № 5. С. 57—64.

152 B.Э. Шавкунов

25. Шавкунов В.Э. К вопросу о взаимоотношениях носителей мохэской и смольнинской археологических культур // Азиатско-тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2013. Вып. 2. С. 150—161.

- 26. Шавкунов В.Э. К вопросу о восточной границе государства Бохай // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 27—32.
- 27. Шавкунов В.Э. Кроуновские элементы в керамике Смольнинской культуры // Седьмые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина «Дальний Восток России: мультикультурное пространство в XIX—XXI вв.». Хабаровск: Краевой музей имени Н.И. Гродекова, 2012. Т. III. С. 15—22.
- 28. Шавкунов В.Э. Культурные традиции Смольнинского городища (по материалам вооружения) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня: Первые Шавкуновские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2008. С.118—127.
- 29. Шавкунов В.Э., Сидоренко Е.В. Нижний слой Смольнинского городища // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 696—699.
- 30. Шавкунов В.Э. О датировке Смольнинского городища // Россия и ATP. 2007. № 1. С. 62—66.
- 31. Шавкунов В.Э. Обследование Смольнинского городища // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 30—37.
- 32. Шавкунов Э.В. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // СА. 1989. № 1. С. 267—270.
- 33. Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 128 с.
- 34. Жизнь Пэкче и племён махан. Национальный музей г. Кунчжу и государственный институт культурного наследия. Сеул, 2010. (На кор. яз.).
- 35. Чжао Юнцзюнь, Тянь Хэ, Хуан Синшэнь. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо (Институт археологии провинции Хэйлунцзян). Хэйлунцзян юисянь фэнлиньчэнчжи эрхао фанчжи фацзюэ баогао (Отчёт о раскопках жилища № 2 городища Фэнлинь в уезде Юи провинции Хэйлунцзян) // Каогу. 2000. № 11. С. 35—41. (На кит. яз.).
- 36. Яо Юйчэн. Элосы нигулаефусыкэ ичжи чуту юйсин цинтун синьфу каоши (Исследование бронзовой верительной бирки в форме рыбки, найденной на Николаевском городище в России) // Бэйфан вэньу. 1993. № 3. С. 48—50. (На кит. яз.).

УДК: 930.26(571.63)

В.Э. Шавкунов, Ю.Г. Никитин

КОЛЛЕКЦИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ С БЕРЕГОВ МАЛОЙ УССУРКИ

Рассматриваются наконечники стрел с двух памятников. Даётся их типология, выявляются аналогии. Делается попытка на основе наконечников адатировать памятники.

Ключевые слова: наконечники стрел, Бохай, покровская культура, мохэ севера Приморья.

V.E. Shavkunov, Yu.G. Nikitin

The collection of Arrow-Heads from the banks of Malaya Ussurka

There considered arrow-heads from two monuments. There is given their typology and revealed analogies. There is made an attempt on the base of arrow-heads to adapt the monuments.

Key words: arrow-heads, Pohai, Pokrovskaia culture, Mokhe of the north of Primorye.

В 2013 г. в музей Института истории (ИИАЭ РАН) была передана небольшая коллекция наконечников стрел, собранная на севере Приморского края на поселениях Таборово 5 и Вербное (левый берег р. Малая Уссурка). Все наконечники железные, черешковые. По форме пера они разделяются на типы, внутри которых, в зависимости от наличия отдельных элементов или сечения пера, могут выделяться варианты.

Таборово 5. С этого памятника поступило 7 наконечников стрел, которые подразделяются на 3 типа.

Тип 1. Параболовидный (3 экз.). Выделяются два варианта. Вариант А. С ромбическим в сечении пером (рис. 1—3). Длина пера у наконечников 35 и 42 мм при ширине 14 и 18 мм соответственно. Имеют прямоугольные в сечении шейки, отделённые от черешка круговым упором. Черешок маленький. Такие же найдены на памятниках покровской культуры [3, рис. 4, 79] и у бохайцев Приморья [1, табл. 1, 215; 5, с. 220].

Вариант Б. С пером ромбического сечения в верхней части и ступенчатым сечением в нижней (рис. 1, 1). Длина пера наконечника 44 мм, максимальная ширина 20 мм, длина шейки 15 мм. Этот экземпляр имеет небольшую прямоугольную в сечении шейку и хорошо выраженный круговой упор. Черешок маленький. Такие же наконечники встречаются на памятниках покровской культуры [3, рис. 4, 109] и у бохайцев Приморья [5, с. 220]. Один экземпляр найден при раскопках Рощинского могильника [7, рис. 1, 3] на севере Приморского края.

- **Тип 2.** Долотовидный (2 экз.). Перо одного наконечника обломано (рис. 1, 4). Длина другого составляет 79 мм, ширина пера 11 мм (рис. 1, 5). Этот экземпляр имеет маленький черешок и круговой упор, в то время как у обломанного наконечника упор выделен лишь с боковых сторон, а черешок достаточно большой. Наконечники этого типа имеют самое широкое распространение в Евразии от Восточной Европы до Тихого океана.
- **Тип 3.** Секторовидный срезень (2 экз.). У обоих наконечников этого типа верхняя часть пера обломана, но общую их форму, по аналогии с материалом других памятников, установить можно. Выделяются два варианта.

Вариант А. Наконечник имеет прямоугольное сечение пера в верхней части и ступенчатое сечение в нижней (рис. 1, 6). У него нет шейки и перо отделено от черешка небольшими покатыми плечиками. Черешок, по всей видимости, довольно большой. Такие же наконечники использовались носителями покровской культуры [3, рис. 4, 30].

Вариант Б. Перо этого экземпляра (рис. 1, 7), имеющего прямоугольное сечение, отделено небольшими покатыми плечиками от шейки, которая также прямоугольная в сечении. Упор, отделяющий шейку от черешка, выделен лишь с боковых сторон. Черешок маленький.

Вербное 8. С этого памятника поступило 20 наконечников, которые можно разделить на 6 типов.

Тип 1. Параболовидный. К этому типу относятся 6 наконечников, которые подразделяются на 4 варианта.

Вариант А (2 экз.). С ромбическим в сечении пером (рис. 1, 9, 10). Имеют довольно широкое перо, покатые плечики и большую, прямоугольную в сечении шейку, которая отделена от черешков упорами, выделенными лишь с боковых сторон. Общая длина их варьирует от 81 до 95 мм, длина пера от 35 до 40 мм при ширине пера 22 мм. Черешки среднего размера. Один экземпляр этого варианта найден на поселении Синие Скалы [4, рис. 1, 9]. Похожие наконечники, но с линзовидным сечением пера найдены в Приморье на мохэском могильнике Монастырка-III [8, рис. 3, 3, 4] и на бохайских памятниках [5, с. 219].

Вариант Б. Имеет ромбическое сечение пера в верхней части и ступенчатое в нижней (рис. 1, 11), а также покатые плечики и прямоугольную в сечении шейку, отделённую от черешка упором лишь с боковых сторон. Длина наконечника 51 мм, длина пера 17 мм, ширина 12 мм. Черешок среднего размера. Наконечники этого варианта встречаются также на памятниках покровской культуры в Приамурье [3, рис. 4, 79].

Вариант В. Имеет линзовидное сечение пера, покатые плечики и небольшую, прямоугольную в сечении шейку (рис. 1, 12), которая отделена от черешка упором, выделенным лишь с боковых сторон. Длина его 55 мм, длина пера 27 мм, ширина 15 мм. Черешок среднего размера. Наконечники такого варианта бытовали у бохайцев [1, табл. 1, 11] и у чжурчжэней Приморья [9, рис. 12, 2]. Найдены также на могильнике Монастырка-ІІІ [8, рис. 3, 13] и на Рощинском могильнике [7, рис. 1, 11]. Похожий, но с ромбовидным сечением пера найден на поселении Синие Скалы [4, рис. 1, 11].

Вариант Γ (2 экз.). Миниатюрные (рис. 1, 13, 14). Имеют линзовидное в сечении перо, покатые плечики и слабо выраженную шейку, отделённую от черешка лишь с боков. Черешок одного экземпляра обломан, но, по всей видимости, он, так же как и у целого наконечника, был маленьких размеров. Длина целого наконечника 45 мм, длина пера у них колеблется

от 28 до 30 мм, ширина — от 13 до 21 мм. Вес этих наконечников очень мал (3,2 г у целого экземпляра и 4,3 г у обломанного), и по этому показателю они подходят под категорию «детских» наконечников, несколько экземпляров которых были найдены на чжурчжэньских памятниках Приморья. Такие облегчённые наконечники были малоэффективны на охоте и тем более в бою. Скорее всего, по аналогии с чжурчжэньским материалом, они предназначались для тренировки будущих воинов и охотников навыкам стрельбы из лука [9, с. 16, 17, 28].

Тип 2. Двурогий миниатюрный (1 экз.). Этот наконечник имеет плоское в сечении перо, маленькие прямые плечики и такой же (прямой) упор, выделенный лишь с боковых сторон (рис. 1, 15). Длина его равна 47 мм, длина пера 24 мм, ширина 25 мм. Вес его равен 4,1 г. Наконечник этого типа также относится к категории «детских». Очень похожие по размерам, форме и весу наконечники, но с воротничковым упором найдены на чжурчжэньском Шайгинском городище [9, рис. 12, 7, 9, а также в Приамурье на памятниках покровской культуры [3, рис. 4, 46; 6, табл. ХСУ, 17]. В целом же двурогие срезни различных вариантов были распространены очень широко. Они известны практически во всех средневековых культурах степной и лесной частей Евразии. Большинство оружиеведов склонны считать, что они относятся к охотничьим и предназначались для охоты на водоплавающих или перелётных птиц, а также на мелких пушных зверьков.

Тип 3. Прямой срезень (1 экз.). Этот наконечник имеет широкое, почти прямое остриё, прямоугольное в сечении перо в верхней части, а в нижней части у него имеется своеобразный «защип», из-за чего сечение пера в этом месте приобретает вид параллелограмма (рис. 1, 8). Благодаря такому «защипу» перо отделено от шейки покатыми плечиками. Этот экземпляр имеет хорошо выделенный круговой упор и средних размеров черешок. Общая его длина составляет 77 мм, длина пера 50 мм, ширина пера 18 мм. Аналогичный экземпляр встречен при раскопках бохайского Краскинского городища в Приморье [1, табл. 1, 27]. Похожий наконечник найден

в Приамурье на Корсаковском могильнике [6, табл. XCI, 14], а на бохайском Николаевском II городище у подобного наконечника имеется по одному маленькому отверстию на «защипах» [5, с. 219]. Так как стрелы с широкими наконечниками часто применялись при стрельбе в крупных животных, то этот экземпляр тоже можно отнести к охотничьим.

Тип 4. Пиковидный с жальцами (2 экз.). Наконечники имеют сильно вытянутые, расширяющиеся книзу перья, заканчивающиеся двумя жальцами, расположенными по бокам. Перо имеет в сечении вид параллелограмма с наклоном влево (рис. 2, 1) и вправо (рис. 2, 2). Прямоугольная в сечении шейка заканчивается простым упором, выделенным лишь с боковых сторон. У первого экземпляра черешок длинный. Общая длина его составляет 128 мм, длина пера 60 мм, его ширина 15 мм. У второго экземпляра черешок короткий. Общая его длина достигает 130 мм, длина пера 85 мм, ширина 14 мм. Один наконечник этого типа найден на бохайском Константиновском-1 селище [2, рис. 3, 5]. Похожие, но с ромбическим сечением пера, были распространены в IX—XIII вв. на Амуре в памятниках покровской культуры [3, рис. 4, 89, 90].

Тип 5. Удлинённо-треугольный (7 экз.). Выделяются два варианта.

Вариант А (6 экз.). Имеют перо с сечением в виде параллелограмма, направленного вправо (рис. 2, 3, 4, 6, 8) или влево (рис. 2, 5, 7), сужающееся остриё, а также массивную, прямоугольную в сечении шейку. Черешок у всех наконечников этого варианта имеет средние размеры и отделён от шейки упором лишь с боковых сторон. Остриё одного экземпляра обломано. Длина остальных колеблется от 90 до 104 мм, длина пера от 32 до 45 мм, ширина от 10 до 12 мм. Очень похожие наконечники, отличающиеся от описываемых лишь более или менее прямой пробивающей частью, найдены при раскопках бохайского слоя Новогордеевского городища [5, с. 220] и на селище Константиновское-1 [2, рис. 3, 6]. Подобные экземпляры, но со ступенчатым сечением боевой головки, встречаются на памятниках покровской культуры [3, рис. 4, 96].

Вариант Б (1 экз.). В отличие от наконечников варианта А, имеет более широкое перо, к тому же линзовидного сечения (рис. 2, 9). Шейка прямоугольная в сечении, отделена от черешка упором лишь с боков. Черешок среднего размера. Остриё пера обломано, максимальная ширина пера достигает 14 мм. Такие же наконечники найдены на Амуре в Корсаковском могильнике [6, табл. LIX, 4].

Тип 6. Долотовидный (3 экз.). Эти наконечники имеют довольно узкое пробивающее лезвие на боевой головке прямоугольного сечения, хорошо выделенный круговой упор и длинный черешок (рис. 2, 10—12). У самого большого экземпляра черешок обломан, а перо достигает размеров 82 мм при ширине 10 мм. У других экземпляров перо короче (48—60 мм) при ширине 7—8 мм. Этот тип наконечников широко распространён по югу Дальнего Востока России и сопредельным территориям, но в большинстве культур конца I—начала II тыс. н.э. у долотовидных наконечников упор выделен не очень чётко. По качеству оформления упора описываемые наконечники находятся ближе всего к чжурчжэньским аналогам Приморья конца XII—начала XIII вв. [9, рис. 4] и к материалу покровской культуры [3, рис. 4, 84, 85].

Таким образом, всего с обоих памятников поступило 27 наконечников стрел, которые относятся к семи различным типам. В целом на основании такой небольшой коллекции какие-либо уверенные выводы по времени существования поселений и отношению их к конкретным культурам сделать сложно. Тем не менее, определённые предположения по отмеченным вопросам высказать следует.

Несмотря на то что на обоих памятниках имеются наконечники одних и тех же типов (параболовидные и долотовидные), сами наконечники с разных поселений заметно различаются. Параболовидные из Таборово 5 (рис. 1, 1-3) выглядят более архаично, чем некоторые экземпляры из Вербного 8 (рис. 1, 9, 10). То же можно сказать и о долотовидных наконечниках. Экземпляры из Вербного 8 (рис. 2, 11, 12) выглядят гораздо более изящными, и по качеству изготовления

они очень близки чжурчжэньским, датируемым XII—XIII вв. В более раннее время такого качества наконечники в Приморье не известны. Поэтому есть основания предполагать, что коллекция из Таборово 5 более ранняя, чем из Вербного 8. В то же время 8 из 20 наконечников Вербного 8 (40% общего числа) имеют довольно редкое для дальневосточного средневекового материала сечение пера в виде параллелограмма (рис. 2, 1-9). Достаточно сказать, что наконечники с таким сечением в Приморье до этого были известны лишь у бохайцев (всего 7 экземпляров), да и те найдены всего на двух памятниках (Новогордеевское городище и селище Константиновское-1). Здесь более вероятен импорт таких наконечников с севера Приморья в королевство Бохай, чем наоборот. Кроме того, наконечники с жальцами (рис. 2, 1, 2), причём различных типов, гораздо более распространены на берегах Амура, чем в Приморье. Ну и наконец, следует обратить внимание на то, что у большинства описываемых экземпляров нет чётко оформленных круговых упоров, которые имеются практически у всех наконечников наиболее развитых средневековых культур юга Дальнего Востока России — покровской на Амуре и чжурчжэньской в Приморье.

Суммируя всё сказанное в предыдущем абзаце, можно сделать такие предположения о времени существования поселений Таборово 5 и Вербное 8. Наконечники из Таборово 5 имеют наибольшее тяготение к материалу покровской культуры Приамурья (IX—XIII вв.) и, в меньшей степени, к бохайской (VIII—X вв.). Скорее всего, материал с памятника относится к X в. Некоторые наконечники из Вербного 8 (тип 1) больше тяготеют к мохэскому материалу севера Приморья IX—X вв. и одновременно к бохайскому. Типы 3—5 больше всего похожи на приамурские и бохайские наконечники. Тип 6 по качеству изготовления аналогичен чжурчжэньским стрелам XII—XIII вв. Если здесь мы не сталкиваемся с какой-то более поздней культурой, то наконечники стрел с поселения Вербное 8 происходят, скорее всего, из разных по времени слоёв.

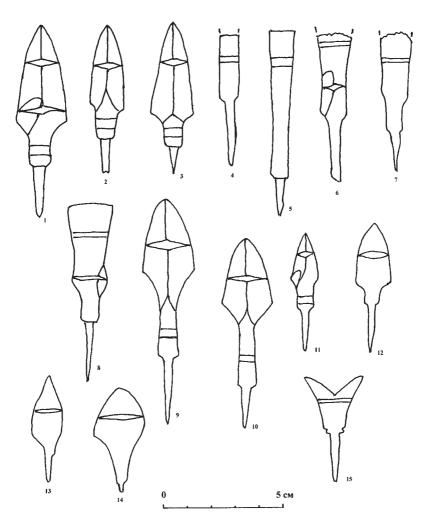

Рис. 1. Железные наконечники стрел. 1-7- Таборово 5; 8-15- Вербное 8-

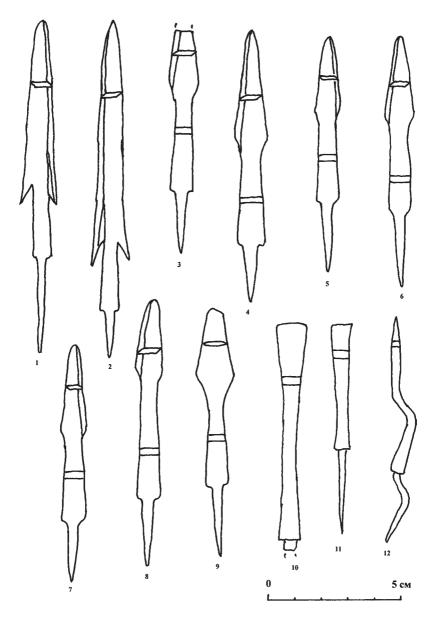

Рис. 2. Железные наконечники стрел. Вербное 8

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Болдин В.И., Шавкунов В.Э. Наконечники стрел Краскинского городища // Россия и АТР. Владивосток, 2000. № 2. С. 22—27.
- 2. Болдин В.И., Шавкунов В.Э. Предметы вооружения с селища Константиновское-I // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1997. № 1. С. 71—81.
- 3. Васильев Ю.М. Лук, детали колчанов и наконечники стрел покровской культуры (IX—XIII вв.) // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. С. 70—87.
- 4. Вострецов Ю.Е. Типология железных предметов вооружения поселения Синие Скалы // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ, 1981. С. 26—34.
- 5. Леньков В.Д., Шавкунов В.Э. Железные наконечники стрел бохайцев Приморья // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 214—226.
- 6. Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука, 1982. 216 с.
- 7. Никитин Ю.Г., Шавкунов В.Э. Предметы вооружения Рощинского могильника // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 130—136.
- 8. Семин П.Л., Шавкунов В.Э. Металлические изделия могильника Монастырка-III // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990. С. 103—115.
- 9. Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII—XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993, 185 с.

УДК: 930.26(571.63)

О.В. Дьякова

ИННОВАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ ПРИМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАН № 41 НЕКРОПОЛЯ МОНАСТЫРКА-3)*

Анализируется погребальный обряд средневековых тунгусо-маньчжуров на примере некрополя Монастырка-3 (Приморье), выявляется время и происхождение курганных комплексов и каменных кругов.

Ключевые слова: курганы, каменные насыпи, круги, средневековье, мохэ, бохай, чжурчжэни, Приморье.

O.V. Diakova

Innovations in the funeral traditions of medieval Tungus-Manchu Primorye (on the materials of burial-mound No. 41 of the Necropolis Monastyrka-3)

The article analyzes the burial Medieval Tungus-Manchu on the example of the necropolis Monastirka-3 (Primorye) and reveals the time and origin of the mound complexes and stone circles.

Key words: stone mounds, circles, the middle ages, Mokhe, Bohai, Jurchen, Primorye.

Погребальный обряд средневековых тунгусо-маньчжуров (мохэсцев, бохайцев, чжурчжэней), обитавших на территории российского Дальнего Востока, изучен неравномерно. В Приамурье он исследован достаточно подробно. Установлено, что для мохэской культуры — праматери всех средневековых тунгусо-маньчжурских культур — традиционны некрополи двух типов: *грунтовые* и *курганные* с явным преобладанием первых, отличающихся к тому же устоявшимися

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 12-01-00113).

164
О.В. Дьякова

традициями [1, Дьякова, 1984 нет в списке]. Грунтовые могильники обычно располагались на песчаных речных рёлках или на мысовых выступах. Для них характерны могильные ямы прямоугольной, трапециевидной, овальной формы, стенки которых часто укреплялись плахами, горбылём. Известны четыре способа захоронений — ингумации, кремации, вторичные, кенотафы. Отмечено разложение костров на могиле, почитание лошади в качестве жертвенного животного. Погребальным инвентарём служили лепные «типично мохэские» сосуды, наполненные кашей из проса, располагавшиеся обычно в районе головы, преднамеренная порча («умерщвление») погребальных вещей (пробитые днища сосудов, согнутые ножи, копья), остатки тризн в могильных насыпях. Как правило, мохэские грунтовые некрополи являлись родовыми клалбишами.

Курганы в мохэской культуре обычно возводили на одном кладбище с грунтовыми погребениями. Причины и время появление таких курганов до сих пор не выяснены. Преемнице мохэской культуры — культуре амурских чжурчжэней с курганными некрополями — повезло больше. Благодаря работам В.Е. Медведева материалы этих двух типов могильников обстоятельно изучены и подробно опубликованы [7].

Противоположная ситуация с изучением курганных некрополей сложилась в Приморье. Интересы исследователей-медиевистов этого региона длительное время были сосредоточены на изучении памятников городского типа, принадлежавшим государствам Бохай (698—926), Восточная Ся (1217—1234) и империи Цзинь (1115—1234). Открытые в 1956 г. Дальневосточной археологической экспедицией А.П. Окладникова бохайские курганы в бассейне р. Кроуновка (Абрикосовские, Копыто, Сопка Мечта, Сопка Амфитеатр), стационарно исследованные Э.В. Шавкуновым, оказались значительно разграбленными и дальнейшего интереса не вызвали [Шавкунов Э.В., 1968 нет в списке]. Хотя анализ, сделанный Э.В. Шавкуновым, оказался верен и поныне имеет не только историографическое значение. Этим же

исследователем делались попытки раскопок каменных курганов, встречавшихся на некоторых горных чжурчжэньских городищах (например, Екатерининском). Насыпь курганов разбирали, но после определения их как поздних корейских захоронений работы прекращали, а информацию о проведённых работах в отчёты не заносили. Аналогичные действия по отношению к курганам в 70—80-е годы XX в. осуществляли и другие исследователи. Такая участь постигла некоторые курганы Лазовского и Ольгинского районов, расположенные вблизи поселений и городищ. Сняв насыпь, но не обнаружив под ней погребения и интересных находок, исследователи информацию в отчётах не фиксировали.

Ситуация изменилась во второй половине 80-х годов ХХ в., когда Сихотэ-Алинской археологической экспедицией ДВГУ, руководимой В.И. Дьяковым, во время стационарных исследований в Дальнегорском районе многослойного поселения Рудная Пристань в 300 м от раскопа был обнаружен некрополь мохэской культуры, получивший название Монастырка-3 (Дьяков, 1986, отчёт № 896). Некрополь располагался на левом берегу р. Монастырка на 14—18-метровой террасе к западу от пос. Рудная Пристань. Впоследствии, в 1990—1996 гг., могильник стационарно исследовался автором данной статьи (Дьякова, отчёты № 20065, 19113, 18592, 18183, 17039). В типовом отношении могильник оказался смешанным, т.е. на нём присутствовали как грунтовые, так и курганные захоронения. На вскрытой площади 2180 м² обнаружены 4 кургана, 88 грунтовых погребений, 3 погребения на горизонте, 10 подхоронений в насыпь. Могильные ямы составляли ряды, тянувшиеся с северо-востока на юго-запад. Могилы ориентированы запад-восток. Встречены могилы трёх форм: подпрямоугольной (прямоугольной), трапециевидной, круглой. Умерших хоронили способом кремации: 1) в могильной яме; 2) на стороне с последующим захоронением в могильной яме; 3) на месте с последующим возведением насыпи (рис. 1).

Для *кремаций в могильной яме* (погребения № 27, 22, 29—31, 34) характерны: а) могильная яма размерами в полный рост

166
О.В. Дьякова

человека, глубиной до 50—80 см от древней поверхности прямоугольной или трапециевидной в плане формы; б) сгоревшая внутримогильная конструкция в виде ящика с плоской крышкой из горбыля, снаружи обмазанного по щелям глиной; в) остатки костяка, часть которого сохраняет анатомический порядок; г) наличие в могиле кострища; д) определённое расположение погребального инвентаря: сосудов на крышке гроба в районе головы (в западной части могилы), пояса тюркского или амурского типов в районе таза, обувных украшений в восточной части могилы. Все вещи имеют следы огня. В качестве топлива использовался торф из близлежащего тетюхинского торфяника.

Для *кремаций на стороне* с последующим захоронением в могильной яме или на горизонте (погребения № 23, 25)

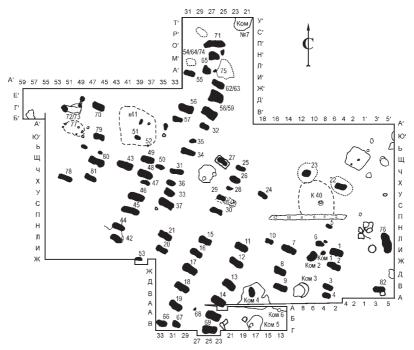

Рис. 1. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. План погребений и курганов

характерны: а) могильные ямы небольшого размера, более мелкие, чем при кремации в могиле; б) менее чёткая форма могильных ям из-за постепенного истлевания деревянных конструкций и завала могильных стенок внутрь; в) скопление жжёных костей в одном месте без анатомического порядка; г) отсутствие следов внутримогильных конструкций; д) расположение погребального инвентаря произвольное.

Для кремаций на месте характерно большое неправильной формы глиняное прокалённое пятно (с остатками торфа) с многочисленными вкраплениями мелких жжёных костей и погребального инвентаря со следами сильного огня — курган № 40

Кенотафы (2 погребения). Они небольшого размера до 70 см в длину, неглубокие, подпрямоугольной формы, с несколькими фрагментами керамики в заполнении, без следов внутримогильного устройства и костей. Входили в единый ряд с другими могилами.

Но нас в данном случае интересует курган № 41 и «каменный круг» возле него, являющийся явной инновацией в погребальном обряде средневековых тунгусо-маньчжуров, впервые зафиксированной в данном некрополе.

Курган № 41 (рис. 2)

Располагался в северной части раскопа в кв. Ь-А/36—42. В плане насыпь имела подпрямоугольную форму. С запада на восток её длина достигала $5.2 \,\mathrm{m}$, с юга на север — $6.2 \,\mathrm{m}$. Почвенно-растительный горизонт насыпи был тонким, сквозь него пробивались отдельные гальки. Верхняя часть насыпи состояла из галечно-гравийных конкреций размерами 0,02-0,05-0,10 м. Низ галек и гравия сразу под дёрном утопал в слое чёрной (похожей на угольную пыль) супеси. Это торф, который использовали в качестве топлива при кремациях. Его добывали на тетюхинском торфянике, расположенном у подножия мыса в непосредственной близости от некрополя.

168 О.В. Дьякова

При сжигании, особенно вместе с покойным, торф давал ярко-чёрный цвет с жирным лоском. Мощность галечно-гравийного слоя со жжёным торфом на разных участках была различной — от 0,08 до 0,22 м (рис. 3, 4). Именно с этим слоем связано большинство находок в насыпи. В кв. b-Ъ/41—42

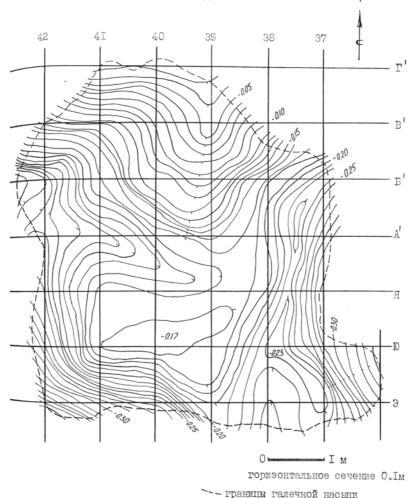

Рис. 2. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. Нивелировочный план кургана № 41

в галечнике над могилой встречены три фрагмента керамики светло-серого цвета без орнамента, фрагмент боковой стенки сосуда коричневого цвета толщиной $0.8\ \mathrm{cm}$.

В кв. 9/40 в 9/2 м от бровки к югу отмечались сильно пережжённые человеческие кости длиной 1,5-2,5-0,5 см, которые залегали в виде мелких линз под гальками. Здесь же находились фрагменты лепной керамики мохэского типа (категория 1, тип 1). Вероятно, это подхоронение в насыпь.

В кв. Ю/42 на западной оконечности насыпи обнаружен раздавленный лепной мохэский сосуд. Изделие имело горшковидную форму, под венчиком располагался характерный налепной валик с левостронними вдавлениями. Поверхность тулова не имела орнамента (категория I, тип I, вид I) (рис. I).

В 0,12 м от сосуда на восток в кв. Ю/41 залегало несколько жжёных мелких костей человека, не поддающихся определению. Рядом находились фрагменты лепной неорнаментированной керамики. Видимо, это тоже подхоронение в насыпь.

Рис. 3. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. Фотография кургана № 41 после снятия дёрна. Вид с востока

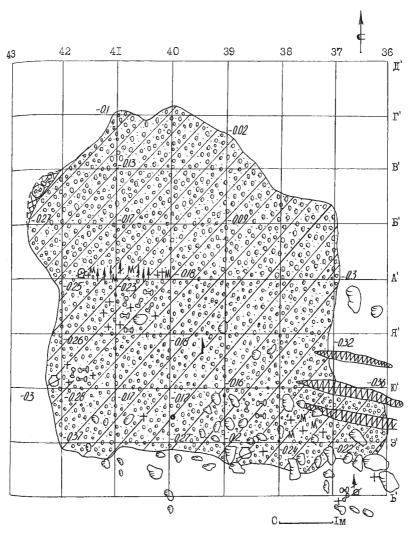
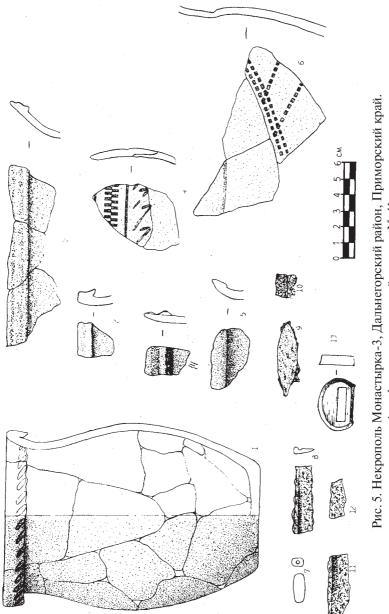

Рис. 4. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. План кургана № 41

Артефакты из курганной насыпи № 41

172 О.В. Дьякова

В кв. Э/40 на уровне н.о.-31 встречен фрагмент типично мохэского сосуда (категория I, тип 1).

В кв. b/38 на южной оконечности насыпи на уровне н.о.-20 залегал раздавленный круговой сосуд с оттисками штампованного декора. По форме и декору изделие аналогично керамике культуры амурских чжурчжэней (категория III).

В кв. Ю/39 на уровне н.о.-22 в галечно-гравийном слое зафиксирован железный нож, воткнутый остриём в почву. Форма пера листовидная. Длина изделия 5 см.

В кв. Э/38 вблизи крупного камня зафиксированы мелкие жжёные кости человека.

В кв. Э/37 на восточном краю насыпи в самом низу галечного слоя, почти у материка, встречены фрагменты серой неорнаментированной круговой керамики и 3 фрагмента железного изделия длиной 10,4 см, диаметром 1,4 см.

В слое чёрной супеси (жжёного торфа), подстилающей в нескольких местах галечник — кв. 9/38-39 — отмечены немногочисленные находки. В кв. 9/39-40 над могилой № 51 — каменная бусина с голубым оттенком. В плане бусина овальная, в сечении — прямоугольная. Её длина 2 см, диаметр 9/9 см.

Кв. Я/40, 41 в западной части насыпи встречены два фрагмента типично мохэского венчика с налепным валиком и фрагмент круговой керамики серого цвета со штампованным орнаментом.

В слое светло-серой супеси, подстилавшей галечно-гравийную насыпь и чёрную супесь, находок не было.

Разрезы галечно-гравийной насыпи (рис. 6, 7)

Разрезы по линии Я—Я. Почвенно-растительный горизонт — 0,03—0,07м — подстилается галечно-гравийным слоем с включением чёрной жирной супеси (горелого торфа). Слой фиксировался на всей протяжённость бровки, на отдельных участках (кв. 9/39, 40) достигал материка. Его мощность составляла 0,08—0,22 м.

Рис. 6. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. Фото разрезов кургана № 41. Вид с

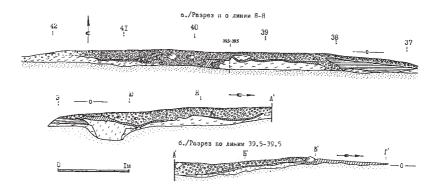

Рис. 7. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. Разрезы кургана № 41

0.В. Дьякова

В кв. 38—41 в виде тонких линз мощностью 0,03—0,05—0,35 м прослеживалась чёрная жирная супесь (горелый торф) без гравийно-галечного включения.

Светло-серая супесь в двух местах (кв. 38—41) подстилала чёрную жирную супесь, образуя самостоятельные вытянутые линзы. В одном месте супесь залегала в гравийно-галечных включениях (кв. 39). В кв. 37 светло-серая супесь залегала под слоем тёмно-коричневой супеси.

Тёмно-коричневую супесь (несгоревший торф) подстилал материк.

Разрез по линии 39,5—39,5. Почвенно-растительный горизонт незначительной мощности 0,03 м. Слой галечно-гравийных конкреций, утопленных в чёрную жирную супесь (жжёный торф) распространялся на всём протяжении бровки.

Слой жирной супеси зафиксирован в виде двух линз в кв. Я—Э—Ю.

Слой светло-серой супеси подстилал галечно-гравийный слой чёрного цвета (торфяной) слой. В кв. Ю он опускался вниз и окаймлял с боков могильную яму.

После разборки галечно-гравийной насыпи и удаления напластований на уровне н.о.-36 обнажился материк. Под насыпью в её южной части зафиксированы два комплекса: в кв. Э—Ю/39—40 — могила № 51 и в кв. Ь/37—38 — могила № 52.

Для кремаций на месте характерно большое неправильной формы глиняное прокалённое пятно (с остатками торфа) с многочисленными вкраплениями мелких жжёных костей и погребального инвентаря со следами сильного огня

Погребение № 51 (рис. 8, 9)

Могила № 51 располагалась на периферии галечно-гравийной насыпи № 41 в кв. Э—Ю/39—40 (рис. 1). Нивелировка кургана показала, что поверхность над могилой была уплощённой (рис. 4). В надмогильном напластовании отмечается слой чёрной жирной супеси, связанной с насыпью, но не с самой моги-

лой. В верхней части могильного заполнения зафиксировано два камня размерами $0,10\times0,12$ и $0,15\times0,20$ м. Видимо, первоначально над могилой была каменная насыпь, но при сооружении галечно-гравийной насыпи камни с могилы были убраны, и сохранились только те, которые оказались непосредственно в могиле.

Основным заполнением могилы являлась коричневая супесь. Следов угля или прокала не наблюдалось. Вдоль боковых стенок могилы отмечались включения светло-серой супеси.

На уровне дневной поверхности могильное пятно № 51 приобрело контур неправильной трапеции размером $0.95 \times 0.65 \times 0.48$ м. Могила ориентирована северо-запад — юго-восток. Она входила в один ряд с могилой № 43.

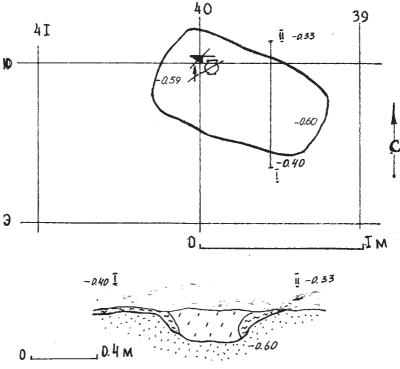

Рис. 8. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. Погребение № 51

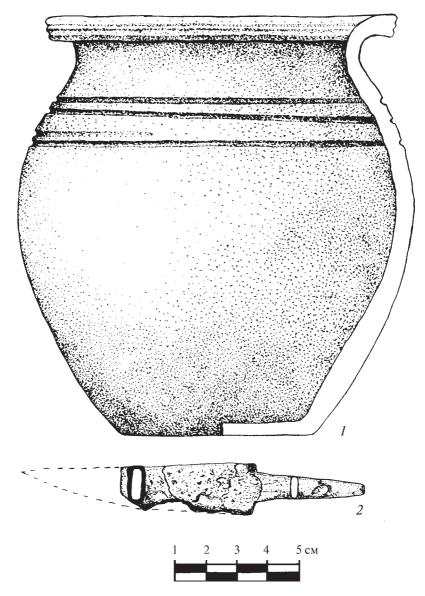

Рис. 9. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. Артефакты погребения № 51

Дно могилы довольно ровное. На уровне н.о.-59 возле пикета Ю/40 на дне могилы обнаружен сосуд горшковидной формы бохайского типа с тремя горизонтально-прочерченными бороздами по венчику и плечикам (рис. 9, *I*).

Высота сосуда — 13 см, диаметр венчика — 11 см, диаметр дна — 6,5 см, диаметр тулова — 13 см, высота тулова — 9 см (соответствует пропорциям керамики амурских чжурчжэней). Рядом с сосудом в пикете $\Theta/0$ залегал обломок железного ножа с выделенной рукоятью (рис. 9, 2). В кв. $\Theta/40$ возле пикета $\Theta/40$ обнаружен обломок железного плоского наконечника стрелы, не поддающийся типовому определению. Глубина могилы 0.15-0.18 м. Костный тлен не прослежен.

Вывод. Видимо, данное погребение выполнялось по обряду кремации в могильной яме, но торф, использовавшийся в качестве топлива и заполнявший могильную яму, по каким-то причинам не загорелся. Кости погребённого и внутримогильные деревянные конструкции в условиях приморского климата не сохранились. Погребальным инвентарём, сопровождавшим умершего, служил бохайский сосуд когурёского происхождения, характерный для раннего периода Бохая (категория II, тип 2), железный нож и наконечник стрелы. Это свидетельствует о том, что в погребение № 51, вероятнее всего, был похоронен мужчина.

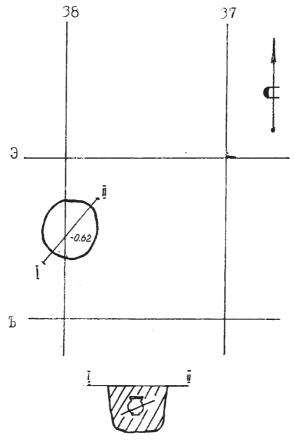
Погребение № 52 (рис. 10)

Располагалось в кВ. Ъ/7—38 (рис. 1). В плане имело форму круга диаметром 0,38×0,35 м. Заполнением являлась чёрная жирная супесь. В разрезе форма ямы чашевидная. Глубина ямы 0,28 м. В яме находился круговой сосуд со штампованным орнаментом, характерным для памятников амурских чжурчжэней. Цвет сосуда — чёрный. В сосуде находились угольки, зола и костный пепел. Видимо, в курган было сделано подхоронение, хотя впуск в гравии проследить не удалось. Но над ямой, как показала нивелировка кургана № 41, поверхность

0.В. Дьякова

была вогнутой, что могло быть связано либо с грабительским вмешательством (но этому противоречит целостность комплекса), либо с тем, что данное захоронение было совершено до возведения кургана, и в месте нахождения могилы насыпь просела.

Вывод. Данное погребение совершено способом кремации на стороне с последующим ямным захоронением, поэтому яма оказалась заполнена чёрным жирным сгоревшим торфом.

«Каменный круг» (рис. 11)

С юго-восточной стороны насыпи на уровне н.о. 42 в кв. Ъ/35—37 зафиксирован каменный круг, близкий к овалу, выложенный из 24 камней и галек. Камни отстояли друг от друга на расстояние 0,05—0,10—0,15 м. Диаметр круга составлял 1,25 м. Заполнением внутри круга служила чёрная жирная супесь (жжёный торф). В круге зафиксированы находки: в кв. Ъ/36, Ь/36 — фрагменты керамики горшковидного сосуда мохэского типа — венчик и боковые стенки, фрагмент кругового сосуда серого цвета, а также более 20 кусочков трубчатых костей человека и фрагменты черепной коробки. Все кости сильно пережжёны (до голубоватого цвета).

Вывод. Подобные каменные круги характерны для культур тюркского круга. Правда, они, как правило, возводились с восточной стороны кургана, а не с юго-восточной, как в данном случае. О назначении каменных кругов однозначного мнения у исследователей нет. Одни вполне аргументированно относят их к поминальникам, другие — к захоронениям.

Рис. 11. Некрополь Монастырка-3, Дальнегорский район, Приморский край. Каменный круг (фото)

180 О.В. Дьякова

«Каменный круг» некрополя Монастырка-3 — явное погребение, совершённое на горизонте из кремированных на стороне тел умерших. Сопроводительным погребальным инвентарём явился лепной сосуд мохэского типа и круговая сероглиняная керамика. Подобное сочетание традиционно для погребений культуры амурских чжурчжэней.

Обсуждение результатов

Таким образом, раскопки кургана № 41 и связанных с ним погребений № 51, 52 и «каменного круга» выявили два вида кремаций: 1. Кремация в могильной яме; 2. Кремация на стороне либо с последующим захоронением либо в могильной яме, либо в виде подхоронения в курган.

Анализ кургана № 41 и «каменного круга», расположенного с юго-восточной стороны, показывает, что в погребальном обряде мохэ-бохайской культуры появляются принципиально новые, инновационные элементы, не связанные с местными традициями. Это свидетельствует об очень серьёзных мировоззренческих сдвигах религиозного или этнического характера, произошедших у средневековых тунгусо-маньчжуров. Но это предмет другого исследования.

Впервые в Приморье каменные курганы фиксируются в эпоху палеометалла в конце 1 тыс. до н.э. (некрополь Петровка-9) [4]. Эта традиция истоками уходит в погребальный обряд доскифских и скифских культур, имеющий индоевропейское происхождение [3]. Внедрение курганов и сопровождающих их «каменных кругов» в погребальные традиции средневековых тунгусо-маньчжуров Приморья отмечается впервые. Наличие в «каменном круге» кремированных останков человека свидетельствует о том, что это не поминальное сооружение, а именно захоронение. Вероятно, появление таких курганов связано с социальным и этническим статусами погребённого (погребённых). Это могут быть воины, административные деятели. Традиция курганных захоронений такого рода, вероятнее всего, могла быть принесена на Даль-

ний Восток тюрками, оказавшими большое влияние на тунгусо-маньчжуров в VI-VIII вв. Помимо кремаций и каменных сооружений об этом свидетельствуют пазовое устройство гроба и затирание щелей стенок гроба глиной для герметичности. Аналогичный факт отмечен А. Грачем в погребениях тувинцев [6]. Правда, исследователь объяснил затирку щелей глиной тем, что тувинцы таким способом утепляли жилища, и это переносилось в погребальный обряд. Но в нашем случае затирание щелей глиной связано не с утеплением, а с типом топлива для кремаций. Торф длительно горит без доступа воздуха. Кроме того, на тюркское влияние указывает сопровождающий погребённых инвентарь. Появляются тюркские пояса, лепные керамические сосуды, не соответствующие мохэским традициям. Вероятнее всего, в некрополе Монастырка-3 фиксируется момент слияния двух разных погребальных традиций: тюркской и тунгусо-маньчжурской. Причём произошло это, видимо, на раннем этапе мохэ-бохайской культуры. Бронзовые поясные бляшки тюркского типа в монастырском некрополе имеют ребро жёсткости. Аналогичный факт отмечается в материалах столицы Бохая Шанцзин, датируемой VII—VIII вв. Следовательно, нельзя исключать их одновременное существование.

В заключение напомним, что для Дальнего Востока с древности характерны стационарные жилища типа землянок и полуземлянок, под которые в земле выкапывали котлован. Это означает, что у дальневосточного населения до этого времени не было запрета на «ковыряние» земли. Зато такой запрет существовал у степных этносов, в первую очередь у кочевников. Они пользовались наземными жилищами (юртами и пр.), что соответствовало их форме хозяйства, не позволявшей «царапать лицо матери», отождествлявшейся с землёй. Как мы видим, в эпоху палеометалла в 1 тыс. до н.э. в Приморье появляются насыпные каменные курганы, возведённые над слабыми (почти условными) углублениями. Заметим, что запрет на «ковыряние» земли у монголов, хакасов, тувинцев, т.е. у монгольских и тюркских народов, «дожил» почти до наших дней. У тунгусо-маньчжурских этносов такого запрета не было.

182
О.В. Дьякова

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 211 с.

- 2. Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
- 3. Дьяков В.И., Дьякова О.В. Курганный комплекс Петровка-9 (Приморье) // Дальневосточно-сибирские древности. Новосибирск, 2012. С. 36—37.
- 4. Дьяков В.И., Леонова Н.Б. Курганы Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 103—107.
- 5. Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. 245 с.
- 6. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука. 1975. 162 с.
- 7. Медведев В.Е. Курганы Приамурья. Новосибирск, 1998. 143 с.

УДК: 415.4(943.81)

А.Х. Гирфанова, Н.Л. Сухачёв

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ АЛТАИСТИКИ (НАД СТРАНИЦАМИ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ» — *EDAL*)*

Рассматривается современное состояние алтайское проблематики, в частности, реконструкции постулируемой общеалтайской общности. Особое внимание уделено оценкам фундаментального этимологического словаря, составленного С. Старостиным, А. Дыбо и О. Мудраком (EDAL). Отмечена необходимость корректного соотнесения сравнительного анализа языковых данных с представлениями о дописьменной истории соответствующих территорий, на которых локализуется предполагаемая алтайская прародина.

Ключевые слова: алтайское языкознание, этимологическая реконструкция, лингвистика и исторические науки.

Albina H. Girfanova, Nikolai L. Sukhachev Linguistic constituent of the Altaic problematics (perceiving of the *Etymological Dictionary of the Altaic Languages — EDAL*)

The paper deals with the analysis of the current state of the Altaic problematics, particularly, on the reconstruction of the Proto Altaic. Special attention is given to the basic *Etymological Dictionary of the Altaic Languages* by S. Starostin, A. Dybo and O. Mudrak (EDAL). The necessity of the correct comparison of the linguistical data and prehistoric cultures on the supposed Proto Altaic areas is noted.

*Key words: Altaic linguistics, etymological reconstruction, linguistics.

Key words: Altaic linguistics, etymological reconstruction, linguistics and ancient history

^{*} Статья подготовлена при поддержке РГН Φ , грант 12-04-0035а.

С первых же трудов по компаративистике, вычленивших в начале XIX столетия из моногенетического континуума языков, традиционно возводившихся к единому «языку Адама» [16, с. 17 и сл., 49—51, 80 и сл.], более родственную индоевропейскую семью, поиски очередного праязыка и прародины его предполагаемых носителей привычно сочетали более или менее строго отобранные аргументы лингвистического и культурно-исторического происхождения. Попытки их согласования нередко приводили к порочному кругу, поскольку языковеды обычно апеллировали к авторитету историков (археологов и этнографов), а последние отсылали к авторитетному мнению языковедов. Наблюдения и выводы энциклопедистов-историков, пусть порой и предварительные, со временем всё чаще стали подменяться менее основательными умозрительными обобщениями культурологов. Да и вспомогательные для сравнительно-исторического языкознания дисциплины приумножились за счёт палеоботаники, палеозоологии, генетики, глоттохронологии, семиотики, что ничуть не прибавило убедительности некоторым искомым праязыкам, не говоря о прародинах их условных носителей.

Внеисторичность праязыка как лингвистической системы предопределена самой процедурой постулирования праязыковых форм на основе некоторого множества изоглосс*, отождествление которых порой требует допущения в праязыке таких звуков, чья физиологическая природа не вполне понятна**.

^{*} Изоглосса здесь и далее употребляется в смысле равноязычие: термин отображает историческое тождество ряда слов, сопоставимых в силу регулярности фонетических соответствий, прослеживаемых между родственными или контактирующими языками. Вторичное значение термина — линия на карте (или на картосхеме), ограничивающая ареал данного явления (чаще лексического).

^{**}Достаточно упомянуть всё ещё спорную ларингальную теорию, в рамках которой вместо двух условных звуков, постулированных Ф. де Соссюром в «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1878, см.: гл. I, § 1, раздел А, «Тематический аорист с удвоением») и названных им сонантными коэффициентами (A, Q), датский лингвист Г. Мёллер предположил в 1879 г. для

Это не препятствует условной привязке праязыка к шкале времени, что может быть осуществлено, допустим, в результате оценки наблюдаемых на заданной «доисторической» глубине интеграционных процессов*. В конечном счёте лингвистическая реконструкция предлагает исследователям-языковедам лишь какое-то множество этимонов (корней и аффиксов), которые одновременно представляют собой некоторый усреднённый результат сопоставления реальных изоглосс, обнаруживаемых в различных языках и проецируемых в более или менее отдалённое прошлое, и своего рода фонетические формулы, отправляясь от которых можно убедиться в том, что соответствующий ряд изоглосс действительно восходит к данному этимону, если иметь в виду строгие правила фонетических соответствий, устанавливаемые в процессе сопоставления языков, чьё родство прослеживается. При этом разброс значений в сравниваемых языках также требует непротиворечивого объяснения (логического или психологического), что провоцирует своего рода «вживание» в способ мышления и предполагаемых носителей праязыка, и «первоносителей» каждого из возводимых к нему языков. Практически сравнительно-исторический метод как итог сравнения, обращённого вспять**, вновь проецируется на сравниваемые языки, но уже «по течению времени».

Намеченная контроверза между научным наблюдением и культурологической реконструкцией (применительно к истории или к языку) подразумевает, во-первых, различие между значимостью конкретного объекта исследовательского

объяснения расхождений в системе вокализма три звука фарингально-глоттального ряда (E, A, O), которые он и обозначил как ларингалы. В XX в. было постулировано до десяти ларингалов при разных рефлексах гласных и дано более трёх десятков толкований их природы. Эти идеи были восприняты и ностратической реконструкцией.

^{*} Например, для индоевропейской семьи языков интегрирующим фактором и причиной экспансии могла стать неолитическая революция, зародившаяся в Передней Азии к 7—6 тыс. до н.э.

^{**} Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» (1916, см.: часть 1, гл. III, § 5; часть 5, гл. I) уравнивал сравнительно-исторический метод и ретроспективную диахронию, именуя проспективной диахронией «взгляд, направленный по течению времени».

внимания и вполне понятным желанием, скажем, встроить некий вновь обнаруженный артефакт или археологический памятник (обследуемый язык, этнос, культурно-хозяйственный тип) в контекст мировой истории. Такого рода обобщения порой чреваты смешением в рассматриваемом объекте фенотипа (конкретных или частных явлений) и типа (типических признаков). Понятно, что предлагаемые, допустим, для праалтайского (общемонгольского, общетюркского и т.п.) фонетические «прототипы»*, которые лежат в основе прослеживаемых общеалтайских (общемонгольских, общетюркских) изоглосс, весьма опосредованно соотносятся со «звуками» и словоформами тунгусо-маньчжурских, монгольских, тюркских, корейского и японского языков, если соглашаться с постулируемым в настоящее время составом алтайской макросемьи. Во-вторых, мы имеем в виду псевдообобщения, увы, всё более модные в современных гуманитарных науках, особенно языковедческих. Они игнорируют, если не преднамеренно искажают, логику науки, интерпретируя позитивные результаты даже объективных наблюдений в угоду умозрительных построений, обычно не выдерживающих строгой критики.

Так, А.М. Певнов, декларируя комплексный подход к решению «тунгусо-маньчжурской проблемы» [7, с. 63], действительно центральной для корректной постановки задач, связанных с реконструкцией алтайской общности**,

^{*} В конечном счёте «прототип» предстаёт как *тип*, что справедливо для любого рода и уровня реконструкции.

^{**} Ср.: «Тунгусо-маньчжурский занимает особое место в алтайской семье, разделяя большое число изоглосс как с тюрко-монгольской, так и с корейско-японской ветвью <...> исторически такое распределение может быть объяснено "центральным" положением тунгусо-маньчжурского среди праалтайских диалектов. В то же время нельзя исключать сценарий более позднего доисторического заимствования (уже после разделения праалтайского, но ранее общирного географического распространения тюрко-монгольского и тунгусо-маньчжурского, с одной стороны, а также тунгусо-маньчжурского и корейско-японского — с другой)» [20, с. 236]. Введение к словарю составлено в основном С.А. Старостиным.

предлагает локализовать «родину языковых предков» [7, с. 65]* на основании отдельных фонетических признаков [7, с. 67—69] и нескольких названий деревьев (ясеня, дуба, тополя и др. [7, с. 69—71], а также слов, обозначающих болото и отражающих географические границы мерзлоты, или же ареал бытования кеты [7, с. 71—72]. К такому набору «лингвистических приёмов» реконструкции тунгусоманьчжурского праязыка, который воспринимается как пародия на пресловутую «картину мира» древних индоевропейцев, предполагавшую их знакомство с берёзой, морем, горами и лососем, подключается анализ гидронимов («потамонимов» в терминологии автора), «которые имеют в исходе звук -*r*» (напр.: Аир, Боктор, Укур, Хор [7, с. 72—74 — так у А.М. Певнова**]).

Коль скоро подчёркнутый Ф. де Соссюром, но открытый задолго до него принцип произвольности лингвистического знака остаётся неоспоримым, трудно вообразить, как можно рассуждать о методе «привязки некоторых данных исторической фонетики к определённым географическим реалиям» [7, с. 81]. Подобные допущения могут проистекать разве что из преднамеренно заданной «географии» якобы искомой прародины. Что и следует из завершающего статью резюме Певнова, эксплицитно высказывающегося «в пользу уже предлагавшейся А.П. Деревянко идеи локализовать прародину тунгусо-маньчжуров в Среднем Приамурье»***, пусть и с уточнением, что «родина языковых предков тунгусо-маньчжурских народов находилась не в равнинных районах бассейна Среднего Амура, а в гористой местности с хвойно-широколиственными лесами» [7, с. 81].

Более осторожен В.И. Рассадин, предлагающий ограничиться «сугубо лексикологическими приёмами анализа словарного состава гипотетически родственных языков» [8, с. 24]

^{*} Со ссылкой на «удачный термин "языковые предки"» в работе [5, c.6-7].

^{**} Но, например, р. Хор на удэгейском языке именуется Ху: [hū] (или даже Сагдули), т.е. без конечного «р».

^{***} Co ссылкой на работу [3, с. 274, но ср.: 12, с. 313—314].

и акцентирующий при этом внимание на отдельных тематических (и семантических) группах слов. Предлагаемый Рассадиным вслед за В.И. Цинциус метод* ориентирован не столько на задачу реконструкции и локализации праалтайского состояния, сколько на накапливание фактов, доказывающих генетическую или ареальную общность сопоставляемых языков. Иными словами, «сугубо лексикологические» приёмы и методы языкознания (т.е. лексико-семантический и историко-лексикологический анализ) пригодны для предварительного отбора изоглосс, но они бесполезны для построения условного языкового состояния даже для отдельно взятой семьи языков**, не говоря о более глубинном уровне, на котором реконструируется алтайская макросемья и выстраивается целая цепь «ностратических макросемей», охватывающая чуть ли не все известные языки мира.

К тому же необходимо признать, что комплексное исследование применительно к таким несовместимым по своим приёмам и методам историческим наукам, как лингвистика, археология, этнография, антропология, не является и не можем быть их механистической комбинацией. Должно сохраняться то общее для всех «наук о человеке» основание, синтезом которого является сама история, а точнее — историческое источниковедение, включающее методы и приёмы реконструкции «доисторических» (т.е. дописьменных) и так называемых тёмных периодов эволюции человечества и отдельно взятых культурных ареалов или эпох. Когда речь идёт о письменных традициях, ими занимаются, в частности, филология и медиевистика, принадлежащие различным научным областям.

В последнее время лингвисты-«культурологи» нередко апеллируют, допустим, к ставшей популярной *лингвис- тической антропологии*, но они игнорируют тот факт, что её

^{*}Co ссылкой на работу [13, с. 78; ср. 14, 15].

^{**} Для этой цели более уместны фонетические и морфологические наблюдения, предоставляемые историческими грамматиками отдельных языков, а для бесписьменных и младописьменных родственных языков — их диалектами и сравнительной фонетикой и морфологией.

основоположник — Ф. Боас (1858—1942) был прежде всего профессиональным географом, этнографом и антропологом*. Он много лет изучал быт и язык эскимосов, а в своём «Руководстве по языку американских индейцев» (*Handbook* of American Indian languages. Columbia: Univ. Press, 1933—1938. Vol. 1—2) стремился обосновать принципы особой «культурной антропологии», изначально отправляющейся от наблюдаемого разнообразия этнических типов и исторических традиций. Правда, тем самым Боас как бы подстраивал под методы культурно-исторической реконструкции и сравнительного языкознания естественнонаучные основания антропологии, а также современной автору психологии, что несколько перекликается с пресловутым ныне лингвистическим когнитивизмом.

Не задерживаясь на иных примерах подгонки исторической реальности под желаемый результат, далее мы ограничимся самой общей оценкой эпохального для алтайского языкознания труда С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака «Этимологический словарь алтайских языков» — EDAL [20]**. Словарь развивает идеи и дополняет лексические изоглоссы, собранные Старостиным ранее [11].

При несомненной лингвистической значимости *EDAL* это издание, к сожалению, не снимает проблемы локализации алтайской общности ни во времени, ни в пространстве. Вторую из названных задач авторы перед собой и не ставили.

^{*} В привычном для отечественной науки смысле, которому соответствует англ. biological anthropology — букв. «биологическая антропология», в отличие от anthropology «этнография» (в соответствии со словоупотреблением, восходящим к Аристотелю).

^{**} Вводное слово в *EDAL* представлено фонетической реконструкцией общеалтайского, следующей из промежуточных реконструкций низшего уровня, при которых даны и предполагаемые значения: общетюркской (Proto-Turkic), общемонгольской (Proto-Mongolian), общетунгусо-маньчжурской (Proto-Tungus-Manchu), пракорейской (Proto-Korean) и праяпонской (Proto-Japanese). Каждая из них базируется на ряде изоглосс (реальных словоформ, пусть их подбор порою и спорен), учитывающих регулярные фонетические соответствия, установленные в пределах рассматриваемых групп языков.

Гипотетическое же праалтайское состояние (Proto-Altaic) на основании не всеми признаваемой лексикостатистики или глотторонологии* датируется примерно 6-м тысячелетием до н.э., что может быть оспорено или скорректировано при подключении к этой задаче данных о культурах Дальнего Востока и Центральной Азии, включая динамику их развития (или упадка), а также взаимодействия, если иметь в виду исторически наблюдаемые отличия простых производственных занятий охотников, рыболовов и собирателей, с одной стороны, от воспроизводящей экономики скотоводов и земледельцев — с другой.

И достоинства трёхтомного $EDAL^{**}$, и его недостатки, которые могут быть обнаружены востоковедами и сибиреведами, обусловлены последовательной ностратической ориентацией С.А. Старостина и его коллег [1, 4]***. В «Предисловии»

^{*} Имеется в виду процент совпадений в сопоставляемых языках, исчисляемый на основе так называемой базовой лексики, включающей предлоги, местоимения, термины родства, цветообозначения, числительные и др. (по изначальному списку М. Сводеша: 100 английских слов), см. [9, с. 35—37]. Список Сводеша уточнялся самим автором, а также С.Е. Яхонтовым и С.А. Старостиным.

^{**} Том 1 включает: «Предисловие» (с. 7—9), «Введение», где в табличном виде представлена «сравнительная и историческая фонология» на уровне отдельных языковых семей и на общеалтайском уровне, а также звук за звуком рассматриваются устанавливаемые авторами ряды фонетических соответствий (с. 11—236), а также разделы «Структура словаря и принятые сокращения» (с. 237—240), «Избранная библиография и сокращения цитируемой литературы» (с. 241—264), «Сокращения периодических изданий» (с. 265—266), «Сокращения названий языков» (с. 267—269) и «Словарь» на буквы А—К (с. 271—858). Т. 2 содержит статьи на буквы L—Z (с. 1557—2096). В т. 3 приведены лексические указатели (с. 1557—2096).

^{***} Список трудов С.А. Старостина (1952—2005) см. в [4]. Также см. «антиалтаистические» отзывы [21, 22] и ответ Старостина [24]. Принятая составителями *EDAL* фонетическая запись следует ностратической традиции, но в детальной рецензии В. Блажека [18], фонетические таблицы Старостина приводятся в общепринятой транскрипции Международного фонетического алфавита [23].

к *EDAL* подчёркивается: «В результате критической оценки проблемы мы приходим к выводу, что алтайский всё-таки мог бы быть охарактеризован в качестве генетической общности, возможно, образующей ветвь более обширной ностратической макросемьи, но, несомненно, самой по себе отдельной семьи. Сама же возможность составления словаря общего алтайского наследия явно подтверждает обоснованность алтайской теории» [20, с. 9].

Примечательно, что появление EDAL, высоко оценённого частью алтаистов, спровоцировало переход в лагерь «антиалтаистов» одного из самых активных ранее сторонников алтайской общности — А.В. Вовина, назвавшего свою обширную и подробнейшую рецензию на этот словарь «Конец алтайской дискуссии» и посвятившего её памяти Г. Дёрфера — последовательного «антиалтаиста». Рецензент сразу же заявляет: «Я действительно чувствую признательность авторам EDAL за их невероятное усилие, обусловившее столь внушительную массу не-очевидностей алтайского, удобно собранных вместе для тех из нас, кто скромно не согласен с главной авторской предпосылкой <...> Я действительно считаю, что столь значительная работа не должна остаться незамеченной» [25, с. 73].

Критика А.В. Вовина исходит из обширно эксплицируемых им аксиоматических требований к реконструируемым «состояниям» и прямых претензий к авторам рассматриваемого издания*: (1) можно доказывать лишь родственные отношения, но нельзя доказывать не-родственные отношения [25, c. 73]; (2) прежде чем предпринимать внешнее сравнение,

^{*} Поскольку языковое состояние, как подчёркивал Ф. де Соссюр, равнозначно синхронии данного языка, для ретроспективной реконструкции такое словоупотребление очень условно. Однако при переходе от обратной перспективы к прямой (к последовательному ряду наблюдаемых языковых состояний) гипотетическая реконструкция начинает восприниматься в качестве самоценной исторической реальности, тогда как она задаёт лишь своего рода алгоритм, предназначенный для заполнения хронологических «пробелов» в истории языка.

следует тщательно осуществить внутреннюю реконструкцию для группы явно родственных языков [25, с. 74]; (3) нельзя забывать, что каждый язык имеет свою историю, тесно сопряжённую с культурной и политической историей данного народа [25, с. 75]; (4) историческое языкознание тесно связано с филологией [25, с. 76]; (5) фонетические соответствия, допускаемые при некотором родственном отношении, должны быть действительно регулярными [25, с. 76]; (6) теоретически, отношения между языками, образующими определённую языковую семью, должны быть результативно предсказуемыми [25, с. 77]; (7) EDAL содержит некоторое число явных лексических фантомов [25, с. 77]; (8) в ряде случаев в ЕДАL явно искажена информация [25, с. 78]; (9) семантическая сторона сопоставлений, особенно предлагаемых авторами *EDAL* впервые, часто остаётся смутной и даже неправдоподобной [25, с. 81]; (10) в словаре полно всякого рода анахронизмов [25, с. 83]; (11) постоянной проблемой является нежелание авторов *EDAL* признавать явно заимствованный характер некоторых алтайских «родственных слов» [25, с. 84].

Нет смысла приводить здесь сугубо языковые примеры из *EDAL* и сопровождающую их подробную филологическую контр-аргументацию А.В. Вовина. (Ему столь же подробно отвечают А.В. Дыбо и Г.С. Старостин — в статье «В защиту сравнительного метода, или Конец полемики Вовина» [19].) Можно лишь заявить, что на предельно глубоком уровне ностратической реконструкции филологические (и текстологические) методы и приёмы проверки устанавливаемых изоглосс, разумеется, не работают. Если же иметь в виду три языковые семьи, несомненно взаимодействовавшие между собой в пределах искомой алтайской общности — тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую, то для последней из них, охватывающей в основном младописьменные и бесписьменные традиции, о филологической критике текстов можно с уверенностью говорить, имея в виду преимущественно чжурженьскую традицию (после 1645 г. — маньчжурскую [6, с. 9, прим. 1]) и в меньшей мере фольклорные тексты, записанные в основном в XX в.

С оглядкой же на культурно-историческую составляющую, связанную с датировкой и географической локализацией искомой алтайской «прародины», нельзя не заметить, что ностратическая гипотеза имплицитно исходит из гипотезы моногенеза всех языков мира. На фоне современных знаний о «доистории» и основных этапах антропосоциогенеза такая посылка представляется достаточно спорной. К тому же, осознавая, что центральным звеном в алтаистической проблематике является тунгусо-маньчжурская семья языков, нельзя не обратить внимание также на принципиальное расхождение хозяйственно-культурных типов в пределах тунгусского и маньчжурского её ареалов. Нельзя не согласиться с тем, что «сравнительная лингвистика существует не в вакууме» [25, с. 75]). И прежде всего история тунгусских народов требует тщательного и всестороннего осмысления для корректной постановки вопроса о том, где, когда и в силу каких культурно-исторических процессов могли возникнуть те изоглоссы, которые прослеживаются исследователями в тунгусоманьчжурских языках и в более обширном языковом континууме, условно именуемом алтайской общностью.

Нужно отметить, наконец, что не существует критериев строгого разграничения групп языков, генетически родственных, и образований типа языковых союзов. Р.О. Якобсон ещё в 1936 г. утверждал: «Союз языков является более широким понятием, нежели понятие семьи; последнее является лишь частным случаем союза <...> "Изначальное тождество", которое вскрывает сравнительная грамматика, является не более чем состоянием, возникшим в результате конвергирующего развития, и никоим образом не исключает одновременных или последующих расхождений» [17, с. 94].

Суммируя подсчёты выявленных лексических соответствий, С.А. Старостин отмечает: «Сердцевину общего алтайского словаря составляют этимоны, прослеживаемые в тюрко-монгольском (по крайней мере, в тюркском и монгольском), а также в корейско-японском (по крайней мере,

в корейском и японском), наряду с тунгусо-маньчжурскими параллелями или без них. Число таких корней в данном издании равно 1841; большинство из них (1533) отражены также в тунгусо-маньчжурском.

Однако имеются две другие лексические группы:

- а) тюрко-монгольские корни с тунгусо-маньчжурскими параллелями (615) и без них (57);
- б) корейско-японские корни с тунгусо-маньчжурскими параллелями (195) и без них (23)» [20, с. 235—236].

Таким образом, речь может идти скорее о некой пространственной конфигурации, центральная часть которой некогда испытывала независимые влияния с востока и запада, чем о множестве изначально родственных образований, которые могли бы восходить к единому общеалтайскому «праязыку» в качестве своего рода отпочкований от общего ствола родословного древа. При этом генетическое родство центральной тунгусо-маньчжурской семьи языков сомнений не вызывает.

В заключение остаётся констатировать, что появление *EDAL* принципиально не изменило распределение сил в алтайском языкознании: аргументы *алтаистов* и *антиалтаистов* остаются равновероятными. Продолжаются и более частные споры о правомерности подключения к тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским ареалам корейского и японского языков. В любом случае остаётся актуальной «тщательная внутренняя реконструкция» применительно к тунгусо-маньчжурским языкам, начало чему было положено трудами В.И. Цинциус, особенно созданным под её руководством Сравнительным словарём тунгусо-маньчжурских языков (*CCTMЯ*) [10], включающим только реально засвидетельствованную лексику, хотя этот словарь также содержит немалое число ошибочных форм и далеко не полон*.

^{*} Например, число удэгейских форм в *ССТМЯ* составляет около трёх тысяч, тогда как сводный словарь А.Х. Гирфановой [2], составленный по гнездовому принципу, насчитывает пять тысяч только вводных слов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Бурыкин А.А. Идеи С.А. Старостина и дальнейшие перспективы алтаистики // Аспекты компаративистики (М.). 2009. Т. 4. С. 9—24 (Orientalia et classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. 28).
- Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского языка. СПб.: Наука, 2001. 476 с.
- 3. Деревянко А.П. Приамурье (І тысячелетие до нашей эры) / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
- 4. Дыбо А.В. Памяти С.А. Старостина // Антропологический форум (СПб.). 2006. № 3. С. 535—545.
- 5. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978. 350 с.
- 6. Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII—XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 228 с.
- 7. Певнов А.М. Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопр. языкознания. 2008. № 5. С. 63—83.
- 8. Рассадин В.И. Семантический метод исследования лексики алтайских языков // Российская тюркология. 2010. № 3. С. 24—27.
- 9. Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических языковых контактов (на материале племён эскимосов и североамериканских индейцев) // Новое в лингвистике / сост., ред. и вступ. статья В.А. Звегинцева. М.: Иностранная литература, 1960. С. 23—52 (англ. изд.: 1952).
- 10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков ССТМЯ: Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. Т.1—2. Л.: Наука, 1975—1977. Т.1. А-Нг; Т.2. О-Э. XXX, 672+471 с.
- 11. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. 298 с.
- 12. Сухачёв Н.Л. Возможности комплексного подхода к проблеме общности алтайских языков (предварительная оценка) // Тунгусоманьчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / отв. ред. О.В. Дьякова. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 308—316.
- 13. Цинциус В.И. Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков // Проблемы общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. С. 77—89.

- 14. Цинциус В.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 3—17.
- 15. Цинциус В.И. Параллельные синонимические ряды в языках алтайской семьи и их роль при сравнительно-историческом изучении лексики // Алтайские этимологии / отв. ред. В.И. Цинциус, Л.В. Дмитриева. Л.: Наука, 1984. С. 7—16.
- 16. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. и примеч. А. Миролюбовой. СПб.: Alexandria, 2007. 424 с. (итал. изд.: 1993).
- 17. Якобсон Р.О. Избранные работы / пер. с англ., нем., фр.; сост. и общая ред. В.А. Звегинцева; предисл. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1985.—456 с.
- 18. Blažek V. Current progress in Altaic etymology // Linguistica Online. 30 January 2006 (http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-004.pdf).
- 19. Dybo A.V., Starostin G.S. In Defence of the Comparative Method, or the End of the Vovin Controversy // Аспекты компаративистики (М.). 2008. Т. 3. P. 119—258.
- 20. Etymological dictionary of the Altaic languages (EDAL) / by S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak with assistance of Ilya Gruntov and V. Glumov. Vol. 1—3. Leiden; Boston: Brill, 2003. (Handbook of Oriental Studies = Handbuch der Orientalistic. Section 8. Central Asia. Vol. 8). 2096 с. сквозной паг.
- 21. Georg S. Review of Etymological Dictionary of the Altaic Languages // Diachronica. 2004. Vol. 21. N 2. P. 445—450.
- Georg S. Reply [to S.A. Starostin] // Diachronica. 2005. Vol. 22, N 2. P. 455—457.
- 23. Handbook of the International Phonetic Association. A guide to the use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge, 1999. 214 p.
- 24. Starostin S. Response to Stefan Georg's review of the Etymological Dictionary of the Altaic Languages // Diachronica. 2005. Vol. 22, N 2. P. 451—454.
- 25. Vovin A. The end of the Altaic controversy // Central Asiatic Jour. 2005. Vol. 49, N 1. P. 71—132.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИИ ВЕРХНЕГО ПРИАМУРЬЯ*

Статья посвящена истории освоения Верхнего Приамурья на базе топонимических и исторических источников.

Ключевые слова: топонимика, Приамурье, этносы, Зея, эвенки, русские, первопроходцы, освоение.

O.Yu. Tarasov

A history of the toponymy of the Upper Amur region

The article is devoted to the history of the development of the Upper Amur region on the basis of toponymic and historical sources. **Key words:** toponymy, Priamurye, ethnic communities, Zeya, the Evenk, Russian, pioneers, development.

История формирования топонимии Верхнего Приамурья до начала заселения его русскими известна недостаточно. До Октябрьской революции исследованием древности и старины на Дальнем Востоке занимались отдельные любители и энтузиасты. Только в «советский период» в Приамурье развёртываются работы по изучению всех источников и материалов прошлого. Широко обследуются археологические памятники [1, 20], свидетельствующие о деятельности древнего человека, советские учёные знакомятся с литературными источниками.

Неолитические стоянки и отдельные находки орудий новокаменного века в Приамурье известны во многих местах в долинах рек Онон, Аргунь, Нерча, Зея и Шилка, в окрестности г. Благовещенск, у селений Сергеевка, Михайловка, Игнатьево Натальино Благовещенского района, Константиновка

^{*} Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-01-00131).

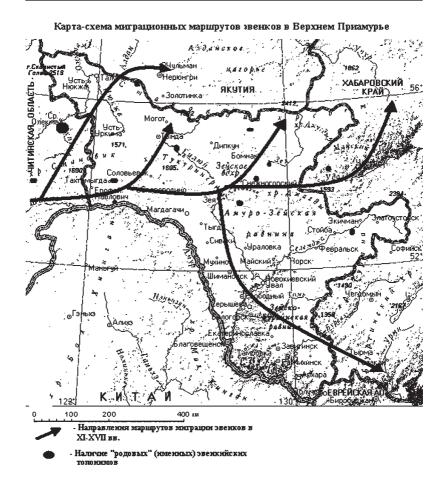
(Волынка) Мазановского района, Ново-Покровка и Иннокентьевка Хингано-Архаринского района, по берегам озёр и рек в Константиновском, Михайловском и других районах.

Литературными источниками истории топонимии и этнографии древнего Приамурья служат китайские летописи, часть которых в разное время переведена на европейские языки. Русские переводы этих летописей, сделанные Н. Бичуриным, В. Горским, В. Васильевым и другими, отличаются полнотой и точностью. Однако в летописях, касающихся глубокой древности Приамурья, правдивое повествование смешивается с мифологическими легендами и сказками. В них также немало путаницы в наименованиях народностей, собственных имён и местностей. Но пренебрегать этими источниками нельзя.

Изучая древние китайские летописи, историки устанавливают, что предками эвенкийских (тунгусских) народов Приамурья, маньчжуров и корейцев надо считать племя сушень. В древнейшей «Бамбуковой летописи» («Чжу-шу-цзи-нянь») сообщается, что посланцы племени сушень приходили ко двору императора Шунь в 25-й год его правления (2225 г. до н.э.) и поднесли ему в подарок луки и стрелы. В летописи «Гунцзянь-ган-му» указывается, что сушени являлись с дарами ко двору У-Вана в 1103 г. до нашей эры, во времена династии Чжоу и Кан-вана и при династиях Вэй и Цзинь (в ІІІ в. н.э). В тех же источниках указываются приблизительные границы территории, населявшейся сушенями: на севере — река Жо-шуй (древнее название Амура), на востоке — Да-хай (Японское море), на западе — владения народов Маньхо, на юге — горы Чан-бо-шань [49, 1964: с. 7, 8].

Современникам Ханьской династии племя сушеней известно под именем илоу, во времена северной Вэйской династии их называли уцзи, или воцзи. При Сунской династии (в IV в. н.э.) это племя и страна, населённая им, назывались мохэ (шивэй).

Племена, называвшиеся в Китае шивэй, по нашему мнению, являлись прямыми предками эвенков, известных: прежде под именами тунгусов, солонов, орочёнов, манегров, би-

раров, а также обитающих в Читинской области по рекам Аргуни, Шилке, Онону, Нерче и Куенге, теперь совершенно обрусевших эвенков. Там до сих пор сохранились названия речек и урочищ, созвучные слову «шивэй»: Швея, Шивия, Шивки, Шиванда и т.д. На правом берегу Аргуни, против села Олочи Забайкальского края, стоит маленький китайский городок Шивэй, расположенный близ той местности, из которой в XVII в. эмигрировал на русскую территорию эвенкийский князь Ган-Тимур-Улан со своим родом.

В течение 400 лет народности, населявшие Приамурье, формально находились под властью завоёванного монголами Китая, но фактически же эвенки и другие народы, жившие по Амуру, династии Мин почти не подчинялись. Более того, установлено, что китайцы эпохи Минов в Приамурье совсем не появлялись. Разрозненные племена эвенков постоянно враждовали между собой, а иногда объединялись для набегов на северные окраины Китая [49, с. 16—28].

В XVII в. территория расселения эвенков была огромна: на западе они выходили на Обь-Енисейский водораздел, на севере осваивали значительную часть тундры между Енисеем и Леной и тайгу по бассейнам всех трёх Тунгусок, на востоке — от Лены по тайге до Охотского моря. Конные группы и скотоводы кочевали в степях Забайкалья и Верхнего Приамурья и по правым притокам Амура. В XVIII в. отмечается изменение в расселении эвенков, их потеснили более сильные народы — якуты, буряты, позже русские [24—38, 53—60].

Столь значительное пространство, освоенное тунгусами, представляет собой уникальное явление в истории человечества. Ни один, ни другой народ в мире с таким уровнем развития, как у эвенков XVII—XIX вв., не освоил столь значительной территории и не мигрировал через столь обширные пространства.

В конце XIX — начале XX в. территория расселения постепенно уменьшалась, примерно такой она сохранилась до 1926-1927 гг.

История этнографии показывает, что картографическая фиксация топонимии начинается в период открытий, освоения и колонизации новых территорий государствами (культурами), владеющими письменностью, картографией и находящимися на достаточно высоком уровне экономического развития для материального обеспечения экспедиций.

Картографическая фиксация топонимов в зоне Верхнеамурского этнотопонимического субстрата происходила поэтапно и с разных направлений [2, 4, 6—18, 22, 26—33, 60—66].

І этап («первопроходческий», 1644—1689). Первоначальная официальная географическая номенклатура нашего края

установилась в XVII в. благодаря трудам русских землепроходцев и первого картографа Сибири С.У. Ремезова. Она составила основу всей последующей современной топонимии. Процесс присоединения Сибири к России сопровождался и процессом создания географии и картографии присоединяемых земель. Многочисленные «отписки», «росписи», «росписи» именные», «чертежи», «челобитные», «чертёжные росписи», «расспросные речи» и другие записи, сделанные русскими землепроходцами на открытых ими землях в Приамурье, явились исходными первыми топонимическими документами, навеки закрепившими наименования географических объектов, прежде всего рек и озёр (гидронимов), человеческих поселений [40—43].

Географические названия, зафиксированные русскими в XVII в., впоследствии почти полностью были закреплены как официальная номенклатура, применяемая в картографии, административно-территориальном устройстве и в других официальных документах, и прочно вошли в употребление разноязычного населения территории Верхнего Приамурья [47—49, 55, 61, 64, 65].

В течение 60 лет после завоевания столицы хана Кучума (1581) русские казаки покорили всю Северную Азию. Почти полностью завладев огромными бассейнами Оби, Енисея и Лены, они дошли до берегов Тихого океана. Это огромное пространство к 1640 г. было не только пройдено, но и освоено. Появились русские города, укреплённые острожки, зимовья и слободы. Туземное население было обложено ясаком, т.е. платило дань в русскую казну. В края, захваченные казачьей вольницей, из Москвы посылались воеводы и царские приказчики. 21 мая 1639 г. было учреждено новое Якутское, или Ленское, воеводство. Первым воеводой был назначен стольник Пётр Петрович Головин [66, 1953].

Заботясь об увеличении ясака, Головин снарядил экспедицию под начальством письменного головы Василия Даниловича Пояркова с пятидесятниками Юрием (Юшкой) Петровым и Патрикеем Мининым. Головин уже получил сведения

от экспедиции И. Москвитина о наличии реки «Омур», о богатых улусах и «Серебряной горе». Отряд состоял из 112 служилых казаков и 15 «охочих людей» — добровольцев, двух целовальников, двух толмачей (переводчиков) и двух кузнецов. Отряд имел железную пушку, стрелявшую ядром в «полфунта», с запасом пороха и свинца «для угрозы немирных землиц».

15 (25) июля 1643 г. отряд Пояркова отправился из Якутска на судах вниз по Лене. Пройдя около 125 километров, экспедиция свернула в реку Алдан и прошла по ней до устья реки Учур. После 10-дневного плавания по Учуру вошли в р. Гонам.

Путь экспедиции был очень труден, так как всё время приходилось двигаться против течения, преодолевая многочисленные пороги и перекаты.

Поярков с партией казаков в 90 человек отправился дальше, наказав оставшимся под командой пятидесятника Минина идти весной волоком, а затем, перевалив через горы, плыть к нему на реку Зею [49, с. 78—79]

Отряд двинулся на лыжах, волоча за собой нарты с кладью. Три недели шли казаки по глубокому снегу и, перевалив через хребет, вышли к верховьям реки Брянты (правый приток Зеи), а по ней — на реку Зею (Джи). Следуя вниз по Зее, казаки в устье реки Умлекан (левый приток Зеи) в первый раз увидели оседлых местных жителей, занимавшихся охотой и земледелием. Это были дауры, которые тоже впервые увидели русских людей. Найдя у дауров хлеб и скот, Поярков решил здесь зазимовать.

Отряд Минина, зимовавший на реке Гонам, прибыл к зимовью Пояркова в начале весны 1644 г. Ко времени его прихода из 90 казаков, вышедших с Поярковым с Гонама, осталось в живых только 40 человек.

Экспедиция не выполнила задания подняться вверх по Амуру, а во время похода Поярков жестоко обращался не только с местными жителями, но и со своими подчинёнными.

Во время своего похода Поярков проплыл по Зее от устья Брянты до Амура и по Амуру — от устья Зеи до моря. В верховья Амура, выше устья Зеи, русским людям удалось проник-

нуть через 6 лет после похода Пояркова. Эту экспедицию осуществил вологодский крестьянин Ерофей Павлович Хабаров, предприимчивый и отважный человек, проживавший на Лене.

Воевода Францбеков по предложению Хабарова приказал по воеводству: «кликать служилых и промышленных охочих людей, которые похотят с Ерофейкой итти на государевых непослушников, на Лавкая и на Батогу, без государева жалованья». Набралось 70 человек. С ними Хабаров весной 1649 г. отправился по реке Лене вниз, затем свернул в Олёкмы и двинулся вверх по ней.

Отряд медленно двигался против течения бурной и порожистой Олёкмы. По дороге к нему присоединялись отдельные промышленники. До наступления морозов дошли до устья Тунгира, правого притока Олёкмы. Изготовив здесь нарты и сложив на них запасы провианта и оружия, отряд Хабарова 18 (28) января 1650 г. отправился вверх по Тунгиру, затем, перевалив «шилькинским волоком» через горы Олёкминского становика, спустился в долину реки Урка [47, 1956] и вышел несколько выше устья этой реки на Шилку, во владения даурского князя Лавкая к верхним его селениям. Здесь им был основан Усть-Стрелочный пост.

Хабаров называет Шилку Шилькаром до её слияния с Аргунью, а вниз от их слияния он именует реку Амуром. (!) Хотя местные эвенки считали Амур естественным продолжением Шилькара.

Выйдя на Амур, казаки быстро дошли до первого Лавкаева городка, который оказался пустым. Пустыми были и следующие. Третий даурский городок, Якса-Албазин, принадлежавший даурскому князю Албазе, показался Хабарову более удобным и надёжным, и он избрал его для своей резиденции. Впоследствии этот городок являлся базой казаков.

В своей отписке Хабаров предлагал прислать на Амур ссыльных или каких-либо других людей для пашенного поселения, потому что «на Амуре реке пашенных угожих мест и сенных покосов и рыбных ловель и всяких угодий гораздо много». Он писал, что хлеба здесь много, что ратным людям из Якутского

острога надобно хлебных запасов до волоку на человека по 7 пудов, а «за волоком... на великой реке Амуре можно хлеба взять у даурских людей и хотя на 20 000 человек» [49, с. 85—88].

Поход Пояркова и первый поход Хабарова на Амур явились весьма важным событием в истории географических открытий, имели международное значение. Результатами открытий Пояркова и Хабарова в то время не преминули заинтересоваться иностранцы. Так, голландец-географ Николай-Корнелий Витзен, пользуясь «отписками», чертежами и «расспросными речами», доставленными Поярковым, Хабаровым и другими русскими землепроходцами, написал книгу о Восточной Сибири. Эта книга долгое время служила почти единственным источником сведений об Амуре не только для западных географов, но и, как ни странно, для русских исследователей.

Между тем освоение Амура русскими продвигалось довольно успешно. На смену Черниговскому приказчиком в Албазин был назначен Фаддей Толбузин, который по каким-то причинам на Амур не прибыл. Вместо него из Тобольска прибыл Иван Осколков, который обратил большое внимание на устройство вверенного ему края. Из Нерчинска сюда приехало несколько семей пашенных крестьян, которые вместе с вольницей и казаками основали по левому берегу Амура слободы: Покровскую, Игнашину, Монастырщину, Андрюшкину, Озёрную и Панову.

В 1676 г. в устье Гилюя было построено Гилюйское ясачное зимовье, а в 1679 г. — два острога: Селенбинский на реке Селемдже и Долонский в нижнем течении Зеи [48].

Поселения пашенных крестьян: основанные крестьянами деревни получали русские личноимённые наименования. Таких названий особенно много в районах первоначальной земельной колонизации, т.е. там, где оседали пашенные крестьяне, осваивая хлебопашество — по долинам рек Зея и Амур. В этих районах сначала возникали так называемые «деревни», названные по именам основателей, которые затем разрослись в крупные сёла. Населённые пункты — остроги, слободы, имевшие

административно-управленческое, торгово-ремесленное или другое общее для жителей значение, носили местное название по наименованию реки, местного племени или князей (Албазин, Горгудар, Бутальский острог, Кумарский острог)

После взятия Албазина 21 (31) июля 1689 г. в Нерчинск прибыло китайское посольство и расположилось в палатках на лугу около города. Его сопровождала 15-тысячная армия. При посольстве в качестве переводчиков были два иезуита — Жан Франсуа Жербильон и Томас Перейра.

9 августа 1689 г. в Нерчинск приехал со своею свитою Головин, и начались переговоры. Головин знал латинский язык, и ему легко было объясняться с иезуитами. Переговоры начались 12 августа. 27 августа (6 сентября) 1689 г. был оформлен договор и подписан с русской стороны Головиным, Власовым и Корницким, а с китайской — сановником Санготу, начальником войск, расположенных вне Великой стены, Тун Гуханом, дядей императора, и полководцем Ланг-Таном.

Согласно первой статье Нерчинского договора, граница устанавливалась по реке Аргуни, от караула Абагайтуй до устья, далее по Шилке — от её устья до впадения реки Горбицы и от истоков Горбицы «по самых тех гор вершинам, даже до моря протяжённым».

Таким образом, согласно Нерчинскому трактату, Россия уступала свои права на Амуре. Однако этот договор сыграл свою роль. До него никакой границы у России с Китаем не было, и Нерчинский договор явился первым политическим актом в отношениях нашей страны с Китаем. Он был следствием начавшегося ещё с похода Пояркова в 1643—1645 годах освоения Приамурья русскими [49, с. 105—107]

Так закончилась одна из славных страниц истории великого русского народа на Дальнем Востоке.

На верхнем участке Амура, от Зеи до слияния Шилки и Аргуни, местность оставалась пустынной. Китайское правительство даже не поставило пограничных знаков, кроме одного пункта близ устья Горбицы, где к стволу толстой лиственницы привешивалась доска с вырезанными на ней иероглифами.

Ежегодно в начале навигации доску заменяли приезжавшие из Айгуни чиновники, которые были заинтересованы не столько в перемене доски, сколько в торговых операциях с шилкинскими казаками. На обоих берегах верхнего плёса Амура со времени оставления их даурами в 1653—1654 гг. и ухода русских в 1689 г. до середины XIX в. не возникло ни одного населённого пункта. Только при устье Кумары (Хумар-хэ) да на перешейке излучины Улусу-Модон (Корсаковский кривун) существовали военные посты, наблюдавшие за тем, чтобы по реке не плавали торговые суда и не проникали на китайскую сторону русские беглецы. Посты были обитаемы только в летнее время, а при появлении шуги их гарнизоны уходили в Айгунь. Часть среднего и всё нижнее течение Амура были населены малочисленными племенами, которые не считали себя подданными Китая или какого-либо другого государства.

II этап (этап «скрытого картографирования», 1689—1858). После заключения Нерчинского договора Верхний Амур «осваивался» в основном картографическими и архивными методами. Вот несколько примеров в хронологическом порядке.

В 1693 г. французский иезуит Ф. Аврил опубликовал русские маршруты в Китай и ознакомил тем самым учёные круги Европы с открытиями русских в Восточной Азии.

Летом 1735 г. профессора Гмелин и Миллер, находившиеся в Восточном Забайкалье, добрались до Аргуни, где Гмелин занялся сбором естественноисторических коллекций, а Миллер стал изучать Нерчинокий архив, в частности материалы по истории пребывания русских на Амуре в XVII в. Он требовал от нерчинского воеводы сведений о том, «какими людьми бывший острог, а потом город Албазин и Камарскии острог строены были и когда и чего ради оные разорены; какие при этом и после от китайского войска на русских нападения были и в каком состоянии граница с китайским государством ныне находится?» [49, с. 29].

Во второй половине июля 1735 г. профессор Миллер отправил из Нерчинска геодезистов Петра Скобельцына и Василия

Шатилова «для отыскания ближайшего пути к Камчатскому морю». Это была как бы отдельная экспедиция с большим караваном и целым отрядом охраны и рабочих (30 человек, в числе которых 20 казаков).

Для геодезистов около Нерчинска были изготовлены плоты, на которые они погрузили снаряжение, припасы, лошадей и быков, предназначенных для перевозки грузов по тайге и на убой во время путешествия. Плыли на плотах до устья Горбицы, где сошли на берег и, навьючив быков, потянулись в глубь лесов, на север по долинам Горбицы, Чёрного Урюма, Желтуги и мелких речек, названий которых не знали. С Чёрного Урюма перешли на реку Тунгир, а с неё — на Амазар, на «амурские покати». Выйдя на Урку и придерживаясь её долины, перевалились на ленские «покати», на реку Нюкжу и, наконец, через девять недель после отплытия из Нерчинска, 1 октября прибыли на приток Нюкжи — речку Еловую. По пути геодезисты составляли карты пройденного маршрута. Расстояние измеряли верёвками, которые поочерёдно тянули за собой участники путешествия.

Зима наступила необычно рано, снега выпали «четвертей в пять». Геодезисты решили зимовать на Еловой и распорядились строить зимовья. Скобельцын и Шатилов оказались эгоистичными, бессердечными людьми. Они всячески обижали служилых людей, проводников. Это заставило служилых казаков оставить экспедицию и уйти обратно в Нерчинск [49, с.113]

В 1736 г. Скобельцын и Шатилов вышли к Зее, откуда двинулись в верховья Амура, надеясь встретить русские поселения. Действительно, они встретили здесь несколько русских, промышлявших охотой, а на развалинах Албазина их приютил обитавший там казак Бурук.

В 1753 г. известный русский гидролог Ф.И. Соймонов изучал фарватер Шилки и разведывал пути по Амуру [49, с.115].

Сибирский губернатор В.А. Мятлев, на которого возлагалось снабжение продовольствием Охотского края и Камчатки, в 1753 г. доказывал правительству, что единственно надёжная

и выгодная для казны мера к доставлению продовольствия в эти края состоит в том, чтобы сплавить его по Амуру. Проект этот, утверждённый сенатом, послужил поводом к посылке Василия Братищева в Пекин, но миссия Братищева в 1756 г. не имела успеха.

В 1756 г. Мятлев запросил мнение селенгинского коменданта бригадира Якоби об изыскании способов свободного сообщения по Амуру.

21 сентября 1756 г. Якоби в своём рапорте сенату предлагал завладеть долиной Амура путём устройства крепостей и флотилий [49, с.114]. Предложение Якоби было оставлено без внимания.

В 1757 г. начальник Охотского порта Шипелев получил из Петербурга приказание привлечь в русское подданство туземцев, кочующих между реками Удью и Амуром.

В 1772 г. академик Пётр Симон Паллас с экспедицией, отправленной в Сибирь в 1768 г., исследуя Даурские горы до китайской границы и между Шилкой и Аргунью, доходил до Амура [49, с. 116]

В 1775 г. Екатерина II приказала отправить из Удского острога партию казаков на реку Амгунь, чтобы основать поселение «сколь возможно ближе к Амуру». Через два года во исполнение этого приказа из Удского острога было отправлено на Амгунь около 30 человек. Маньчжурские власти, узнав об этом, запротестовали, и поселенцы были возвращены. В 1783 г. сибирский генерал-губернатор Лаба представил правительству свои соображения о необходимости присоединения к России Амурского края «ввиду потребности новых колоний (на Алеутских островах и Аляске) и коммерческих предприятий в удобном водном сообщении с Сибирью». Правительство отклонило проект, не желая столкновения с Китаем [49, с.116].

В 1805 г. в Пекин был отправлен чрезвычайный посланник Ю.А. Головкин, которому поручалось войти в переговоры с пекинским двором относительно Амура. Ему предписывалось собрать в Китае сведения о судоходности Амура

и выговорить право на плавание русских судов по этой реке. Но посольство Головкина не дало положительных результатов. С 1815 по 1826 г., в течение 11 лет, ссыльный Гурий Васильев три раза бежал с Нерчинской каторги на Амур. Две зимы он провёл в пещере где-то в верховье Амура, выше Албазина. И все три раза маньчжуры брали его в плен и выдавали пограничным русским властям. На четвёртый раз, в 1827 г., Васильеву удалось избежать встречи с маньчжурскими караулами. Он спустился до самого устья Амура и добрался до Удского поста, где сам явился к властям. На допросе Васильев дал весьма ценные сведения о природе, климате и населении берегов Амура. Эти сведения впоследствии были проверены полковником Ладыженским и использованы в трудах академика А.Ф. Миддендорфа [49, с.116].

Зимою 1844/45 г. академик А.Ф. Миддендорф, возвращаясь из путешествия по Охотскому побережью (в программу которого вовсе не входило исследование Амурского бассейна), рискнул из Удской земли пробраться на Шилку. Им был пройден маршрут: Тугур — Немилей — Керби — Буреинский хребет — Бурея. Отсюда он спустился до устья Нимана, затем поднялся по этой реке до её притока Кебели и прошёл водоразделом Буреи и Селемджи, вершинами горных речек, впадающих в Селемджу, водоразделом между последней и Зеей. Зейским краем Миддендорф прошёл до устья Гилюя, затем, поднявшись вверх по этой реке, достиг водораздела между нею и Ольдоем, прошёл долину Ольдоя и, наконец, долиной Амура добрался от устья Уруши до Усть-Стрелочного караула.

Миддендорф представил сведения о том, что устье Амура и вся область к северу от этой реки фактически не принадлежит Китаю. Открытие это вскоре же повлекло за собою снаряжение двух экспедиций: под начальством Гаврилова (морская) и Ахте (сухопутная).

Ввиду предстоящего разрыва с Англией и Францией русское правительство начало переговоры с китайским правительством о разрешении сплава грузов для Камчатки и Сахалина

по Амуру. Муравьёву же было предписано сплавить грузы своевременно, «даже если бы разрешение на сплав от китайских властей и замедлилось» [49, с. 117].

В том же 1853 г. на Шилке был построен по распоряжению Муравьёва пароход «Аргунь».

4 (16) февраля 1854 г. китайское правительство было уведомлено, что с открытием навигации по Амуру будут сплавлены русские грузы. На ведение переговоров с китайским правительством о разграничении Амура уполномочивался Муравьёв.

14 (26) мая 1854 г. с рейда Шилкинского Завода по Шилке отплыла флотилия барж, плотов и лодок во главе с пароходом «Аргунь». Флотилия сплавляла в низовье Амура грузы и отряд казаков, направлявшийся на Камчатку. Сплавом руководил сам Муравьёв. 18 (30) мая флотилия вошла в воды Амура, 29 мая (10 июня) была у Айгуня, а 15 (27) июня прибыла в Мариинский пост (68). Так состоялся первый «Муравьёвский сплав» по Амуру [49, с. 122—124].

В навигацию 1855 г. был совершен второй сплав к устью Амура — были перевезены первые переселенцы-крестьяне.

В 1856 г., после завершения третьего сплава по Амуру, по левому берегу реки были поставлены русские военные посты Кутомандский, Кумарский, Усть-Зейский и Хинганский. В это же время образуется Приморская область с центром в Николаевске, в состав которой вошли земли, занятые русскими в низовье Амура, остров Сахалин, побережья Татарского пролива и Охотского моря.

27 октября (8 ноября) 1856 г. был утверждён проект положения об Амурской линии — по левому берегу Амура, от слияния Шилки и Аргуни до Мариинского поста [49, с. 123, 124].

За это время была картографически закреплена практически вся макротопонимия Верхнего Амура и Горного Севера Приамурья, т.е. все гидронимы и оронимы (аноронимы) крупных географических объектов эвенкийского, якутского и бурятского происхождения.

III этап формирования топонимии Верхнего Амура («постайгунский», 1858—1907). 16 (28) мая 1858 г. в китайском городе Айгуне был заключён трактат России с Китаем, по которому Приамурье снова стало русским.

В мае 1857 г. началось переселение на Амур забайкальских казаков. Казакам-переселенцам объявлялся ряд льгот, поэтому вначале желающих было много. Но переселение было организовано так плохо, что на следующий год добровольцев почти не оказалось, и дальнейшее переселение велось по жребию, т.е., по существу, принудительным порядком.

В 1857 г. 450 семей Амурского конного казачьего полка были расселены по левому берегу Амура от Усть-Стрелки до Мало-Хинганских рек, образовав 15 станиц и посёлков: Игнашино, Сгибеево, Албазин, Бейтоново, Толбузино, Ольгинский, Кузнецове, Аносово, Кумарскую, Казакевичево, Корсаково, Бибиково, Иннокентьевскую, Касаткино и Пашково. Усть-Зейский пост был перенесён на 3 версты ниже по течению Амура и преобразован в Усть-Зейскую станицу, так как здесь было поселено несколько семей казаков. Тут же стали лагерем приплывшие из Забайкалья 14-й линейный батальон и дивизион лёгкой конной артиллерии.

С первым эшелоном сплава в 1858 г. прибыли казаки, пополнившие селения, образованные в 1857 г. на верхнем Амуре.

С прибытием второго эшелона, сформированного главным образом из аргуньских конных казаков, были основаны станицы и посёлки на Среднем Амуре: Низменная, Константиновская, Сычёвская, Поярковская и др., на Верхнем Амуре — Свербеево, Рейново, Пермикино и др. Станица Усть-Зейская была переименована в Благовещенскую, а вскоре провозглашена городом Благовещенском. Казаки перебрались отсюда на 8 вёрст выше по течению Амура, образовав Верхне-Благовещенский посёлок [49, с. 128—129].

В период с 1857 по 1862 гг. на Амур было водворено 13 209 человек обоего пола, в том числе около 2000 штрафных солдат из бывшего корпуса внутренней стражи, которых распределили по

казачьим семьям в качестве работников — «сынков». «Сынки» эти не проявляли особого трудолюбия, и впоследствии им было предоставлено право выйти из казачьего сословия, чем большинство их и воспользовалось.

Необходимость скорейшего заселения края заставила местную администрацию прибегнуть к поселению на Амуре бессрочноотпускных солдат и матросов и даже отбывших срок наказания ссыльнокаторжных.

Переселение крестьян на Амур из Европейской части России началось в 1859 г. Первыми крестьянскими селениями в Амурской области явились деревни Астраханка (ныне Астрахановка Благовещенского района), основанная переселенцами Таврической и Самарской губерний, и Белогорье, основанная переселенцами, прибывшими из Восточной Сибири (из Иркутской и Енисейской губерний). В следующем, 1860 г. возникли селения Егорьевка на реке Зее, Высокое и село Александровское (ныне город Белогорск) на реке Томи, село Воскресенское (ныне Воскресеновка, Сковородинского района) на Амуре [49, с. 30].

Кроме того, распространился слух о «веротерпимости», т.е. свободе вероисповедания для амурских новосёлов. Это привлекло на Амур староверов из Забайкалья, Западной Сибири и даже из Польши, молокан и духоборов из Самарской, Тамбовской и Таврической губерний, баптистов, субботников и прочих сектантов из разных областей России. Сектанты, будучи в значительной части людьми зажиточными, терпели в дороге меньше лишений, а по прибытии на место захватывали лучшие земли.

Но в целом из-за сложности и дороговизны движение переселенцев шло весьма медленно: с 1859 по 1882 г. в Амурскую область вселилось всего 8704 человека.

В начале 1880-х годов переселению на Амур стало уделяться некоторое внимание, принимаются даже меры к организации помощи переселенцам в пути. Заглохшее в 1882 году переселенческое движение начинает возростать с 1883 г. К 1900 г. на Амур было переселено 27 582 человека общего пола.

С проведением железной дороги от Челябинска до Сретенска передвижение переселенцев значительно облегчилось, и за 9 лет — с 1900 по 1908 г. — в Амурскую область прибыло $42\ 106\$ человек $[49,\ c.\ 130]$

Переселение повлияло в основном на ойконимию. Названия населённых пунктов соответствовали времени их основания (ивентальные), именам и фамилиям основателей и первооткрывателей (именные). Часто ойконимы происходили и от чистой «местной» основы (местные транс-топонимы). Некоторые переселенцы перенесли сюда названия местности, откуда они прибыли (дистантные транс-топонимы). Частично в «постайгунский» этап формирования топонимии исследуемого региона присвоены названия небольшим рекам, озёрам. В достаточно плотно заселённых районах сформировалась микротопонимия.

IV этап формирования топонимии региона («транссибирский», 1907—1924) связан с Амурской железной дорогой (важнейшей частью Транссиба), картографированием, изыскательскими работами, строительством и новой волной заселения.

В 1895 г. правительство стало склоняться к тому, чтобы часть магистрали — от Забайкалья до Уссури — провести через Маньчжурию. Начались переговоры с Китаем, закончившиеся в 1896 г. соглашением о постройке так называемой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Изыскания линии Амурской железной дороги прекратились, сама идея строительства этой дороги исключалась из числа государственных вопросов на неопределённее время.

Только после русско-японской войны, когда возникла острая необходимость связи центра России с Дальневосточной окраиной, царское правительство вновь возвращается к проекту Амурской железной дороги. Во второй половине 1906 г. партии инженеров Ф.Д. Дроздова и Е.Ю. Подруцкого приступили к повторным изысканиям трассы Амурской железной дороги. При этом им предписывалось, чтобы проектируемая трасса пролегала не ближе 15 и не далее 120 вёрст от берегов Амура.

К началу 1907 г. исследованиями было установлено, что западную часть проектируемой линии лучше вести не от Сретенска на Покровку, а от Нерчинска или какого-либо другого пункта вблизи него по долинам рек Куенга, Алеур, Унгурга, Урюм, Амазар, Чичатка до Урки, т.е. до пункта, где находится ныне станция Ерофей Павлович; восточную часть — к верховьям Невера через северную часть Большого Хингана и далее по северному склону плоскогорья Нюкжа.

Полевые работы по изысканию восточной части были закончены летом 1907 г. Были исследованы как основной, так и дополнительные варианты направления трассы (всего до 25 вариантов) от Амазара до Талдана, по рекам Уру (Уркан) и Зее и далее на восток [49, с. 134].

В 1908 г. начались работы по изысканию трассы Амурской железной дороги от Нерчинска до Хабаровска. Строительство путей привлекло значительное количество рабочих-переселенцев. Началось освоение новых пространств.

Строившаяся в течение 10 лет — с 1898 по 1909 г. — грунтовая «Амурская колёсная дорога» от Хабаровска до Благовещенска, прозванная её строителями «Амурской колесухой», на заселение области никакого влияния не имела. Строилась она исключительно трудом каторжников, завозимых из тюрем Сахалина и Забайкалья.

В 1914 г. были сданы в эксплуатацию Западная и Средняя части Амурской железной дороги. По линии железной дороги среди глухой тайги возникло несколько пристанционных посёлков, из которых два — Рухлово (ныне Сковородино) и Гондатти (ныне Шимановск) — при Советской власти преобразованы в города; первый — в 1927 г., второй — в 1950-м.

Строительство Транссибирской железной дороги сопровождалось появлением новых населённых пунктов — пристанционных посёлков. С развитием горнозаводской промышленности были связаны такие, как Алтан («золотой»), Золотая Горка, Джида («медный»), Кассетеритный Ключ, Шпатовые Горы, Золотая Каменушка, Железный Кряж, Железница, Серебрянка и т.д.

V этап (этап «советского освоения Приамурья», 1924—1987). Заселение идёт самыми ускоренными темпами и в плановом порядке.

Следует добавить, что в послевоенный период с принятием системы координат Красовского была упорядочена номенклатура картматериалов, закрыты последние «белые пятна», систематизирована картографическая топонимика в том виде, какой известен сейчас. Территория Дальнего Востока была полностью «покрыта» листами карты мелкого масштаба 1:500 000 и 1:1 000 000. Возникают новые географические названия, вызванные социалистической эпохой, экономическим и культурным развитием края. Строительство посёлков и городов, открытие и освоение новых географических объектов сопровождаются появлением новых названий, принципиально отличных по своему содержанию от старых.

Однако не следует поспешно утверждать, что в «советский» период топонимика региона была исковеркана. О противоположном свидетельствуют факты формирования ойконимии БАМ.

Названия посёлкам и станциям первоначально давали изыскатели и проектировщики. Эти названия были в основном эвенкийского или якутского происхождения и связаны с ближайшими географическими объектами. Чаще использовали названия рек, озёр: Олёкма, Нюкжа, Чильчи, Ларба, Лопча, Дипкун, Дугда, Огорон и т.д.

В 1960 г. Министерство транспортного строительства и Министерство музей сообщения предложили переименовать одну из станций (Олёкму или Усть-Нюкжу) в честь Ф.А. Гвоздевского, крупнейшего инженера путей сообщения, руководившего изысканиями и проектированием БАМ в 1938—1942 гг. Но в 1987 г. по предложению Междуведомственной комиссии по топонимике имя Ф.А. Гвоздевского было присвоено безымянному разъезду 2399.

12 июля 1985 г. принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему строительству Байкало-Амурской магистрали», в 22-м пункте которого было

216 О.Ю. Тарасов

записано: отразить в названиях станций, посёлков участие в строительстве дороги Ленинского комсомола, союзных и автономных республик, областей, городов, увековечить память особо отличившихся строителей магистрали. Междуведомственная комиссия по географическим названиям, рассмотрев это предложение, пришла к выводу, что заменять уже вошедшие в употребление названия нецелесообразно, их необходимо сохранить (Огорон, Дипкун, Тугаул, Баралус. Дугда и т.д.), а рекомендовала переименовать безымянные разъезды. Взамен предложенных многословных названий, таких как «Имени 65-летия ВЛКСМ», «Имени XVII съезда ВЛКСМ», «Имени XIX съезда ВЛКСМ», предложены были названия «Первопроходцы», «Энтузиасты», «Молодогвардейцы». Были отклонены названия в честь А.А. Рууза, Гр.А. Федосеева, Н.А. Островского, Ф.И. Грибова, П.Ф. Рязанцева.

В июне 1986 г. разъезды были наименованы «Молдавский», «Первопроходцы», «Ульяновский строитель» [57, с. 55—58]. В 1986 г. одному из разъездов было присвоено имя «Апетенок» (в честь рядового железнодорожных войск Олега Апетенка, спасшего своих товарищей во время разлива рек).

На территории Восточного Забайкалья и Верхнего Приамурья на протяжении многих веков менялись исторические условия, происходили сложные общественные процессы — передвижение и смещение народов и племён, обладавших различной языковой культурой. В этом длительном водовороте общественных событий и скрешиваний языков происходило формирование топонимии. При этом каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в топонимию новое на своём языке, изменяла и модифицировала структуру прежней топонимии, создавала новый топонимический пласт. Иногда эти видоизменения были настолько сильными, что форма и смысл некоторых древних топонимов дошли до нас в искажённом до неузнаваемости виде, например Сибирь, Китой, Лена, Олёкма, Арахлей и т.д.

В результате этого процесса на территории Верхнеамурского этнотопонимического субстрата образовалась сложная топонимия, наслоение географических названий различного языкового происхождения — эвенкийского, тюркского, бурятского и русского.

Сравнительно древними географическими названиями, имеющими наибольшее распространение на территории вышеуказанного субстрата, являются топонимы эвенкийского происхождения. Они широко распространены в таёжной зоне — в бассейнах Архары, Лены, Амура и Зеи. Вкрапления эвенкийских названий встречаются и в южной части Амурской области. Значительное территориальное преобладание эвенкийских топонимов свидетельствует о том, что тунгусоязычные племена были широко распространены на данной территории.

Наиболее отличительными признаками, позволяющими распознать эвенкийские названия, являются различные суффиксы и частицы при эвенкийских топонимах. Например, -кан, -кэн — суффиксы уменьшительной формы; -нга, -ндя — суффиксы почтительного отношения, увеличительной формы; -чан, -чон, -чэн — суффиксы пренебрежительности (дэткэн — «болото», Дэткэчен — «болотишко», буга — «местность», а Бугачан — «плохая местность», но бугарихта — «исключительная местность»; -кит — суффикс, обозначающий место действия (дава — «перевал», Давакит — «место перевала», анам — «лось», Анамкит — «место охоты на лося или река, где бывают лоси», гори — «линька гусей», Горкит — «место гусиной линьки», олло — «рыба», Оллокит — «рыбное место»; -ма — суффикс имени прилагательного (мо — «дерево», Мома (Мама) — «деревянный» (лесистый), -чи — суффикс означающий в отличие от -ли не место действия, а просто место (магдага — «поваленные деревья», Магдагачи — «место поваленных деревьев»).

Некоторое распространение на территории Верхнеамурской зоны имеют также бурятские (монгольские) географические названия. Они территориально в основном не совпадают

218 О.Ю. Тарасов

с местами современного расселения бурят, что указывает на более позднее появление бурятской топонимии в пределах указанной территории, особенно в западной её части.

Значительное распространение имеют названия тюркоязычного происхождения. Они встречаются в районах, смежных с Якутией (Каларский район в Забайкальском крае, Тындинский, Селемджинский Зейский в Амурской области и т.д.).

Фиксация топонимов в Приамурье началась с периода его освоения русскими. В этот момент появляются и первые славянские географические имена. Русские географические названия на территории Верхнего Амура и Горного Севера Амурской области являются новым элементом, количественно богатым наслоением на древнюю топонимию. Они возникли постепенно, по мере освоения и заселения необжитых или слабо населённых территорий Сибири русским и другими славянскими народами.

Появление русских в Приамурье не вносило коренной ломки в структуру топонимии, так как сам процесс заселения и присоединения данной территории к России был относительно мирным. Но важно ещё и то, что на «исследовательских» стадиях освоения проводниками были представители местных этносов, которые пользовались общей для них сложившейся топонимией. И русские первопроходцы приняли её для удобства, правда с некоторыми искажениями в русском языке. Свободным, необжитым землям, которые по существу не имели своей собственной топонимии, присваивались славянские названия. Поэтому русскоязычные названия относятся к сравнительно мелким географическим объектам, которые к моменту прихода русских были безымянными или имели неустойчивые названия, - малые реки, речки, озерки, небольшие топографические объекты и т.п., тогда как более или менее крупные географические объекты у нас, как правило, имеют местные (коренные) названия.

Однако обращение к прошлому ставит перед нами сложную задачу. История формирования топонимики региона,

неотрывно связанная с историей географических открытий, и история освоения— параллельны ли они хронологически? Так бывает далеко не всегда.

В современных границах Амурская область существует сравнительно недавно. С середины XIX в. и до наших дней её территория входит в единый политико-административный и хозяйственно-экономический комплекс всего Дальнего Востока, административное деление которого неоднократно менялось.

Заселение Дальнего Востока людьми началось очень давно. Самые древние следы человека разумного, обнаруженные учёными на юге Хабаровского края и Амурской области относятся к периоду раннего палеолита (древнекаменного века) [34, 50]. По мнению учёных, появление древнейших людей в Приамурье происходило приблизительно в то же время, что и в Юго-Восточной Азии, Южной Европе и Сибири. Находки археологов, датированные возрастом от 40 до 15 тыс. л. (период позднего палеолита) более многочисленны. В это время люди расселились по всей территории Восточной и Северо-Восточной Азии, проникли на о. Сахалин, который был тогда полуостровом, и через Берингию (сухопутный мост, соединявший в древности Чукотку с Аляской) — в Северную Америку [1, 50].

Проходит время, и культурной доминантой Дальнего Востока (в том числе Приамурья) становится Древний Китай. К северу от него в VII—XII вв. существовало несколько самостоятельных государств, среди которых наибольшую известность приобрели Бохай и Золотая империя чжурчжэней — Цзинь [20, 21, 49, 50].

Появление русских землепроходцев открыло новую страницу в истории Верхнего Приамурья. Освоение Приамурья первыми землепроходцами начиналось с северных территорий. В 1639 г. отряд казаков во главе с Иваном Москвитиным вышел к берегам Охотского (Ламского) моря [66, 40—43].

Походы В.Д. Пояркова (1643—1646 гг.) и Е.П. Хабарова (1649—1653 гг.) положили начало присоединению «под

220 О.Ю. Тарасов

высокую государеву руку» Приамурья. До появления русских на Амуре проживали племена дауров, дючеров, эвенков, натков, гиляков и др. — около 30 тыс. человек. Приамурье быстро осваивалось русскими людьми. К началу 80-х гг. XVII в. в бассейне Амура проживало до 800 душ. В мае 1858 г. в г. Айгуне (правый берег Амура) был подписан договор о разграничении владений в Приамурье.

Всего со времени присоединения Приамурья до начала XX в. было переселено 126 тыс. крестьян. За это же время в состав Амурских казачьих войск прибыло около 26 тыс. человек.

После окончания гражданской войны и присоединения к РСФСР временно созданной Дальневосточной республики краем управляли многие видные советские общественные деятели. Первым председателем Дальревкома и Далькрайисполкома был Я.Б. Гамарник.

Такова краткая историческая линия освоения Верхнего Приамурья, чётко привязанная к историческим фактам и политическим документам.

Но обратим внимание на то, что история освоения не рассматривает этапы «скрытого картографирования», когда готовилась почва для будущего многочисленного населения. Исторический обзор не охватывает мощный этап «транссибирской» стройки, в которой закладывались основы экономического развития региона, проводились серьёзные геологические и геодезические изыскания.

Конечно, в истории есть этапы дописьменного освоения, которыми занимается археология, но топонимический аспект касается в основном конкретного названия на картографическом или ином письменном материале, иначе топоним перестаёт быть топонимом — названием, строго привязанным к конкретной местности или физико-географическому объекту. Поэтому выводы могут быть неоднозначными: что является более точным — история формирования топонимики или история развития и освоения региона? Рассматривать эти два исторических направления отдельно друг от друга нецелесообразно, поскольку они как нельзя лучше дополняют друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. 96 с.
- 2. Амурская область: Опыт энциклопедического словаря / коллектив авторов: М.А. Буря, Н.В. Гриценко, Н.Г. Павлюк и др. / под ред. Н.К. Шульмана. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во, 1989. 414 с.
- 3. Андерсен Д. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Наука, 1998. 136 с.
- 4. Атлас Амурской области / научные руководители Н.К. Шульман, Н.Г. Павлюк. Новосибирск: Роскартография, 2000. 48 с.
- 5. Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. М.: Русский язык, 1988, 304 с.
- 6. Булатова Н.Я. Язык эвенков Амурской области // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII—XX вв. Владивосток: ДВГУ, 1993. С. 191—194.
- 7. Бурыкин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 224 с.
- Бурыкин А.А. Роль изучения топонимики для археологических и историко-этнографических исследований // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Н.Н. Дикова (11—13 сент. 2001 г., Магадан). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 147—153.
- 9. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Наука, 1948. 352 с.
- 10. Воробьёва И.А. Топонимика Западной Сибири. Томск: ТомГУ, 1977. 152 с.
- 11. Воробьёва И.А. Язык Земли: О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 152 с.
- 12. Вяткина К.В. Буряты // Народы Сибири. М.: Наука, 1956. С. 217—266.
- 13. Габышев Е.С. Курыканы-хоринцы в этногенезе ламутов // Языки, культура и будущее народов Арктики: Материалы междунар. конф. (8—11 окт. 1993 г., Красноярск). Красноярск: Сибирь, 1993. С. 99—104.
- 14. Гадло А.В. Этнография народов Сибири и Дальнего Востока. Л.: Наука, 1987. 85 с.
- 15. Голубев В. Топонимика Белогорска и Белогорского района. Белогорск: Белогорский краеведческий музей, 2011. 148 с.

222
О.Ю. Тарасов

16. Голубь Б.М. Комплексный историко-топонимический подход к исследованию территории Еврейской автономной области. Биробиджан: БГПИ, 1995. 65 с.

- 17. Голубь Б.М. Точка на карте. Краткий топонимический словарь EAO: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Биробиджан: БГПИ, 2005. 75 с.
- 18. Горцевская В.А., Колесникова В.Д., Константинова О.А. Эвенкийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958. 311 с.
- 19. Гурвич И.С. История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1955. 462 с.
- 20. Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (4—10 вв.). М.: Наука, 1984. 223 с.
- 21. Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Восточная литература, 2014. 319 с.
- 22. Дмитриева Л.М. Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. конф. (24—27 февр. 2000 г., г. Омск). Омск: ОмГУ, 2000. С. 40—44.
- 23. Дмитриева Т.Н. Путевые описания Г.Ф. Миллера как историко-топонимический источник (на материале топонимии бассейна р. Казым. 2002 http://zaimka.ru/ethnography/burykin9.shtml/Indexhtml [Дата обращения 14.09.2003]
- 24. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 622 с.
- 25. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.
- 26. Иойриш И.И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда: История, право, экономика. М.: Наука, 1966. 206 с.
- 27. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (II половина XVII—нач. XX века). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1976. 224 с.
- 28. Карпов Е. Проблемы социальной мобильности эвенков Забайкалья в 1950—1990 гг. Иркутск: БГУЭП, 2003. 106 с.; табл.
- **29. Кейметинов В.А.** Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Якутск: ЯГУ, 1996. 186 с.
- 30. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей (репр.). Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во, 1994. 441 с.
- 31. Клоков К.Б. Кочевое оленеводческое население: оценка возможностей этносоциальной адаптации и развития // Этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 1. СПб.: Наука, 1996. 28 с.
- 32. Колесникова В.Д. Словарь эвенкийско-русский, русско-эвенкийский. Л.: Просвещение, 1983. 256 с.

- 33. Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.; Л.: Наука, 1964. 272 с.
- 34. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 358 с.
- 35. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989. 459 с.
- 36. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1984. 324 с.
- 37. Линховоин Л.Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан Удэ: Бурятское республ. кн. изд-во, 1972. 101 с.
- 38. Мельников А.В., Афанасьев П.Ю., Коробушкин Н.Г. Топонимика географических названий Амурской области. Благовещенск: АмурКНИИ ДВО РАН, 2004. 132 с.
- 39. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
- 40. Мясников В.С. Российско-китайские отношения в 1689—1916 гг.: Официальные документы. М., 1956.
- 41. Мясников В.С. Империя Цинь и Российское государство в XVII веке. М., 1980.
- 42. Мясников В.С. Маньчжурские исследования в России: Бюл. Тойо Бунко. Токио, 1997.
- 43. Мясников В.С. Подтверждено договорами. Дипломатическая история российско-китайской границы. М., 1996; Хабаровск, 1997.
- 44. Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1964. 216 с.
- 45. Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 62—72.
- 46. Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: НГУ, 1988. 132 с.
- 47. Новиков-Даурский Г.С. Печать Албазинского острога. Сковородино // Амурская звезда. 1958. № 66.
- 48. Новиков-Даурский Г.С. Казаки-землепроходцы Амуре в XVII веке. Сковородино // Амурская звезда. 1956. № 54.
- 49. Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961. 356 с.
- 50. Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003.
- 51. Окладников А.П. История и культура Бурятии. УланУдэ: Бурят. кн. изд-во, 1976.
- 52. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: в 3-х частях. М.; Л.: АН СССР, 1950—1955.

224
О.Ю. Тарасов

53. Паленко И.А. Амурская область. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во, 1966. 581 с.

- 54. Петров А. Лексика духовной культуры тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны). СПб.: Образование, 1997. 173 с.
- 55. Понкратова Л.А. Социально-эконоамические и экологические проблемы развития малочисленных народов в Амурской области // Проблемы экологии Верхнего Приамурья: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Дугинцова. Благовещенск: АмГУ, 1993. С. 158—165.
- 56. Спеваковский А.Б. К проблеме этногенеза и ранней этнической истории тунгусов Сибири // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М.: Наука, 1979. С. 4253.
- 57. Сутурин Е.В. Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во, 2000. 126 с.
- 58. Сюльбэ Б. Топонимика Якутии: Краткий научно-популярный очерк. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1985. 144 с.
- 59. Тарасов О.Ю. К вопросу о новой классификации топонимов и использовании топонимического анализа. // История, опыт, современность: материалы регион. науч.-практ. конф. (12—14 сент. 2001 г., Хабаровск). Т. 1. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 2001. С. 120—127.
- 60. Тарасов О.Ю. Особенности топонимики северной части Амурской области. // Приамурье форпост России на дальневосточных рубежах: материалы регион. науч.-практ. конф. (14—16 нояб. 2006 г., Благовещенск). Благовещенск: АОКМ, 2006. С. 55—60.
- 61. Тарасов О.Ю. Топонимика Дальнего Востока. Культурологический анализ. Хабаровск: КНОТОК, 2002. 52 с.
- 62. Туголуков В.А. Эвенки. Эвены // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 129—168.
- 63. Туров М.Г. Антропогеоценозы Байкальской Сибири в позднем голоцене и проблема истоков культуры подвижных охотников таёжной зоны // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпоз. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. С. 475—485.
- 64. Шульман Н.К. По рекам и тропам Верхнего Приамурья: Исследования природы Амурской области до 1917 года. Благовещенск: БГПИ, 1994. 141 с.
- 65. Шульман Н.К., Шиндялова И.П. Новое ценное пособие по географии пашей Родины // Вопр. географии Верхнего Приамурья. Благовещенск: БГПИ, 1975. С.113—115.
- 66. Якутия в XVII веке (очерки). / под ред. С.В. Бахрушева и С.А. Токарёва. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1953. 242 с.

Г.Х. Самигулов

ФОРМИРОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В УСЛОВИЯХ СОСЛОВНОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИЧКИНСКИХ ТАТАР)

Ичкинские татары — одна из татарских групп Южного Зауралья. Представители этой группы сегодня компактно проживают в Сафакулевском и Шадринском районах Курганской области, представляя собой две подгруппы: ичкинскую и альменевскую. Собранная на сегодняшний день информация позволяет предварительно реконструировать схему формирования этой этнической группы. Очень многое приходится предполагать, поскольку данных пока недостаточно. Но первые результаты уже есть.

Ключевые слова: татары, формирование, этнические группы, Россия.

G.H. Samigulov

The formation of the Turkic Ethnic Groups in the conditions of the estate Russian State (on the example of the Ickinskiye Tatars)

The Ichkinskye Tatars is one of Tatar groups of Southern Trans-Ural rergion. Nowadays the representatives of this group solidly live in Safakulevsky and Shadrinsky regions of Kurganskaia oblast as two sub-groups: Ichkinskaia and Al'menevskaia. The information gathered up to the present, gives an opportunity preliminary to recognize the scheme of forming this ethnic group. We need to suppose many things for now there are not many data yet. But there are the first results.

Key words: Tatars, formation, ethnic groups, Russia.

Ичкинские татары — одна из татарских групп Южного Зауралья. Представители этой группы сегодня компактно проживают в Сафакулевском и Шадринском районах Курганской области, представляя собой две подгруппы: ичкинскую и альменевскую. Собранная на сегодняшний день информация позволяет предварительно реконструировать схему *226* Г.Х. Самигулов

формирования этой этнической группы. Очень многое приходится предполагать, поскольку данных пока недостаточно. Но первые результаты уже есть.

В 1670-х годах грамоту на владение землёй по р. Ичкин получают тобольские служилые татары братья Сейдяшевы. «Сейдяшевы» в данном случае отчество. С большой долей вероятности, отцом братьев был Сейдяш Кульмаметев, упоминающийся в различных документах то как служилый татарин, то как бухарец. Помимо земли по р. Ичкин (притоку р. Исеть) Сейдяшевы получили обширные территории в верхнем течении р. Тобол. Отвод на Ичкине стал местом формирования локального сообщества. Перепись Льва Поскочина зафиксировала в Ичкинских юртах дома братьев Сейдяшевых, их дворовых людей (калмыков) и 7 семей татар, переселившихся из Поволжья. Перепись 1710 г. зафиксировала: «И всего Ичкинских татар... 47 юрт в них людей мужеска полу 158 человек женска 131 человек» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 696). В 1735 г. в Ичкинские юрты переселяется из Приуралья мурза служилых мещеряков Тонкачев со своими людьми.

В 1754 г. ичкинские татары получают статус «служилых татар». Причём под общим обозначением «ичкинские татары» было объединено население Ичкинской и Сибиркиной деревень, Терсютских, Кызылбаевских и Алабужских юрт. Можно предположить, что значительную часть населения Терсютских и Кызылбаевских юрт составляли представители местных племён, в первую очередь племени терсяк, на чьей территории эти поселения и располагались. П.И. Рычков отмечал, что до этого они состояли в «пятигривенном» ясаке Таким образом, в рамках новой служилой сословной группы были объединены тобольские служилые татары, служилые мещеряки и бывшее ясачное население.

Вскоре после 1754 г. ичкинским татарам была выделена земля на территориях Каратабынской и Барынтабынской волостей (сегодня территория Альменевского района Курганской области). Первое поселение носило название Альмен-Куль, или Могильное (по русскому названию озера). В 1781—1782 гг.

в ходе губернской реформы старые поселения ичкинских татар и вновь отведённые земли оказались принадлежащими разным губерниям — первые относились к Шадринскому уезду Пермского наместничества, а вторые — к Челябинскому уезду Уфимского наместничества. После проведения губернской реформы население вновь созданной Могильной (Ичкинской) волости Челябинского уезда стремительно растёт. В 1783 г. в единственной деревне Альмен-Куль насчитывалось 30 дворов переселенцев из Ичкинских юрт. В период Генерального межевания (1802 г.) в новой Ичкинской волости насчитывалось 4 деревни, где проживало 415 душ мужского пола. При этом старые поселения — Ичкинские, Терсютские и Кызылбаевские юрты — не теряли своего значения. В 1798 г. при создании Башкиро-Мещерякского войска ичкинские татары обоих уездов вошли в состав сословия мещеряков.

Таким образом, формирование общности ичкинских татар произошло в рамках служилого сословия. При этом, невзирая на наличие мещеряцкого компонента в исходном составе группы и длительное вхождение ичкинцев в состав мещеряцкого сословия в рамках Башкиро-Мещеряцкого войска, они не восприняли мишарскую идентичность, а позиционировали себя в этническом плане именно как «ичкинские татары».

ЖИЛЫЕ, ПРОМЫСЛОВЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И РИТУАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ НАРОДОВ АМУРА (СЕРЕДИНА XIX—НАЧАЛО XXI в.)

Рассматриваются особенности жилых, промысловых, хозяйственных построек народов Амура. Богатый этнографический материал иллюстрирует специфику амурских построек и их привязку к историко-географическим реалиям. Прослеживаются культурно-региональные связи амурчан с соседними народами и их влияние на типы построек народов Нижнего Амура.

Ключевые слова: народы Амура, жилые, промысловые, хозяйственные, ритуальные стройки, их специфика, культурно-региональные связи.

D.V. Yanchev

Residential, fisheries, farming and ritual constructions of the peoples of the Amur River (the middle of the 19th-21st cc.)

In the article housing, trade, economic and ritual constructions of the peoples of Amur River are considered. Rich ethnographic material illustrates the specificity of their constructions and their binding to historical-geographical realities. Cultural-regional communications of Amur residents with the neighbouringt peoples and their influence on types of constructions of Amur residents are elucidated. **Key words:** the Amur residents, housing, trade, economic, ritual constructions, their specificity, the cultural-regional communications.

Специфика хозяйственной деятельности негидальцев и физико-географические условия области расселения этого народа предопределили все постройки, которые отличались друг от друга своей формой и назначением.

Жилые постройки. Наиболее древним постоянным жилищем у негидальцевбыла полуземлянка вытянутой прямоугольной формы, углублённая в землю на 50 см. Стены, выходящие наружу, сложены из наклонно поставленных тонких

плах и увенчаны четырёхскатной крышей (Штернберг Л.Я. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 101. № 8. Л. 34).

Два продольных и два поперечных бревна опирались на четыре столба, поставленные на углах. На этих же брёвнах покоился каркас крыши, состоящий из накатника и наваленной глины. Дверь располагалась на узкой стороне. Полуземлянка освещалась тремя окнами, одно из которых находилось рядом с дверью, остальные — на продольных сторонах. Внутри помещался очаг, но без трубы. Дым выходил в отверстие, проделанное в крыше. Малые стены полуземлянки забирались тальниковой решёткой и обмазывались глиной с примесью травы.

Полуземлянки использовались негидальцами до конца XIX в., но уже тогда исследователи отмечали почти полную застройку стойбищ наземными жилищами, в том числе у нивхов, ульчей, маньчжур [12, с. 59-68]. По-видимому, это объясняется изменением условий жизни коренных народов в рассматриваемый период. У негидальцев наземные постоянные жилища раньше предназначались для большой семьи. К концу XIX — началу XX в. большие жилые дома стали исчезать, вместо них строились дома меньшего размера, предназначенные для малой семьи. Зимник имел четырёхугольную форму с двухскатной крышей. Как правило, дом строили однокамерным, без перегородок. Вход делали в продольной стороне дома, где отсутствовали тёплые лежанки. Каны располагались по четырём сторонам жилища (лишь около дверей часть стены была свободной). Они представляли собой очаг, обложенный каменными плитами и обмазанный глиной; сверху находились лежанки [7, с. 23].

При строительстве дома вначале очищали площадку размером 5—6 м. Там, где предполагалось устроить каны, землю утрамбовывали и обмазывали слоем глины. После просушки получался глинобитный пол. Затем ставили столбы — каркас стен, которые делались двумя способами — «в забирку» и «в плетёнку»: в первом случае использовали брёвна или доски, во втором — тальниковые прутья (Штернберг Л.Я. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 101. № 8. Л. 34).

Для XIX в. наиболее распространённым был дом со стенами, изготовленными «в плетёнку» из прутьев тальника и обмазанными смесью глины с травой или глины с шерстью диких зверей. Кроме прутьев тальника материалом для возведения стен служили лёгкие жерди: во внешних столбах зимника продалбливали узкие пазы, в них и вставлялись жерди. Высоту стен делили тремя жердями, которые переплетались вертикально прутьями тальника или ольхи. В результате получалась густая решётка — основа стены с внешней и внутренней стороны.

Второй тип стен изготавливали «в забирку». Материалом для стен служили тонкие брёвна или планки и доски, техника возведения стен — также пазовая. В пазы вертикально стоящих столбов каркаса вставляли планки или закладывали брёвна. Бревенчатые или дощатые стены обмазывали глиной. После возведения стен дома приступали к сооружению крыши. Она была двухскатной, на центральные столбы клали конёк, параллельно ему настилали две балки, которые являлись несущими конструкциями крыши. В больших домах имелось с каждой стороны по 2—3 балки, в малых домах — по одной. Перпендикулярно им настилали жерди, которые иногда вплотную прилегали друг к другу, но чаще всего образовывали обрешётку. Крышу покрывали двумя-тремя слоями берёсты или еловой коры, настилая их друг на друга: первый слой параллельно коньку, второй — перпендикулярно, и т.д. На стены крыши накладывали слой глины толщиной 5—10 см, поверх неё — пучок травы или соломы, которую заготавливали заранее. Травяное или соломенное покрытие прикрывали тонкими жердями, лежащими попарно и скрещенными вверху (Штернберг Л.Я. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 101. № 8. Л. 34).

При анализе негидальских стойбищ я пришёл к выводу, что определённому типу стойбища соответствуют вполне определённые жилые и хозяйственные сооружения, как бы выбранные из стандартного набора и расположенные на пространстве определённой площади. Этот выбор диктуется сроками нахождения людей на стойбище и его конкретным типом, связанным

с функциональным назначением и природно-климатическими особенностями, а также во многом зависит от конкретного состава и численности проживающей группы. Площадь летнего стойбища занимала в среднем территорию 50×50 м. Набор и расположение построек летнего стойбища стандартизированы. Определённая направленность в организации внутристойбищного пространства вполне может быть прослежена, хотя в каждом конкретном случае она имеет свои особенности, вызванные спецификой площади, составом кочевого коллектива, а также индивидуальным творчеством. В результате осознанного планирования размещения всех построек летнего стойбища его площадь на местности имеет форму расширенного конуса, в вершине которого находится чум.

Площадь осеннего стойбища примерно такая же, как летнего, но несколько иной формы — округлая, близкая к квадрату. Внутренняя структура весеннего и осеннего стойбищ практически идентична.

Постройки зимнего стационарного стойбища включали в себя четырёхугольный срубный дом (зимнюю избушку или чум ∂ аура), амбар ∂ элкэн, иногда с навесом — крышей из корья, навесом ∂ олган и (или) чум ∂ для собак. Площадь зимнего стойбища обычно значительно больше, чем других типов стойбищ, максимальные его размеры ∂ 100 м² (около ∂ 000 м²).

Промысловые постройки отличались друг от друга в зависимости от назначения. На территории охотничьих угодий чаще сооружали срубное зимовье. По словам С.А. Гохты*, для такой постройки требовалось заготовить 50—52 плахи. Брёвна разрубали на две части по длине и получали плахи длиной 2,25—2,5 м. Зимой счищали с земли снег до дёрна и устанавливали две опоры — фундамент. Каждая опора состояла из трёх длинных плах (3—4 м): две из них плотно вдоль клали на землю, а третью — на них сверху. Ширина между опорами — 3—4 м. На верхней плахе вырубали глубокий паз, в который

^{*} Семён Андреевич Гохта 1916 г. рождения; родился в пос. Усть-Амгунь, проживал в пос. Кальма.

вставляли вертикальные с небольшим наклоном плахи, служившие стенами. Перед тем как установить стены, с внутренней стороны опор ставили каркас из вертикально стоящих столбов-плах с небольшим наклоном к крыше и прямоугольной рамой наверху. Полученный каркас обставляли вертикальными с наклоном плахами, оставляя неприкрытым только входное и дымовое отверстия в зимовье.

Внутри жилища устраивали места для охотников. Для этого разравнивали землю, предварительно очистив её от дёрна, настилали слой еловых или пихтовых веток. На них спали охотники. Наверху имелось отверстие для выхода дыма. Место для очага огораживали камнями или срубом из плах, внутренность его засыпали землёй. Огонь в очаге поддерживался в течение всей ночи. Под стенами из жердей сооружали настилы для продовольствия, снаряжения и продукции охотничьего промысла. В охотничьем зимовье преимущественно жили мужчины во время зимнего промысла пушных и копытных животных.

Кроме постоянного зимовья негидальцы строили и временное промысловое сооружение полуцилиндрической формы, из 6—10 длинных тальниковых прутьев, установленных дугообразно на прямоугольной площадке на небольшом расстоянии друг от друга. Дуги скрепляли продольными шестами. Таким образом получали каркас, на который накладывали покрытие из берестяных полос (тисок). Высота такого шалаша незначительная (130—140 см), но он вмещал от двух до пяти человек [4, с. 756]. Пользовались этим шалашом рыбаки во время массового хода красной рыбы или охотники, вышедшие на добычу копытных животных. Очаг устраивался за пределами шалаша.

Свои жилища (чумы) охотники устанавливали в верховьях небольших речек, где водился пушной зверь. Здесь стояли недолго, несколько дней, пока охотники обходили район. По словам негидальца Казарова*, берёсту для шитья покры-

^{*} Александр Павлович Казаров 1921 г. рождения; родился в пос. Чукчагир, умер в пос. Кальма.

шек приготавливали следующим образом: большие полосы берёсты снимали с деревьев в конце июня — июле, тщательно скоблили ножом с наружной стороны, осторожно снимая верхний слой. После этого берёсту сворачивали в трубки и кипятили в воде с пеплом. Хорошо очищенная и проваренная берёста становилась эластичной.

Другим типом временных построек был *утан* (*утэн*) — зимний конусообразный охотничий шалаш, который строили из толстых, плотно поставленных друг к другу круглых брусьев. При постройке сооружения сначала ставили пирамидально две пары основных опорных стоек, связанных попарно вверху врезанными в них горизонтальными шпонками, с парой таких же перекладин. Так что вверху образовывалась четырёхугольная рама, а весь остов постройки имел форму усечённой пирамиды. Утэн был обычно не более 3—4,5 м в диаметре при такой же высоте. На высоте 1,5 м к стойкам крепили перекладину, на которую деревянными крюками подвешивали котлы. Единичные постройки такого типа сохранились, по сведениям В.Н. Васильева, в районе Амгуни вплоть до середины 1920-х годов (Штернберг Л.Я. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 101. № 8. Л. 34).

В начале XIX столетия в связи с уменьшением численности не занятых в грузоперевозках оленей и повышением на них цен ровдужные покрышки чумов стали уступать место матерчатым [2, с. 102]. Да и сам чум стал вытесняться палаткой. Шили её из материи в форме треугольника, обычно с двухскатными отвесными стенками. Натягивали на остов, состоящий из двух вертикальных стоек с развилиной наверху, в которую укладывали продольную жердь. Спереди и сзади палатки укрепляли в земле по две длинные жерди — крест-накрест каждая пара, к жердям верёвками или ремнями привязывали края палатки. Перед установкой её в зимнее время сначала очищали место от снега и снимали верхний слой дёрна или моховой покров. Образовывалась углублённая площадка (3×3 м), которую устилали хвойными ветвями. Сверху ставили палатку, которую снаружи утепляли — подводили под палатку сруб в 2—3 венца [3, с. 357]. Посередине палатки

устанавливали печку с длинной железной трубой. Часто в палатки вшивали окна из тонкого светлого материала, преимущественно использовали сукно или мочевой пузырь животных. Заимствованы они были от золотопромышленников, но существенно усовершенствованы [9, с. 187].

Временным жилищем охотникам-негидальцам служил односкатный шалаш (*калта*), изготовленный из кольев и веток; пользовались им в основном в верховьях Амгуни.

Ещё одним типом временных построек на рыболовных промыслах был летник. Его постройку начинали с заготовок жердей тальника длиной 1,5-3 м. Выбранный участок очищали от кустов и высокой травы, по его окружности втыкали жерди (диаметр круга 4—5 м). Затем в диаметрально противоположном направлении жерди (таибун) сгибали и связывали друг с другом, в результате получался каркас сферической формы. Верхнюю часть каркаса покрывали полотнищем из берёсты и ровдуги, а позднее — парусом и куском берёсты, часто брезентом. Такие жилища строили негидальцы, орочи, ороки. Стену и крышу некоторые группы негидальцев называли талу — берёста. У верховской группы негидальцев (в верховьях Амгуни, где нет больших деревьев), по словам А.П. Казарова, утэн обивался дощечками, прибитыми к остову. Внутри находились только постели, а всё оборудование, припасы, оружие укладывали перед летником у стены или на специальных столиках-помостах. В центре разводили костёр, на него ставили котлы для приготовления пиши.

Теневые навесы (*калтан*) утраивали только на летних стойбищах (*урикит*), в небольших, хорошо продуваемых колках. На сучьях деревьев при помощи жердей и лапника делали настил высотой до 3 м, стены с двух сторон закрывали порослью лиственницы. Величина навеса зависела от количества оленей в стаде [12, с. 287].

У низовской группы негидальцев, хозяйственный уклад которых такой же, как у народов Приамурья, теневые навесы не использовали, так как оленей не держали [5]. На местах рыболовного и охотничьего промыслов представители этой груп-

пы сооружают временные укрытия от дождя и ветра *нела*. Делают это следующим образом: в землю вертикально вбивают две жерди с развилками на концах. На них кладут перемычку, к которой приставляют в наклонном положении несколько жердей. Полученный свод покрывают берёстой или корой кедра.

В наши дни негидальцы иногда пользуются ветровыми заслонами *нела* и часто палатками *зохайа*. При установке палатки всегда делают из жердей каркас в виде двускатной крыши, на который и натягивают палатку. Когда снимаются с ночлега, каркас палатки не разрушают, а оставляют на месте для использования в следующий раз.

Наиболее распространённом типом временных построек на рыболовных промыслах был летник. Постройку его начинали с заготовок жердей тальника длиной 1,5—3 м. Избранный участок очищали от кустов и высокой травы, по его окружности втыкали жерди (диаметр круга чаще всего составлял 4—5 м). Затем в диаметрально противоположном направлении жерди *тургу* связывали друг с другом, в результате получался каркас сферической формы. Внутри находились только постели, а всё оборудование, припасы, оружие укладывали перед летником у стены или на специальных помостах. В центре его разводили костёр, ставили котлы для приготовления пищи.

В тайге, на местах промыслов, строят стандартные типовые избушки из брёвен, несколько напоминающие прежние, но с более усовершенствованной планировкой внутри жилища. Жилая площадь равна 18—20 м². Как правило, на одном охотничьем участке находится 2—3 охотничьих домика. Поэтому охотник ночует в том зимовье, около которого заканчивает свою дневную охоту. База обычно располагается в центре охотничьих угодий. К ней охотники свозят туши убитых зверей, как правило крупных животных, и при удобном случае отправляют их воздушным или санным транспортом в расположение главной усадьбы охотничьего хозяйства. На земле или на снегу устраивают *тэпкен* настил из 2—4 жердей, положенных в разрядку на нескольких поперечно расположенных брусках и застланных сверху хвоей. На этот настил

складывают дорожные сумы с имуществом и запасами продуктов, ружья и другой скарб, а сверху всё сложенное прикрывают от дождя и снега полотнищем *улаптин* из ткани, берестяных пологов или меховых ковриков.

Хозяйственные постройки. Кроме промысловых построек негидальцы сооружали вспомогательные хозяйственные постройки на местах пушного промысла или у реки, где производилась заготовка рыбы впрок. Важными сооружениями были амбары на сваях: надстройки на верху здания, на высоких столбах с разгородкою досками в 2—3 яруса; второй этаж, ярус, вышка, мезонин, терем, башнях [6, с. 80]. Свайные постройки были нужны для сохранения продовольствия от зверей, грызунов, при неблагоприятных климатических условиях. Возникли они конвергентно, независимо от народностей других материков и стран. Возможно, они относятся к глубинному культурному пласту предков тунгусского и палеоазиатского населения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Строили «амбары» двух типов — малые и большие: малые имели четыре сваи, большие — шесть. На передней паре столбов сооружали терраску. На её основании и задней паре столбов устраивали 5—6 венцов тонких брёвен, срубленных «в лапу», или ставили угловые столбы с пазами и забирали их досками, прутьями, которые снаружи обмазывали глиной. В передней части имелась дверь, прорезанная во всю длину сруба. Переплёт двери состоял из боковых столбиков, притолочки и порога. Дверь делали из досок, сбитых двумя фигурными планками, и подвешивали на решётках. Двухскатную крышу амбара покрывали сеном или корой (с начала XX в. кровельным материалом стала дранка). В амбаре хранили одежду, различную утварь, охотничьи принадлежности, выделанные шкуры и др. [11, с. 167—169]. Другим типом свайного амбара был н'унэйэ такту. Делали его несколько другим способом. На помосте сооружали полуцилиндрический каркас, который являлся и крышей и стенами. Для этого клали последовательно пару продольных и поперечных жердей. Продольные жерди располагали ближе друг к другу — так, чтобы

они образовали свод. Полученный остов покрывали пластами коры. Вход в амбар делали в виде щелевого люка в помосте снизу. Входили в амбар по специальному бревну с зарубками. По словам негидальца А.П. Казарова, раньше в таком амбаре не только хранили вещи для хозяйственных нужд — в нем во время промысла проживала семья охотника, защищённая от хищников и врагов. Пеший охотник устраивал амбар, как сообщает Г.М. Василевич, на время, пока ходил за зверем [2, с. 156]. У нанайцев в прошлом этот вид амбара использовался мужчинами для сборов. По преданиям, в них хранилось вооружение рода, но с распадом родовой организации необходимость в таких сооружениях отпала [7, с. 47]. Аналогичный амбар существовал и у ороков Сахалина [8, с. 77].

С приходом русских на Амгунь и ознакомлением с техникой русского домостроения у негидальцев появились жилища со стенами, сложенными из толстых брёвен. Они освоили технику срубного домостроения. Этот процесс происходил постепенно и занял не один десяток лет. Срубы делали «в угол», «в охряпку», реже «в лапу» и «в охлуп». Промежутки между брёвнами затыкали мхом или шерстью диких зверей. Наряду с этим существовали зимние каркасные жилища с отапливаемыми нарами. Эту конструкцию наряду с пазовой техникой домостроения следует считать универсальной, так как она встречается почти у всех коренных народов Приамурья [10, с. 234].

Появление срубных домов, новшества в технике возведения стен привели к изменению конструкции наземных домов: надобность в угловых опорных столбах отпала, так как сам сруб обеспечивал жёсткость конструкции. В начале XX в. на смену глинобитной крыше появились крыши, крытые тёсом, досками. Тесовые крыши чаще всего крылись «вразбежку», т.е. нижний ряд укладывали не вплотную, а с промежутками и щелями, верхний же ряд — на промежутки нижнего. Дверь всегда располагалась в торцевой стене дома, обращённой к реке с таким расчётом, чтобы ветер не дул в сторону дома. Она изготавливалась из досок, которые сверху скреплялись двумя наружными горизонтальными планками, щели закрывали мхом.

Проём для двери устраивали на высоте 10—15 см от основания дома. Он служил преградой для проникновения влаги и грязи. Дверь навешивали на петли из кожи дикой свиньи, или же она имела выступающие шипы, служившие осью вращения. На замок дверь не закрывали, а поднимали палкой или завязывали верёвкой.

Очаг делали из каменных плит, поставленных на торец, или из больших валунов.

Существовало несколько видов лабазов, которые тогда употреблялись в хозяйстве негидальцев: нёку — площадка из накатника или колотых плах на поперечных балках, укреплённых на двух или четырёх вертикальных сваях; колбо — небольшая площадка на четырёх вертикальных сваях, сверху устраивался двускатный шалаш, покрытый корьём лиственницы.

У низовских негидальцев бытует хозяйственная постройка *ситки*, сходная по форме с нивхским срубом для выкармливания медведя. Делается это сооружение так: из толстых брёвен *зинали* возводят сруб *иваплэ* в угол высотой 1,5—3 м, сверху закрывают толстыми жердями или плахами и засыпают землёй. Эта постройка возводилась в тени деревьев, в тёплое время года использовалась для хранения свежего мяса и рыбы.

Рядом с постоянным жилищем негидальцев устанавливают двускатную коптильню. По словам негидальца Федотова для её сооружения расчищают площадку 2×2 м, в центре которой выкапывают круглую яму диаметром 70—80 см и глубиной 15—20 см. Над ямой в виде двухскатной крыши устраивают из жердей каркас высотой до 1,5 м. Его покрывают корой кедра со всех сторон, за исключением входного отверстия, закрываемого брезентом или дощатой дверью. Внутри коптильни, в яме, разжигается костёр, дающий достаточное количество тепла и много дыма. Под крышей коптильни, над костровой ямой, устраивают несколько горизонтальных жердей. Такие коптильни встречаются и сейчас как у верховских, так и у низовских негидальцев.

В 1920-е годы негидальцы объединялись в промысловые артели под руководством Интегралсоюзов. С кооперацией

хозяйства и переводом людей на оседлый образ жизни количество национальных стойбищ резко сократилось, а сам хозяйственный уклад претерпел значительные изменения. Негидальцы стали выращивать овощи, держать коров и лошадей. Появились не свойственные их хозяйственной культуре постройки, в частности конюшни и коровники. Всё больше строили домов европейского типа, но в промысловых и хозяйственных постройках сохранились принципы традиционного типа жилища. Объяснялось это и данью традиции, и тем фактом, что они полностью соответствовали хозяйственно-культурному типу охотников, рыболовов, который во многом сохраняется и сейчас.

К 1950-м годам и эти постройки стали заменять домами — зимниками стандартного европейского типа. Амбары на сваях в это время уже не строили, хотя они были очень удобны для хозяйственных нужд. Из промысловых построек употреблялись ветровые заслоны нела и срубное зимовье из плах, а также вешала и коптильни. В августе 1992 г., находясь в экспедиции, мы наблюдали, как негидальцы продолжают использовать традиционные коптильни хенакта для копчения продуктов и тепловой обработки одежды, которая после этого не промокает.

Таким образом, хозяйственные и промысловые постройки негидальцев являются важной частью их материальной культуры. Сам характер и тип построек в большой степени зависит от уровня развития общества, процесса производства материальных благ, вида хозяйственной деятельности и естественно географических особенностей территории расселения народности. Анализ этнографических данных позволяет говорить о широком распространении традиционных промысловых и хозяйственных построек на всей территории расселения негидальцев. Наличие же общих устойчивых признаков в них и постройках других народностей региона подтверждает мысль о тесных связях и культурных влияниях между отдельными народами, что не могло не отразиться на традиции сооружения жилищ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич Г.М. Отчёт об Аяно-Майской экспедиции 1920 г. Л., 1925. С. 78.

- 2. Василевич Г.М. Эвенки: Ист.-этногр. очерки (XVIII начало XX в.). Л., 1969.
- 3. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 357.
- 4. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878. Т. 2.
- Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 2. Прочие тунгусские племена // Зап. ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1906. С.197.
- 6. Пекарский Э.К. Маньчжуро-русский словарь. СПб., 1875. 51 с.
- 7. Сем Ю.А. Нанайцы: Материальная культура (вторая половина XIX середина XX в.): этнографические очерки. Владивосток, 1973.
- 8. Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
- 9. Смоляк А.В. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 187
- 10. Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск, 1976.
- 11. Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980.
- 12. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. 2.

УДК: 947.045/.05+951.06/.07

В.Н. Чернавская

РОССИЯ И КИТАЙ В XVII в.: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Представлен сравнительный анализ социально-экономического и социально-политического развития России и Китая в XVII в., когда две страны вступили в «межцивилизационный контакт». В основе анализа лежат концепции, разработанные в отечественной историографии.

Ключевые слова: Россия, Китай, XVII в., отечественная историография.

V.N. Chernavskaya

Russia and China in the 17th c.: a Comparative Analysis

The article contains a comparative analysis of socio-economic and socio-political development of Russia and China in the 17th c. when these two countries started "an inter-civilization contact". The base is the conception material of two Russian manuals of History for higher institutions on Russia and China.

Key words: Russia, China, the 17th c., a comparative analysis, Russian historiography.

В постановлении Президиума РАН (ноябрь 1992 г.), итоговых материалах конференций, «круглых столов», проведённых журналами «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», и в статьях отдельных российских учёных было признано необходимым сосредоточить творческие усилия научных коллективов на разработке ряда проблем, наиболее важных для развития отечественной исторической науки на рубеже XX—XXI вв. Среди них одной из первых названа проблема типологии и историко-сравнительного анализа цивилизаций [1, с. 7]. Попытка такого анализа представлена в данной статье.

242 В.Н. Чернавская

Россия стала первой и единственной европейской державой, для которой государства Дальнего Востока исторически оказались непосредственными соседями [5, с. 3]. П.Е. Скачков пишет, что «с полной достоверностью можно говорить о знакомстве китайского народа с русским и с названием нашей страны ещё в XIV в. (об этом повествуют страницы истории Юаньской (монгольской) династии)» [10, с. 14]. В XVII в. китайская держава пришла в соприкосновение с Российским государством вследствие активного продвижения русских землепроходцев и поселенцев от Урала всё дальше на восток к Тихому океану. Вопрос о том, что представляли собой две эти великие страны в XVII столетии в социально-экономическом и социально-политическом аспектах, не может не вызывать научного интереса.

Так как история Китая и России XVII в. в отечественной историографии представлена, безусловно, очень широко, а каждый вопрос, в свою очередь, требует отдельного анализа, мы сравним лишь концептуальные положения, характеризующие историческую обстановку в России и Китае в исследуемый период, разработанные и представленные в двух учебниках для высших школ [6, 7], а также в ряде монографий известных отечественных историков. Рассмотрение становления дипломатических отношений между странами не входит в нашу задачу (см. [9]).

В XVII в. две великие соседние державы, Россия и Китай, вступили в «межцивилизационый контакт» (определение дано академиком В.С. Мясниковым [9]). В истории каждой страны есть периоды, имеющие особое значение для последующего её развития. Предшествующий XVI в. оставил России и Китаю много проблем. На рубеже XVI—XVII в. обе страны оказались в состоянии глубокого социально-экономического, политического и духовного кризиса. В его основе лежал ряд внутриполитических и внешнеполитических факторов: духовно-нравственных, экономических, династийных, сословных, национальных, межгосударственных противоречий. Для России «главным злом» было крепостное право, а для Китая — наличие евнухов, оказывающих огромное влияние на политику имперского двора. Обе страны оказались на грани потери национальной независи-

мости: для России это польско-литовская интервенция, для Китая — опустошительные набеги северных соседей — маньчжуров. Важную роль в противостоянии и противодействии агрессии играли народные массы и лидеры из народа.

Для России конец XVI — начало XVII в. — период, который в исторической литературе принято называть «Смутным временем», или «Смутой». Ещё современники выделяли его как особый эпизод истории России [6, с. 127]. Это было время глубокого социально-экономического, политического и духовного кризиса русского общества [6, с. 130—131]. Смута начала столетия надолго запомнилась современникам и потрясениями от самозванцев, интервентов, и борьбой народных масс с притеснителями, и хозяйственным разорением, которое удалось изжить лишь спустя немалое время [3, с. 52]. Большинство исследователей считают началом Смуты вступление на престол Бориса Годунова (1598 г.), а события Смутного времени «заканчивают» освобождением Москвы и избранием Земским Собором 1613 г. царём Михаила Фёдоровича Романова, хотя Смута ещё продолжалась в течение нескольких лет.

Китай в эпоху правления Минской династии (1368—1644) пережил и взлёты и падения. Пришедший к власти император Юн Лэ (1403—1424 гг.) оказался вторым, и последним после основателя династии Чжу Юаньчжана, по-настоящему сильным её правителем. При нём Минский Китай достиг процветания и могущества, расширились его международные связи, произошло усиление международного влияния Китайской империи в Индокитае и Юго-Восточной Азии [7, с. 249]. Ещё одним важным по своим последствиям было решение императора о переносе столицы из Нанкина в Пекин [7, с. 142].

Первая половина правления Минской династии была отмечена энергичной внешней политикой — китайская держава стремилась утвердить себя как истинный центр мировой цивилизации [7, с. 256, 257]. Именно в этот период окончательно сложилась и укрепилась внешнеполитическая доктрина китайской империи, в рамках которой весь окружающий мир рассматривался как варварская периферия, с которой

244 В.Н. Чернавская

возможны лишь вассальские отношения. Первоначально усилия правящей династии были сосредоточены на решении задачи полного изгнания из страны монгольских завоевателей: ещё в первые десятилетия XVI в. Китай перешёл к наступательным действиям против кочевников.

В России неурожайные годы (1601—1603) вызвали сильнейший голод. Недовольство масс вылилось в восстание холопов, которое возглавил Хлопок. Историки считают это восстание началом Крестьянской войны. После смерти Бориса Годунова (16-летний сын Фёдор и его мать были убиты) престол захватил Лжедмитрий I, но 17 мая 1606 г. бояре-заговорщики убили Лжедмитрия I, и на престол вступил Василий Шуйский. В 1606—1607 гг. во время правления Шуйского произошло восстание Ивана Болотникова, ставшее кульминацией Крестьянской войны. В такой острый момент имела место попытка польской интервенции, которая в скрытой форме выразилась в поддержке Лжедмитрии I (1606—1607 гг.) и Лжедмитрия II (1607—1610 гг.). В 1610 г. в России наступило междуцарствие — Семибоярщина (1610—1613) [6, с. 132]. Над страной нависла реальная угроза потери национальной независимости.

Уже с начала 1611 г. широкие массы народа стали подниматься на борьбу за освобождение Отечества. Первое народное ополчение возглавил Прокопий Ляпунов, руководитель рязанского дворянства. Посадские люди Нижнего Новгорода, большого и богатого города-крепости на Волге (Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский) стали руководителями Второго ополчения, первый — военным, второй — хозяйственным. Их стараниями численность ополчения, состоявшего из 2—3 тыс. воинов, быстро увеличилась до 10 тыс. 22 октября 1612 г. ополченцы с боем взяли Китай-город, а через четыре дня интервенты капитулировали. Москва была освобождена усилиями народа, который, как нередко бывало в истории России, проявил в эти трудные времена мужество, терпение и выдержку, спас государство от распада и национальной катастрофы [3, с. 38—40].

21 февраля 1613 г. в Москве состоялся Земский Собор, на котором стоял вопрос о выборе нового русского царя. На рус-

ский престол претендовали несколько кандидатов. После долгих обсуждений был избран новый царь — 16-летний Михаил Романов, сын тушинского патриарха Филарета, «в миру» боярина Фёдора Никитича Романова, который в это время находился в польском плену. Михаил Романов приходился внучатым племянником первой жене Ивана Грозного Анастасии Романовой [6, с. 135].

Избрание царём представителя русской боярской фамилии, находившегося в родстве, хотя и по женской линии, с Иваном Грозным и Фёдором Иоанновичем, имело в ту пору большое национальное значение [3, с. 40]. В конкретных геополитических условиях того времени был избран путь дальнейшего развития России: самодержавие как форма политического правления, крепостное право как основа экономики и православие как идеология [6, с. 137]. Вернувшийся в 1619 г. из польского плена Филарет энергично взялся за внешнеполитические дела. Отец царя и патриарх, он по существу возглавлял правительство, направлял его действия в отношениях с зарубежными странами. Главное место в них помимо Польско-Литовского государства занимали Швеция и Турция. Следствием интервенции и крестьянской войны начала XVII в. явилась жестокая хозяйственная разруха. Современники называли её «великим Московским разорением». Огромные массивы культурных земель находились в заброшенном состоянии и поросли лесом. Многие деревни превратились в пустоши.

В Китае в эпоху Мин, несмотря на значительные достижения, действовали социальные механизмы, определявшие движение династического цикла. Примерно со второй половины XV в. подъём постепенно сменился упадком. Составляющие кризиса были теми же, что и в прежние времена. Одним из главных факторов являлся рост народонаселения, обгонявший введение в оборот новых сельскохозяйственных земель. К концу XVI в. в сравнении с начальным периодом правления династии количество пахотной земли, приходившееся на душу населения, сократилось почти вдвое. Усиливаются налоговые притязания властей, связанные с необходимостью содержания

246 В.Н. Чернавская

государственного аппарата, а также финансирования военных действий. Показателем кризиса, как всегда, были народные выступления против властей, отмеченные с начала XVI в., а также политическая борьба, развернувшаяся при императорском дворе. На протяжении XVI в. правление временщиков из числа евнухов становится истинным бедствием политической жизни Китая. Именно эта проблема выдвигается на первый план в ходе реформаторского движения, начатого представителями минского чиновничества, обеспокоенного положением дел в державе [7, с. 250—251].

В 1620 г. реформаторам удалось добиться прихода к власти молодого императора, согласившегося поддержать их планы. (Программа действий была разработана дунлиньцами, членами Академии Дунлинь.) В общих чертах она совпадала с предложениями более ранних реформаторов и была направлена на предотвращение династического кризиса путём установления гармоничных отношений между государством и обществом в результате сокращения налогового бремени и возвышения роли честных чиновников, радеющих о благе Отчизны. Важной частью их предложений явилось принятие мер по прекращению захватов земель самостоятельного крестьянства крупными землевладельцами. Однако враждебные придворные группировки организовали заговор. Правитель был отравлен, и власть вновь оказалась в руках придворной клики, в которой главную роль играли евнухи. Таким образом, те силы, которые стремились к предотвращению развития тенденций, способных привести к глубокому общественному кризису, чреватому падением правящего дома, проиграли, и это делало перспективу внутренней смуты почти неизбежной [7, с. 256].

В истории России переломным временем, наполненным событиями бурными и героическими, стал XVII век. Заканчивалась эпоха средневековья, начиналась эпоха «нового периода». Реформы Петра I (1682—1725) стали прямым продолжением и развитием того, что замышлялось и проводилось в жизнь, пусть ещё робко и непоследовательно, при его деде

и отце. XVII столетие в представлении современников и потомков — важный рубеж в истории России, в её движении от старого к новому:

- 1. XVII век важнейший этап в развитии рыночных торговых связей. Начинается формирование всероссийского национального рынка. Его центром становится Москва. Налаживаются связи между областными рынками. К концу XVII в. хлебный рынок появился в Сибири. В пушной торговле большую роль играли Соль Вычегодская, лежавшая на дороге из Сибири, Москва, Архангельск, Свенская ярмарка под Брянском, Астрахань, в последней трети века — Нижний Новгород и Макарьевская ярмарка, Ирбит (Ирбитская ярмарка) на границе с Сибирью [3, с. 68]. В торговле с Востоком первенствующую роль играла Астрахань, за нею шли сибирские города Тобольск, Тюмень и Тара. Казна и частные торговцы вели операции со странами Средней Азии и Кавказа, Персией и империей Великих Моголов в Индии. С конца XVII в., особенно после заключения Нерчинского договора (1689 г.), развиваются торговые связи с Китаем. Конкуренция иностранных купцов вызывает активные протесты русских торговцев.
- 2. На развитие хозяйства, эволюцию классов и сословий существенное тормозящее развитие оказывал крепостнический режим, достигший своего апогея именно в этом и последующем столетиях. Ужесточение эксплуатации со стороны феодалов и его государственных карательных органов вызывало усиление протеста народных масс. Недаром XVII в. современники назвали «бунташным»: «голодные бунты» 1601—1603 гг. и восстание Хлопка знаменуют начало народного движения. Первая крестьянская война под предводительством И. Болотникова (1606—1607 гг.), ряд городских восстаний в середине столетия, Вторая крестьянская война под предводительством С. Разина (1670—1671 гг.) и стрелецкие восстания в последней четверти века [3, с. 16, 17; 6, с. 141—143].
- 3. Изменения, подчас весьма существенные, затронули многие сферы жизни: государственное устройство и армию, внутреннюю и внешнюю политику, финансы и суд, взаимоотношения

248 В.Н. Чернавская

государства и церкви, культуру и быт. Именно в это время Россия возвращает ряд исконных древнерусских земель, утерянных в предыдущие столетия иноземных вторжений и ордынского ига. Её территория увеличивается не только на западе, но и на востоке: наступает эпоха великих географических открытий в Сибири, продвинувших границы страны до берегов Тихого океана.

4. С XVII в. связано освоение Сибири, имевшее важное народнохозяйственное значение. Вслед за промышленными и военными людьми в Сибири появились поселения русских крестьян. В итоге заселения Западная Сибирь стала основным земледельческим очагом края. Все земли в Сибири, за исключением церковных, являлись государственной собственностью [3, с. 52—88].

Китайская минская династия в первые десятилетия XVII в. также столкнулась с серьёзными проблемами: глубоким внутренним кризисом и угрозой, исходившей от маньчжуров — соседей Китая на севере*. Ослабленная внутренней войной, продолжавшейся более 15 лет, а также борьбой против маньчжуров, постоянно предпринимавших опустошительные набеги на Китай, Минская династия была не способна противостоять внутренней смуте [7, с. 260, 262]. В 1630—1640-х годах китайская держава находилась на завершающем этапе очередного династического цикла. Как и в предшествующие годы, этот процесс сопровождался увеличением налогового бреме-

^{*} Г.В. Мелихов подчёркивает, что «под Северо-Востоком (Дунбэем) имеется в виду территория трёх современных северо-восточных провинций Китайской Народной Республики (Ляонин, Гирин и Хэйлунцзян), а также часть территории Автономного округа Внутренняя Монголия. Однако в условиях XVII в. эти районы ещё не являлись частью Китая. Для XVII в. нельзя применять к данному району термин «Маньчжурия», ибо собственно маньчжурские племена занимали только небольшую часть указанной территории, а появление самого обозначения этого района как «Маньчжурия» относится к концу XIX — началу XX в.». Все эти соображения, пишет Г.В. Мелихов, «заставляют нас в дальнейшем применять термин «Северо-Восток» как географическое понятие, но в более узком смысле, чем современное название «Дунбэй» [8, с. 3].

ни, сосредоточением земель в руках имущей части деревни, ростом торгово-ростовщической эксплуатации и коррупции чиновничества. Всё это привело к одному из наиболее продолжительных и мощных в истории Китая народных восстаний — войне 1628—1644 гг. [7, с. 261].

Война 1628—1644 г. стала одним из наиболее продолжительных и мощных в истории Китая народных восстаний. В апреле 1644 г. Пекин был захвачен отрядом повстанцев под руководством Ли Цзычэна, а последний император династии покончил жизнь самоубийством. Заняв столицу, победители старались обеспечить порядок в городе и установить спокойствие, но Китай ждало другое серьёзное испытание [7, с. 261—262].

Видный маньчжурский военачальник Нурхаци сумел создать в первом десятилетии XVII в. первое государство маньчжуров. Его сын и преемник хан Абахай провозгласил государство Цин (Чистое), став его первым правителем. К этому времени маньчжуры восприняли многие элементы китайской культуры, в первую очередь некоторые важные принципы государственного управления. В начале 40-х годов XVII в. маньчжуры постоянно совершали опустошительные набеги на территорию Китая, уводя с собой тысячи пленных, которых обращали в рабов. Минское государство не могло защитить своих подданных. Завоевание маньчжурами Китая, начавшееся при поддержке минского генерала У Саньгуя весной 1644 г., продолжалось почти 40 лет и завершилось лишь в 1683 г. После вступления в Пекин маньчжуры провозгласили императором Китая одного из сыновей хана Абахая. С этого момента на протяжении 267 лет в Китае правила маньчжурская династия Цин (1644—1911) [7, с. 263].

Завершив захват Северного Китая, маньчжуры столкнулись с упорным сопротивлением в провинциях Центрального и Южного Китая. Здесь в отражении маньчжурского вторжения приняли участие самые широкие слои городского и сельского населения [7, с. 264]. Но продвижению маньчжуров на юг способствовало отсутствие единства среди военных и политических сил, стремившихся к изгнанию захватчиков.

250 В.Н. Чернавская

Попытки достичь организованного объединения патриотических сил были безуспешны, единый центр, способный объединить и возглавить сопротивление вторжению кочевников, так и не сложился [7, с. 263, 265]. Сильное сопротивление, принявшее формы партизанской войны, развернулось в Юго-Восточном Китае, главную роль в его организации сыграли представители патриотически настроенных слоёв населения. Наиболее известным было имя Чжэн Чэнгуна, выходца из состоятельной купеческой семьи, занимавшегося прибрежной торговлей.

Последним центром патриотической борьбы оставался Тайвань. Государство, созданное Чжэн Чэнгуном, было сильным в военно-политическом и экономическом отношениях. При династии Чжэнов осуществлялись меры, направленные на подъём экономики, поощрялось освоение новых земель, развитие рыболовства, различных промыслов. После подавления маньчжурами всех очагов сопротивления на континенте правители Тайваня сочли дальнейшую борьбу против династии Цин бесперспективной и признали власть маньчжуров. Так завершился последний, четвёртый, этап подчинения Китая (1662—1683 гг.) [7, с. 266].

Маньчжурское нашествие стоило Китаю огромных жертв. Маньчжурское завоевание было последним, но далеко не первым поражением могущественной китайской империи в борьбе с кочевниками. Причины поражения во многом были вполне традиционными: ослабление государства, связанное с завершающим витком династического цикла, многолетняя внутренняя смута, подточившая основы державы. Определённую роль, несомненно, сыграло и то, что патриотические силы не смогли добиться единения в борьбе против кочевников; более того, часть китайской элиты выступала на стороне завоевателей. Отмечается и гибкость политики, проводившейся маньчжурским правительством. Впоследствии именно маньчжуры непреклонно придерживались стратагемной внешнеполитической доктрины минской империи, в рамках которой весь окружающий мир рассматривался как варварская периферия, с которой возможны лишь вассальские отношения [7, с. 266]. В частности, достаточно ярко это проявилось и в отношении к России.

Уже на протяжении XVI в. имели место контакты с европейцами, до этого Китай развивал торговые отношения лишь с арабами и персами. Первыми более или менее регулярные отношения с китайской империей установили португальцы, прибывшие в Гуанчжоу в 1516 г. За португальцами последовали голландцы, занявшие в 1624 г. Тайвань, затем англичане, первая экспедиция которых подошла к берегам Китая в 1637 г. Помимо торговцев в Китай прибыли католические миссионеры [7, с. 259]. Есть сведения о поездке в Китай в 1641—1642 гг. тарского конного казака Емельяна Вершинина, который привёз в Россию грамоту. Н.Ф. Демидова и В.С. Мясников доказывают, что эту грамоту получил именно Вершинин, и устанавливают предположительно, что грамота составлена во второй половине 1641 г. или в начале 1642 г. и дана от имени последнего императора династии Мин Сыцзуна [10, с. 18, 19].

Выход русских казаков под командой Ивана Юрьевича Москвитина на побережье Тихого океана (1639 г.) открыл эпоху освоения русскими юга Дальнего Востока и формирования Тихоокеанской России. Начало исследования Амура и хозяйственного освоения региона исторически совпали с периодом завоевания Китая маньчжурами и утверждения в 1644 г. маньчжурской династии Цин. Таким образом, становление дипломатических связей между Россией и Китаем пришлось на период правления в Китае двух династий: китайской Минской (1368—1644 гг.) и маньчжурской Цинской (1644—1911 гг.).

Экспедиция В.Д. Пояркова (1643—1646 гг.) «проведала» новую дорогу в Приамурье, совершила плавание по р. Зея и части Амура и вышла в Охотское море, собрав ценные сведения о регионе. В 1649 г. Я.П. Хабаров взялся за организацию на Амур новой большой экспедиции. В июне 1651 г., усилив свой отряд, он двинулся вниз по Амуру. В 1654 г. из Тобольска ко двору уже новых правителей Китая — маньчжуров — отправилось с подарками и с большой свитой первое русское официальное посольство. Во главе посольства был поставлен Фёдор Исакович Байков, ставший первым официальным послом в Китай. Отказ Байкова выполнить при представлении императору

252 В.Н. Чернавская

унизительный этикет, как того требовали маньчжуры, послужил формальным поводом к прекращению переговоров. Посольству было предложено выехать из Китая. Обратный путь посольства Ф.И. Байкова на родину был очень трудным; только 31 июля 1657 г. оно вернулось в Тобольск, а в августе следующего года — в Москву [9, с. 20]. Историки считают, что одной из причин неудачи миссии было незнание членами посольства маньчжурского или китайского языка. Переговоры велись с большими трудностями. Но основная причина холодного приёма, оказанного российскому послу, заключалась в сложной политической обстановке, в которой Китай находился в это время. После захвата маньчжурами Китая прошло всего 12 лет. Цинов беспокоили темпы продвижения русских в Восточной Сибири — Амур лишь на несколько сотен километров отстоял от вотчинных земель династии Цин в Южной Маньчжурии [10, с. 20].

Г.В. Мелихов пишет, что с 40-х до 70-х годов XVII в. географические представления Цинов о периферии Северо-Востока и о прилегающих районах продолжали оставаться весьма смутными [8, с. 103]. В 1684 г., после постройки Ивового палисада и к моменту составления и выхода в свет первого описания Мукдена, представления о границах Цинской империи на Северо-Востоке получили уже более конкретное выражение [8, с. 108].

Поездки в Китай Сеиткула Аблина (1654, 1658, 1668 гг.) и Ивана Перфильева (1658 г.) дали сравнительно немного новых сведений о Китае [10, с. 21]. Учитывая, что назрела крайняя необходимость установить с Цинской империей нормальные дипломатические и торговые отношения, русское правительство в 1675 г. организовало тщательно подготовленное посольство, во главе которого был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Милеску-Спафарий. Неудачу посольства можно объяснить не только отказом русского посла удовлетворить неоднократные требования цинского правительства о выдаче эвенкийского князя Гантимура, принявшего русское подданство в 1655 г., но и отсутствием у маньчжуров заинтересованности в установлении нормальных

отношений с Русским государством, а также, в известной мере, сложностью ситуации внутри страны [10, с. 23—25].

Как отмечалось выше, завоевание маньчжурами Китая завершилось лишь в 1683 г., и только конец XVII в. — XVIII в. стали периодом постепенного возрождения Китая, понёсшего тяжёлые потери в годы внутренних смут и маньчжурского нашествия [7, с. 267]. Маньчжурское правительство учло уроки народных восстаний и установило сравнительно умеренные нормы налоговых изъятий. В сущности лишь землевладельцы имели налоговые и повинностные обязательства по отношению к казне. Это отвечало интересам всего сельского населения [7, с. 267]. XVII—XVIII вв. стали временем экономического подъёма и дальнейшего развития культуры страны. После подчинения Китая маньчжурский двор предпринял завоевания, направленные против соседних с Китаем народов [7, с. 271]. Одним из важнейших мотивов (видимо, наиболее существенным), считают исследователи, было желание ликвидировать вековечную опасность, угрожавшую китайской земледельческой цивилизации со стороны кочевой периферии. Эту опасность маньчжуры, в недавнем прошлом сами кочевники, осознавали вполне отчётливо [7, с. 271].

Попытки русского правительства установить торговые и дипломатические отношения с Китаем в XVII в. практически не имели успехов. Миссии И. Петлина, Ф. Байкова, И. Милованова, Н.Г. Милеску-Спафария и других принесли мировой науке сведения о ранее не известных в Европе сухопутных дорогах в Китай через Монголию и Маньчжурию, однако не выполнили поставленных перед ними непосредственных задач [10, с. 27].

Русское проникновение в земли, сопредельные с границами Китая, было встречено Цинским правительством настороженно. Оно опасалось установления власти нового соседа к северу от Маньчжурии, которую рассматривали в качестве укрытия в случае изгнания из Китая. В связи с этим отношение маньчжуров к территориям, примыкавшим к бассейну Амура, было вполне определённым: они стремились оградить их военной силой от внешнего проникновения, не проявляя

254 В.Н. Чернавская

при этом стремления к хозяйственному освоению этих территорий*. «С середины 70-х гг. Цины начали активную подготовку агрессивных действий в Приамурье, направленных в первую очередь против центра русской колонизации края — г. Албазина» [8, с. 93]. Во второй половине 80-х гг. XVII в. по соглашению сторон решение «амурской проблемы» было перенесено из военной сферы в дипломатическую. 29 августа 1689 г. состоялся съезд послов, на котором был подписан Нерчинский договор. Он стал начальным этапом пограничного размежевания между Россией и Китаем на Дальнем Востоке.

Подводя итоги, сделаем следующие выводы: Сама История сделала Россию и Китай соседями. И для России, и для Китая как для любой другой страны мира, были характерны и взлёты, и падения. И той, и другой стране пришлось решать вопрос взаимоотношений со Степью, т.е. с кочевниками. В XVII в. обе они находились на стадии феодальных отношений, и можно проследить много общих черт в их развитии (формационный подход). Россия представляла совсем ещё молодую, формирующуюся цивилизацию, а Китай — одну из старейших в мире (цивилизационный подход). Это были земледельческие цивилизации со всеми присущими им проблемами, где огромную роль играл сложный «земельный вопрос».

На рубеже XVI—XVII вв. и Россия, и Китай оказались в состоянии глубокого социально-экономического, социально-политического и духовного кризиса. В его основе лежал ряд внутри- и внешнеполитических факторов. О неблагополучии в обеих странах свидетельствовали крестьянские войны, но в России они не носили такого затяжного характера, как это было в Китае.

«Смута» и в России, и в Китае закончилась установлением новой династии. В России сохранилась преемственность, в Китае же к власти пришла иноземная маньчжурская династия, которая, тем не менее, старалась сохранить традиции китайской цивилизации и во внутренней, и во внешней политике.

^{*} Анализу проблемы «Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в.» посвящена монография Е.Л. Беспрозванных [2].

XVII век в России стал примечательным, переломным временем, началом нового периода российской истории. Характер социально-экономических отношений в Китае не претерпел кардинальных изменений. Период экономического расцвета и сравнительной стабильности в социальных отношениях китайского общества продолжался до последней четверти XVIII в. С этого времени вновь становятся очевидными приметы кризиса империи и нарастания социальной напряжённости в обществе. Во многом эти явления были результатом завоеваний, осуществлявшихся маньчжурами на всём протяжении XVIII в. [7, с. 279]. Новую эру в истории Китая открыла Синьхайская революция 1911 г.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров. М.: Аспект Пресс, 2005. 335 с. (Золотая коллекция).
- 2. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.
- 3. Буганов В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. М.: Молодая гвардия, 1989. 320 с.
- 4. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М.: Наука, 1977. 387 с.
- 5. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае / «Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова. М., 1966.
- 6. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России с древнейших времён до конца XX в.: учёб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 728 с.
- 7. История Китая: учебник / под ред. А.В. Меликсетова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Изд. дом «ОНИКС 21 век», 2004. 752 с.
- 8. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 247 с.
- 9. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М.: Наука, 1980. 312 с.
- 10. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 506 с.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Исследовано современное состояние и перспективы развития научно-образовательного комплекса Дальнего Востока России, выявлен ряд проблем и противоречий, предложены пути их решения.

Ключевые слова: научно-образовательный комплекс, Дальний Восток России, современное состояние, проблемы, перспективы.

V.G. Makarenko

The scientific-educational complex of the Far East of Russia on the nowadays: problems and perspectives

There explored modern conditions and perspectives of the development of scientific-educatioal complex of the Far East of Russia, revealed series of problems and contradictions, there supposed the ways of theirs decision.

Key words: scientific-educational complex, Far East of Russia, modern conditionds, problems, perspectives.

^{*} Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума РАН (грант № 12-1-П33-04 «Традиции и инновации в системе высшего образования на Дальнем Востоке в период социальных трансформаций в XX — начале XXI в. в свете историко-культурных ценностей России»).

Именно уровень развития науки, технологий, образования, качество человеческого капитала, в широком смысле этого слова, и определяют лидерство в современном мире.

Наша... общая задача— в том, чтобы последовательно, используя лучший отечественный и мировой опыт, сформировать в России научно-образовательную среду, отвечающую требованиям сегодняшнего дня, стратегическим приоритетам развития Российской Федерации.

Владимир Путин, Президент РФ

В настоящее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сформировался новый крупный мировой экономический и торговый центр, ориентированный на активное потребление относительно дешёвых сырьевых ресурсов. Ряд государств этой зоны — США, Япония, Республика Корея [1, с. 5; 6, с. 10, 12, 19; 8, с. 9], и особенно КНР [6, с. 10, 12, 19; 7, с. 75, 95; 8, с. 14, 16, 18, 19; 9, с. 5, 127, 157, 168, 171, 175] выделяются высоким динамизмом и опережающими другие страны темпами политического и социально-экономического развития.

Сложившееся положение закономерно обусловило стремление руководства России к экономической интеграции нашей страны в АТР и, соответственно, повышение внимания к Дальнему Востоку, имеющему выгодное геополитическое положение и обладающему значительными запасами уникальных природно-сырьевых ресурсов общемирового значения [5, с. 5; 9, с. 5, 6, 9,14; 12, с. 84; 10, с. 185—194], а также существенную переоценку его места и роли в современном политическом, экономическом и социальном развитии РФ с учётом развивающихся процессов глобализации и стратегии национальной безопасности [4; 9, с. 32—41]. Это проявилось в принятии ряда соответствующих решений на правительственном уровне: о проведении саммита АТЭС 2012 г. в г. Владивостоке, о корректировке федеральной целевой

комплексной программы развития Дальнего Востока и Забайкалья (до 2013 г.) в виде модернизированной долгосрочной «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», утверждённой правительством РФ 28 декабря 2009 г. № 2094-р. В ней предусмотрен ряд мер, направленных на дальнейшее комплексное освоение и развитие данной территории с учётом современных и перспективных тенденций интеграционных процессов, происходящих в АТР. В «Стратегии...» планируется вместо бывшего «сырьевого придатка», каким долгое время являлся Дальний Восток, создание здесь промышленно развитого региона на основе модернизации экономики, внедрения в производство новейших достижений науки, инновационных технологий, а также создание оптимального уровня социально-бытовой инфраструктуры с целью привлечения и закрепления населения.

На наш взгляд, это достаточно сложная задача по целому ряду причин. Во-первых, в хозяйственном комплексе Дальнего Востока и Байкальского региона производительность труда в расчёте на одного работающего в 4 раза ниже, чем в Японии, в 6 раз ниже, чем в США, в 2,5 раза ниже, чем в Южной Корее, в 5 раз ниже, чем в Австралии, а также значительно ниже среднероссийских показателей. Во-вторых, потребление первичных энергоресурсов на территории Дальневосточного региона на единицу валового регионального продукта в 2,5 раза выше, чем в среднем по РФ, электрической энергии — в 1,8 раза, нефтеёмкости — в 2 раза [11]. В-третьих, крайне неэффективна структура сложившегося топливно-энергетического баланса. В-четвёртых, явно недостаточна степень интегрированности экономики субъектов РФ, расположенных на территории региона. В большей степени интегрированы только отдельные, южные, территории Дальнего Востока и Байкальского региона, объединённые единой транспортной и энергетической инфраструктурой [11]. В-пятых, с 1992 г. здесь сложился наиболее интенсивный в России отток населения в западные районы страны. Сокращение численности населения сопровождается его старением и дальнейшей концентрацией в городах. В то же время в большинстве стран ATP демографическая ситуация развивается с положительной динамикой — численность населения растёт, доля молодого населения не опускается ниже критического уровня [11].

В сложившихся условиях реализация очередной, столь масштабной государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на основе эффективного использования «человеческого капитала», «экономики знаний», инновационных технологий невозможна без адекватного научного сопровождения, без научно-производственного потенциала, без достаточного количества квалифицированных трудовых ресурсов, в том числе учёных и специалистов с высшим образованием (инженеров, технологов, конструкторов, врачей, учителей, агрономов и др.), без тесного взаимодействия региональной академической науки и высшего образования.

Однако в настоящее время, согласно исследованиям российских и зарубежных учёных, а также ежегодным международным рейтингам, качество подготовки специалистов в российской высшей школе, в том числе на Дальнем Востоке, значительно уступает мировому уровню. Создание инновационных, научно-исследовательских вузов и федеральных университетов пока ещё не решило проблему формирования единого (сетевого) образовательного пространства, их тесного взаимодействия и сотрудничества. Более того, в конце 2012 г. Министерством образования и науки РФ определён перечень так называемых «неэффективных вузов», которые планируется в лучшем случае объединить или «оптимизировать» их деятельность, а худшем — закрыть. В этом перечне есть недостаточно обеспеченные материально-техническими ресурсами и научно-педагогическими кадрами дальневосточные вузы и их филиалы, расположенные на периферии субъектов ДФО [1].

По мнению некоторых депутатов Государственной думы РФ, сложившаяся ситуация в системе высшего образования

во многом обусловлена результатами «мониторинга эффективности» (или оценки деятельности вузов) по «универсальным» критериям, разработанным в Министерстве образования и науки $P\Phi$, не отражающими реальной обстановки [3].

На наш взгляд, действительное положение дел, особенно в крупных отдалённых и перспективных в экономическом отношении регионах, таких как Дальний Восток, может быть представлено только на основе объективного и всестороннего научного анализа результатов основной деятельности вузов за последние 10—15 лет, тщательной научной инвентаризации их социально-профессиональной специализации с обязательным учётом специфических особенностей, структуры и перспектив развития хозяйственно-экономического комплекса территории, а также возможностей дальнейшего развития интеграции вузов с академической наукой [3; 10, с. 554—555]. Практика показывает, что подобное интеграционное сотрудничество и тесное взаимодействие системы российского высшего образования и академической науки, продолжающееся уже более 50 лет, даёт значительный положительный эффект. Представляется, что и в перспективе интеграция академической науки и высшего образования должна стать базовым, основополагающим и системообразующим фактором социально-экономического и культурного развития Дальнего Востока и Забайкалья в соответствии с задачами принятой долговременной программы социально-экономического развития региона.

К настоящему времени на Дальнем Востоке уже началась реализация ряда научно-образовательных программ, в которых предусмотрено активное взаимодействие академического и вузовского секторов в проведении совместных научных исследований и подготовке специалистов (приняты программы «Стратегия развития Дальневосточного отделения РАН до 2025 года», «Программа развития Дальневосточного федерального университета», «Программа развития Северо-Восточного федерального университета» (утверждены правительством РФ на 2010—2019 гг.) (Тек. архив ДВО РАН. Научно-организационное управление (далее — ТА ДВО РАН. НОУ). Реше-

ние Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания с повесткой «Состояние и основные направления развития научно-образовательного комплекса на российском Дальнем Востоке», 5 декабря 2012 г., г. Владивосток).

В рамках рыночной парадигмы развития страны и, соответственно, в целях формирования конкурентной среды в образовательном пространстве высшей школы Дальнего Востока в 2012 гг. проведён конкурс стратегических программ развития вузов, победителями которого стали государственные университеты региона: Камчатский им. Витуса Беринга, Сахалинский, Тихоокеанский, Комсомольский-на-Амуре технический университет и Владивостокский университет экономики и сервиса. Эти вузы получили значительную бюджетную финансовую поддержку в форме дополнительных субсидий на выполнение государственного задания по подготовке необходимых региону специалистов (Там же).

На совместном заседании Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО «Состояние и основные направления развития научно-образовательного комплекса на российском Дальнем Востоке», состоявшемся 5 декабря 2012 г. в г. Владивостоке, констатировалось, что успешной реализации новой стадии взаимодействия академической науки и высшей школы на современном этапе в значительной степени будет способствовать создание на о-ве Русский Тихоокеанского научно-образовательного центра (ТНОЦ). Согласно планам, в его состав наряду с Дальневосточным федеральным университетом войдёт и инновационный Научный парк РАН в виде группы новых институтов ДВО РАН: Центр экологического мониторинга морских акваторий, Институт геофизики и геохимии, Институт прикладной химии, Институт прикладной математики, Институт медицинских технологий, Морская биологическая станция, Научно-образовательный центр «Приморский океанариум» и др. [Там же; 2, с. 5; 3]. Это значительно расширит возможности для воспроизводства научного потенциала и необходимых специалистов с высшим образованием

непосредственно в регионе и для этого имеются соответствующие ресурсы. Собственно Дальневосточное отделение РАН сегодня представляет собой крупный многоотраслевой научно-исследовательский комплекс из 34 научных учреждений (дислоцированы в Приморском, Хабаровском и Камчатском краях, Сахалинской, Магаданской, Амурской областях, Еврейской автономной области). В них работают 2300 научных сотрудников, в том числе 380 докторов, 1260 кандидатов наук, 17 академиков и 28 членов-корреспондентов РАН. Вузовский потенциал Дальневосточного федерального округа (ДФО) в настоящее время представлен 44 государственными и 15 негосударственными вузами (и их филиалами), в которых обучаются 218 000 студентов по 300 специальностям, работают 11 740 преподавателей, в том числе 1150 докторов наук и 5980 кандидатов наук (ТА ДВО РАН. НОУ. Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания..., 5 декабря 2012 г.; Галлямова Л.И., Макаренко В.Г. Отчёт «Дальний Восток: научно-образовательный потенциал» (Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 668. Π . 4, 5); [2, c. 5; 10, c. 214, 216, 217—220].

В рамках интеграционного сотрудничества около 30% научных сотрудников ДВО РАН ведут систематические занятия в 35 вузах региона: осуществляют подготовку студентов на 35 базовых кафедрах, обеспечивают функционирование 40 учебно-научных и инновационно-технологических центров, семи центров научно-производственной практики студентов. В вузах региона при активном участии учёных ДВО РАН созданы 13 совместных исследовательских лабораторий и 26 научнообразовательных центров. Подготовка студентов осуществляется на современной приборной базе 18 центров коллективного пользования (ЦКП) ДВО РАН. Сотрудники Дальневосточного отделения, обеспечивая учебный процесс в качестве преподавателей и научных руководителей дипломных и курсовых работ студентов, выполняют среднегодовую учебную нагрузку в размере 170 тыс. учебных часов, читают более 350 уникальных специальных курсов лекций (ТА ДВО РАН. НОУ. Решение

Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания..., 5 декабря 2012 г.); [2, с. 5].

Таким образом, достигнутый в настоящее время уровень интеграции академической науки и высшей школы определяющим образом способствует значительному повышению качества и эффективности подготовки кадров с высшим образованием для экономики Дальневосточного региона. Более того, основные результаты работы институтов ДВО РАН за последние пять лет убедительно демонстрируют высокую динамику научно-образовательной деятельности: заметно снизился средний возраст научных сотрудников — в 2013 г. он не превышал 49 лет; удельный вес молодых научных сотрудников (до 35 лет) составил более 27%; доля кандидатов наук в возрасте до 40 лет превышает 30%; общее количество публикаций за 2012 г. — более 7000, из них в реферируемых изданиях 2500; рост публикационной активности учёных ДВО РАН в зарубежных изданиях составил более 30%. В институтах ДВО РАН к концу 2013 г. создано 35 базовых кафедр, на которых проходят подготовку около 1000 студентов вузов Владивостока, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Магадана, Петропавловска-Камчатского, Биробиджана. В научно-образовательном процессе задействовано более 350 ведущих учёных ДВО РАН, их суммарная лекционная нагрузка достигает 170 000 часов. Объём средств, централизованно направленных на модернизацию приборного парка научных институтов ДВО РАН за период 2008—2012 гг. превысил 3 млрд руб. Для сотрудников академических институтов, учёных и специалистов университетов и отраслевых институтов региона в ДВО РАН создано 18 центров коллективного пользования уникальным научным оборудованием. В течение длительного времени успешно функционирует корпоративная телекоммуникационная сеть ДВО РАН, обеспечивающая доступ к информационным и вычислительным ресурсам более 100% научных сотрудников и связанная с локальными сетями ведущих университетов Дальнего Востока (ТА ДВО РАН. НОУ. Выступление председателя ДВО РАН академика В.И. Сергиенко на Общем собрании РАН 9 сентября 2013 г.).

Все эти достаточно высокие на сегодняшний день результаты деятельности академических учреждений ДВО РАН с вузами Дальневосточного региона стали возможными благодаря своевременным и рациональным управленческим решениям Президиумов РАН, ДВО РАН, при активном участии научных коллективов академических институтов, при существовавшей в 2010—1013 гг. возможности консолидации финансовых и материальных ресурсов (бюджетных и внебюджетных) на научных направлениях, способствующих комплексному и сбалансированному развитию науки в Дальневосточном регионе, причём без поддержки Министерства образования и науки РФ. Особенно хотелось бы отметить, что неоднократные обращения руководства ДВО РАН в Минобрнауки РФ с обоснованием необходимости расширения объёмов строительства, капитального ремонта зданий и сооружений, модернизации судов научно-исследовательского флота, к сожалению, в течение ряда лет оставались без внимания. Кроме того, в настоящее время в структуре расходов научных институтов ДВО РАН фонд оплаты труда постоянно растёт и в настоящее время достигает 72—75%. Таким образом, можно констатировать, что имеет место медленный, но уверенный возврат к ситуации начала 1990-х годов, когда государственное финансирование обеспечивало только выплату зарплаты, а государственных средств на научные исследования не выделялось. В условиях начавшейся реализации принятого в конце 2013 г. постановления правительства о реформе Российской академии наук и передаче функций управления её имуществом вновь созданному Федеральному агентству научных объединений (ФАНО) осуществление совместных с вузами научных программ и планов дальнейшей интеграции находится под большим вопросом, что, по мнению ряда отечественных и зарубежных специалистов, несомненно, нанесёт значительный ущерб развитию регионального научно-образовательного комплекса [3] (ТА ДВО РАН. НОУ. Выступление председателя ДВО РАН академика В.И. Сергиенко на Общем собрании РАН 9 сентября 2013 г.).

Согласно прогнозам, в результате осуществления этой, навязанной Министерством образования и науки и правительством РФ, реформы РАН, региональные отделения, в том числе и ДВО РАН, в перспективе потеряют функции управления своим имуществом, и. как следствие, дальневосточные академические институты могут лишиться отлаженной уникальной телекоммуникационной сети, 17 центров коллективного пользования, создающих основу высокой компетенции сотрудников по ряду приоритетных направлений развития науки; хорошо отработанной системы организации и проведения междисциплинарных научно-исследовательских и инновационных конкурсных проектов, междисциплинарных морских экспедиций (стоимостью около 300 млн руб. централизованных средств ежегодно); налаженной системы интеграционных междисциплинарных научно-исследовательских проектов с УРО и СО РАН, РАМН и РАСХН; успешно функционирующей системы поддержки базовых кафедр и перспективных программ интеграции академической и вузовской науки; отлаженной и отработанной системы поддержки (софинансирования) программ международных конкурсных проектов (с зарубежными организациями CRDF, CNRS, VANT, KAST, с университетами Японии, Тайваня); единой сбалансированной стратегии развития академического сектора науки в быстро развивающемся регионе, составляющем одну четвёртую часть территории России (Там же). Экспертами также спрогнозировано повторение негативной ситуации в отечественной науке в начале 1990-х годов, а именно: массовый отток (что оппоненты из Минобрнауки называют «академической мобильностью») способной и перспективной молодёжи из сферы науки. В условиях глобализации и формирования инновационных технологий всем государствам нужны образованные и профессионально подготовленные молодые люди. Неудивительно, что сегодня ряд талантливых молодых кандидатов наук ДВО РАН уже имеет конкретные предложения для работы по контракту за рубежом — в университетах Японии, Тайваня, КНР, США. Таким образом, нам представляется, что

имеющийся реально, а также спланированный искусственно правительственной реформой российской науки «демографический провал Дальневосточное региональное отделение РАН едва ли переживёт» (Там же). Это невольно наводит на мысль, что поэтапное (с 1992 г.) проведение реформ науки и образования в России (без учёта мнения и без широкого обсуждения научно-образовательным сообществом, без увеличения финансирования на фундаментальные исследования РАН) ставит своей целью перевод отечественной науки в университеты, как это исторически сложилось в США и ряде стран Европы. Однако, на наш взгляд, это слепое и не продуманное идеологами реформ копирование зарубежного опыта организации науки вряд ли даст ожидаемые результаты в российских условиях, когда вузовские преподаватели, как показывает практика, особенно на периферии, традиционно имеют высокие учебные нагрузки (до 900—1000 часов в год и более), что не оставляет времени для проведения фундаментальных научных исслелований.

И другой немаловажный аспект, навязываемый реформой российскому научному сообществу, — финансирование, которое планируется осуществлять за счёт создания новых научных фондов, грантов, инвестиций частного сектора экономики и средств бизнеса. Современная практика показывает, что представители российского бизнеса предпочитают заказывать за рубежом конкретные, в основном прикладные, научные исследования и разработки. В результате одна только грантовая система, без государственных инвестиций, скорее всего, будет не в состоянии обеспечить полноценное, на надлежащем уровне развитие отечественной фундаментальной науки, а также продолжение эффективного на сегодняшний день сотрудничества с вузами в сфере подготовки специалистов.

Анализ «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» свидетельствует об острой потребности в кадрах с высшим образованием в областях рационального природопользования, технологий добычи и переработки биологических ресурсов на суше и на море, биологии и экологии, нефте- и газопереработки, машиноведения, аэрокосмической отрасли, нефтехимии, агрохимии, лесоводства и лесопереработки, морской геологии и геофизики, современных коммуникационных и медицинских технологий, разработки новых технических средств освоения океана, международных отношений, межкультурных коммуникаций (ТА ДВО РАН. НОУ. Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания..., 5 декабря 2012 г.). Именно эти направления подготовки кадров в вузах региона во многом обеспечивались за счёт интеграции и сотрудничества вузов и научно-технического потенциала ДВО РАН.

По мнению председателя Совета ректоров вузов Дальнего Востока д.т.н., проф. С.Н. Иванченко, сложной является проблема закрепления в регионе молодых, талантливых специалистов для работы в сфере науки и наукоёмких технологий. Эта проблема не может быть решена без программно-целевого подхода к обеспечению в первую очередь молодых специалистов и их семей доступным жильём, что могло бы остановить продолжающийся отток населения из Дальневосточного региона, включая наиболее талантливую, социально и творчески активную молодёжь. Кроме того, в ближайшей перспективе необходима реализация поддерживающей системы обучения в форме постоянно функционирующих программ корпоративного тренинга в университетах региона. От устоявшейся, традиционной концепции подготовки специалистов «образование на все времена» в настоящее время требуется переход к «концепции непрерывного образования». В этом плане созданное Министерство РФ по развитию Дальнего Востока могло бы оказать эффективное содействие в реализации приоритетных инвестиционных, научно-технических, технологических и образовательных проектов, главным образом путём формирования пакета целевых заказов, адресованных научно-образовательному комплексу региона, на подготовку высококвалифицированных кадров, разработку конкурентоспособной наукоёмкой продукции и инновационных технологий (Там же).

Таким образом, по мнению представителей Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО, в числе приоритетных направлений развития научно-образовательного комплекса в целом и высшего образования в частности в контексте реализации «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» в ближайшее время потребуется выполнить следующие необходимые мероприятия:

- привести социально-профессиональную структуру подготовки специалистов в соответствие с потребностями приоритетных и перспективных отраслей региональной экономики;
- в целях проведения технологической модернизации экономики региона интенсифицировать подготовку специалистов для науки и инновационной экономики с ориентацией на высокие технологии в нефтегазовой, аэрокосмической областях, машиностроении и других новых отраслях реального производства;
- обеспечить дальнейшее развитие интеграции академических институтов и вузов региона в форме новых научно-образовательных структур: базовых кафедр, лабораторий, учебно-научных центров, интеграционных научных исследований, грантовой политики, издательской деятельности;
- -научно-образовательным интеграционным структурам ДВО РАН и вузов региона сконцентрировать усилия на разработке, внедрении и реализации образовательных программ, нацеленных на развитие у студентов навыков проектной, инженерной деятельности, постановки и решения инновационных залач.

С учётом развития в ATP глобализационных процессов назрела необходимость создания международных научных, научно-образовательных и научно-производственных структур для продвижения наукоёмкой продукции региона на мировой рынок. По мнению научно-образовательного сообщества региона, результатом тесного взаимодействия Совета ректоров

вузов ДФО, ДВО РАН, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, полномочного представителя президента РФ в ДФО может и должно стать реальное научное и кадровое сопровождение государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.», а также совместная работа на постоянной основе по формированию пакета целевых госзаказов на разработку и внедрение институтами ДВО РАН и вузами региона наукоёмких технологий и инновационной продукции (Там же).

ЛИТЕРАТУРА

- 1. В ГД требуют от Ливанова открытого обсуждения ситуации вокруг вузов // [Электронный ресурс]. URL. http://ria.ru/society/20121220/915667528.html (Дата обращения: 22.12.2012 г.).
- 2. Галлямова Л.И., Макаренко В.Г. Учёба и наука рука об руку // Дальневост. учёный. 2012. № 13 (1455). 11 июля.
- 3. Депутат: Академией наук должны управлять учёные // [Электронный ресурс]. URL. http://www.rosbalt.ru/video/2014/02/07/1230803. html (Дата обращения: 2.03.2014 г.).
- 4. Исторические проблемы социально-политической безопасности Российского Дальнего Востока (вторая половина XX начало XXI в.). В 2-х кн. Кн. 1: Дальневосточная политика: стратегия социально-политической безопасности и механизмы реализации / А.С. Вашук, А.Е. Савченко, Ю.Н. Ковалевская, Л.А. Крушанова, Е.В. Галенко, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, А.П. Коняхина. Владивосток: ИИАЭ ДАО РАН, 2014. 360 с.; Кн. 2: Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий / А.С. Вашук, А.В. Друзяка, Е.Н. Чернолуцкая, Л.И. Галлямова, Г.Г. Ермак, Л.А. Крушанова, Ю.А. Авдеев, В.Л. Ушакова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
- 5. Кривелевич М.Е. Финансовые риски для Дальнего Востока России в постиндустриальном мире // У карты Тихого океана: информ.-аналит. бюл. / редкол.: В.Л. Ларин, А.П. Герасименко и др. 2012. № 26 (224). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 46 с.
- 6. Ларин В.Л. Основные проблемы в Восточной Азии в начале XXI века (докл. на заседании Президиума ДВО РАН 30 сент. 2005 г.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 24 с.

7. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.

- 8. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века: избр. статьи и доклады. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 216 с.
- 9. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
- 10. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050 / под ред. акад. П.А. Минакира, акад. В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
- 11. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утверждена правительством РФ 28 декабря 2009 г. № 2094-р [Электронный ресурс]. URL. http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/ (Дата обращения: 31.05, 2013 г.).
- 12. Тихоокеанская Россия 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 560 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гирфанова Альбина Хакимовна — к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, albigirf@gmail.com

Дьяков Владимир Иванович — д.и.н., проф., проректор по науке, ВФ РТА, vid3@yandex.ru

Дьякова Ольга Васильевна— д.и.н., проф., зав. лабораторией археологии Приамурья, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, emelianova49@mail.ru

Кривуля Юрий Васильевич — свободный исследователь, г. Уссурийск.

Макаренко Василий Геннадьевич — к.и.н., с.н.с. Отдела истории Дальнего Востока, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, vasgen@bk.ru

Никитин Юрий Геннадьевич—зав. Музеем ИИАЭ ДВО РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. urgen55@yandex.ru

Самигулов Гаяз Хамитович — к.и.н., Южно-Уральский государственный университет, gayas@mail.ru

Сухачёв Николай — к.фил.н., Институт Лингвистики РАН, г. Санкт-Петербург, nsuh@inbox.ru

Тарасов Олег Юрьевич — к.и.н., свободный исследователь, г. Хабаровск, oltar-1972@mail.ru

Чернавская Валентина Николаевна— к.и.н., с.н.с. лаб. археологии Приамурья, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

Шавкунов Владимир Эрнстович — к.и.н., с.н.с. лаб. археологии Приамурья, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. vshavkunov@yandex.ru

Янчев Дмитрий Викторович — к.и.н., н.с. Отдела этнологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, vadim68@mail.ru

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Выпуск 3

Сборник научных статей

Редактор-корректор *В.Е. Старовойтова* Редактор электронной верстки *А.С. Иванов*

Изд. лиц. ИД 05497 от 01.08.2001 г. Подписано к печати 26.12.2014 г. Формат 60×90/16. Печать офсетная. 17 усл. печ. л. 13,06 уч.-изд. л. Тираж 350 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН 690041. Владивосток, ул. Радио, 7.